

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 25

В 4 частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2025

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 27 декабря 2024 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Четет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьёв*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Д. А. Мизун

Республиканский институт высшей школы, Минск

D. A. Migun

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327(476:430)(091)

ПОЖАР В РЕЙХСТАГЕ 27 ФЕВРАЛЯ 1933 Г. НА СТРАНИЦАХ БЕЛОРУССКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

THE REICHSTAG FIRE ON FEBRUARY 27, 1933 ON THE PAGES OF THE BELARUSIAN CENTRAL PRESS

В статье подробно исследуется провокация пришедших к власти в Германии в 1933 г. национал-социалистов, связанная с поджогом рейхстага. На основании тщательного анализа опубликованных архивных документов и центральной белорусской прессы автор приходит к выводу, что после данной провокации в Германии значительно активизировались нападки и преследование коммунистов.

Ключевые слова: Германия; Беларусь; центральная партийная пресса; политические репрессии.

The article examines in detail the provocation of the National Socialists who came to power in Germany in 1933, connected with the burning of the Reichstag. Based on a thorough analysis of published archival documents and the central Belarusian press, the author comes to the conclusion that after this provocation, attacks and persecution of communists in Germany significantly intensified.

Keywords: Germany; Belarus; central party press; political repressions.

30 января 1933 г. Гитлер пришел к власти в соответствии с Веймарской конституцией, но демократическим политиком оставался ровно четыре недели.

В январе 1933 г. 85-летний президент Германии Гинденбург назначил на должность рейхсканцлера (главы правительства) лидера НСДАП Адольфа Гитлера. Так началось восхождение нацистов к власти. Получив власть, Гитлер путем шантажа заставил президента распустить парламент и назначить новые выборы. Он использовал информацию о коррумпированности сына Гинденбурга Оскара. Таким образом лидер нацистов стремился увеличить количество своих членов в законодательном органе для усиления контроля над ним. Выборы должны были состояться 5 марта 1933 г. Началась подготовка к выборам.

Но уже в первый месяц правительство создало ряд ограничений для своих конкурентов. Были запрещены митинги сначала коммунистов, а затем и других партий. В квартирах лидеров коммунистов начались обыски. Все

эти запреты были связаны с тем, что новый рейхсканцлер ввел чрезвычайное положение из-за противостояний и столкновений на улицах. Часто это были бои между сторонниками оппозиционных партий и «полулегальных отрядов СА и СС» НСДАП.

В 11 часов вечера 27 февраля пожарные активно тушили здание немецкого парламента. В свете политического противостояния нацистов и коммунистов подозрение сразу пало на левых. Эту же версию журналистам высказал сам Гитлер. При тушении пожара полиция задержала Маринуса дер Люббе, он был в одной рубашке, так как пальто и пиджак использовал для растопки огня. Это был коммунист из Голландии, прибывший в Германию пару недель назад для участия в борьбе с нацистами.

Уже 28 февраля немецкие газеты вышли с кричащими заголовками и обвинениями в отношении коммунистов. К примеру «Berliner Morgenpost» в передовой статье «Поджог: здание рейхстага в огне. Купол и зал в море огня. Поджигатель арестован и признался: голландский коммунист» на фоне изображения пылающего рейхстага открыто обвинила в этом злодейском поступке коммунистов [1].

Орган Центрального и Минского Комитетов КП(б)Б газета «Звезда» в своем номере от 1 марта 1933 г. в статье «Неслыханная провокация немецкого фашизма. Поджог здания рейхстага» сообщала, что «огонь вспыхнул в 12 местах и продолжался всю ночь» [2]. Также сообщалось, что значительная часть здания совсем уничтожена. Утром удалось остановить дальнейшее распространение огня.

Согласно официальному сообщению отдела печати прусского правительства, были арестованы два руководящие члена коммунистической фракции рейхстага по «серьезному подозрению в поджоге рейхстага». Часть депутатов и ряд ответственных работников партии тоже были взяты под присмотр полиции [2]. По всей Пруссии были запрещены все коммунистические газеты, журналы, листовки и плакаты. На 14 дней были запрещены также все газеты, листовки и плакаты социал-демократической партии. С причины того, что поджигатель, как говорилось в официальном сообщении, на следствии признался в своей связи с социал-демократической партией, с этого признания, наличие коммунистического и социал-демократического единого фронта стала очевидной. По сообщению агентства «Контин», в ночь на 28 февраля был принят ряд репрессивных мер против коммунистической и социал-демократической печати [2]. Так весь номер левой рабочей газеты «Berlin am Morgen» был конфискован. Также были конфискованы многочисленные листовки компартии и социал-демократической партии. Поздней ночью полиция заняла дом редакции центрального органа социал-демократической партии «Форвертс». Полиция конфисковала в редакции два грузовика с предвыборными воззваниями, листовками и рядом других печатных материалов. Вся берлинская полиция была приведена в полную боевую готовность. В полицей-президентуме была создана специальная комиссия для ведения следствия по пожаре

в рейхстаге. По улицам патрулировали полицейские, вооруженные винтовками. Как передавало агентство «Конти», полиция заняла прусский ландтаг. Усиленные отряды полиции также были отправлены для усиления охраны ряды общественных зданий и важнейших предприятий.

Орган Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров БССР газета «Савецкая Беларусь» в своем номере от 3 марта 1933 г. в статье «Поджог германского рейхстага – провокация фашистов» сообщала, что «агентство «Инпрекор» опубликовало заявление ЦК компартии, в которой решительно опровергаются всякие обвинения в каком бы то ни было участии в поджоге рейхстага» [3]. Далее отмечалось, что «рабочий класс и трудящиеся Германии знают, какими методами и каким путем компартия идет к своей цели. Многочисленные заявления различных партий, сделанные за последние недели, ясно доводят, кто именно был заинтересован в том, чтобы рейхстаг не собирался. Далее в заявлении указывается, что при современном состоянии, именно германская компартия является единой партией, которая действительно сражается за оборону последних остатков демократических свобод» [3]. «6 млн коммунистических избирателей знают, – подчеркивалось далее, – что компартия Германии под руководством своего ЦК, во главе которого стоит Эрнст Тельман, всегда сражалась против индивидуального террора и тем более против подобных поджогов. Сообщения печати, что в рейхстаге произошла коммунистическая конференция, а также, что арестованный Ван дер-Люббе является членом компартии Голландии, не отвечают действительности. Чрезвычайно удивительно, что человек, который якобы использовал свою одежду для поджога, все же где-то якобы имел партийный билет. Далее в заявлении ЦК указывается на то, что поджог в рейхстаге напоминает поджог в Грозберине и поджог в зданиях реформистских профсоюзов» [3].

Вообще следует отметить, что метод публикации сообщений о поджоге рейхстага в прессе напоминают «лист Зиновьева», который в Англии был опубликован в преддверие выборов, известное сообщение о Югерборгском железнодорожном покушении, которое как это потом было заявлено, было делом рук венгерского белогвардейца, а также ряд других подобных покушений.

Далее в заявлении ЦК звучала апелляция ко всему рабочему классу Германии ответить проведением ряда соответствующих мероприятий, в первую очередь на заводах и биржах труда. В конце заявления говорилось: «Компартия в интересах проведения безотлагательных соответствующих мероприятий обращается к социал-демократической партии, к Всегерманскому комитету реформистских союзов, союзу республиканского флага и ко всем рабочим организациям о безотлагательном приложении всех сил для проведения в жизнь центральной задачи сегодняшнего дня» [3].

Вскоре был арестован лидер коммунистической фракции КПП в рейхстаге Эрнст Торглер, а также три болгарских коммуниста – Димитров, Та-

нев и Попов. Димитров по поддельными документами и кодовым именем «Бриллиант» вел агентскую деятельность для Коминтерна. Попов был официальным представителем Коминтерна в Берлине, а Танев и вовсе был провозом. В сентябре в Лейпциге начался суд.

Орган Центрального и Минского Комитетов КП(б)Б газета «Звезда» в своем номере от 23 сентября 1933 г. в статье «Судебная комедия началась» сообщала, что «в Лейпциге уже с утра вся площадь перед зданием верховного суда была оцеплена и закрыта для всякого движения. Подсудимые обвинялись в том, что 25 и 27 февраля 1933 г. пробовали «изменить насильственно конституцию Германии», потом — что они «умышленно подожгли рейхстаг» и что Ван дер Любе пробовал делать поджоги в Нейкельском доме общественного приюта и в берлинском дворце» [4].

На скамью подсудимых, помимо Ван дер Любе, усадили бывшего председателя парламентской фракции КПП Эрнста Торглера и трех проживавших в Германии болгарских коммунистов: Георгия Димитрова, Василя Танева и Благоя Попова. По обыкновению диктаторских режимов, нацисты непременно хотели приписать к делу «внешних врагов».

Ван дер Любе утверждал, что действовал в одиночку. Выяснилось, что у Торглера и Димитрова с товарищами на момент пожара имелось алиби, а единственным доказательством их знакомства с Ван дер Любе являлись утверждения полицейского осведомителя.

Танев и Попов по-немецки не говорили, но Димитров, владевший языком свободно, постоянно вступал в полемику с Герингом, указывая на неточности в обвинении. Его 36 раз лишали слова, и пять раз выводили из зала суда. Весь мир обошла знаменитая фраза Димитрова: «Вы боитесь моих вопросов, господин министр-президент!». Прямую радиотрансляцию сочли за благо прекратить.

При этом Димитров не скрывал, что является сотрудником Коминтерна. У себя на родине он был заочно приговорен к смертной казни за участие в вооруженном мятеже в 1923 году.

В защиту подсудимых выступили Альберт Эйнштейн, Ромен Роллан и Анри Барбюс. Антифашисты провели в Лондоне общественные слушания, в ходе которых обвинили в поджоге рейхстага Геринга.

Немецкие власти отказали в аккредитации на процессе корреспондентам советских газет. Газета «Звезда» в своем номере от 21 сентября 1933 г. в статье «Советские журналисты не допущены на лейпцигский процесс» сообщала, что «20 сентября министерство пропаганды Германии сообщило в совет иностранной печати в Берлине, что ни одному из советских корреспондентов в Берлине не дано разрешение присутствовать на процессе о поджоге рейхстага. Также решено не допускать на процесс представителей коммунистической и социал-демократической прессы, так как от них «нельзя ждать объективного освещения процесса» [5]. Москва в ответ при-

грозила выслать из СССР всех германских журналистов – беспрецедентная мера в международной практике. 4 ноября аккредитация была предоставлена.

Газета «Звезда» в своем номере от 25 сентября 1933 г. в статье «Димитров разоблачает лейпцигских провокаторов» сообщала, что «Димитров держит себя твердо, с честью и резко отвечает на вопросы судей. Печать отмечает, что председатель суда не раз останавливал обвиняемого, предлагая ему “держаться себя пристойно”» [6].

Как во время всего судебного разбирательства, так и в его выступлении с заключительной речью Г. Димитрова неоднократно прерывали и угрожали ему, что лишат его слова. Это заставило его торопиться, чтобы успеть сказать всё задуманное. Последние слова Димитрова в заключительной речи на суде выражают его безоговорочную веру, что дело, которому он посвятил свою жизнь, восторжествует: «Колесо истории вертится... оно будет вертеться до окончательной победы коммунизма!» [7].

23 декабря 1933 г. состоялось последнее заседание Имперского суда. После трехмесячного поединка суд вынужден вынести оправдательный приговор Г. Димитрову, Б. Попову, В. Таневу. Фактически, вердикт стал оплеухой нацистам, настаивавшим на версии заговора.

Газета «Звезда» в своем номере от 26 декабря 1933 г. в статье «Лейпцигское поражение германского фашизма» сообщала, что «Приговор суда по делу о поджоге рейхстага носит на себе яркий отпечаток всей бездарной инсценировки, которая войдет в историю классовой борьбы под названием “лейпцигского процесса”» [8].

Казненного Ван дер Люббе в 2008 г. посмертно реабилитировали на основании принятого десятью годами ранее закона ФРГ «О несправедливых приговорах нацистских судов».

Торглер, Димитров, Танев и Попов были оправданы, но власти, без всяких правовых оснований, оставили их под стражей. Через два месяца болгар выслали в СССР, предоставивший им свое гражданство. 27 февраля 1934 г., в день годовщины поджога рейхстага, им устроили в Москве торжественную встречу.

Некоторые историки полагают, что лишь международная слава «героя Лейпцигского процесса» спасла Димитрова от репрессий в годы Большого террора.

Он руководил Коминтерном до его упразднения в 1943 г., а в ноябре 1945 г. возглавил просоветское правительство Болгарии.

Димитров умер в июле 1949 г. в клинике в подмосковной Барвихе. Его тело было доставлено в Софию в забальзамированном виде и помещено в мавзолей. Перезахоронение состоялось в 1990 г.

Торглера отправили в концлагерь. В 1934 г. он подписал заявление об отказе от участия в политике и вскоре был освобожден. Подпольная КПГ объ-

явила его ренегатом и исключила из своих рядов. После войны жил в ФРГ, состоял в Социал-демократической партии, умер в 1963 г.

Следствием Лейпцигского процесса стала передача политических дел из ведения обычных судов в «Народную судебную палату», выносившую приговоры без участия защиты.

Ее председатель Роланд Фрейслер, которого Гитлер называл «нашим Вышинским», оказавшись во время Первой мировой войны в русском плену, до возвращения на родину в 1920 г. состоял в РКП(б) и в качестве комиссара занимался продразверсткой.

Открытых политических процессов в Германии больше не проводилось. Лидер коммунистов Эрнст Тельман содержался в тюрьме, а в 1943 г. был расстрелян вообще без всякого суда, как и многие противники режима.

Берлинские пожарные получили сигнал о возгорании около 10 вечера. На место событий немедленно прибыли Гитлер, Геринг, Геббельс и вице-канцлер Франц фон Папен. Потушить огонь удалось через полтора часа.

5 марта должны были состояться внеочередные парламентские выборы, назначенные в начале февраля президентом Паулем фон Гинденбургом. В свете этого поджог случился для нацистов удивительно кстати. Оперативность, с которой они действовали, заставляет думать, что они, если и не подожгли рейхстаг, то готовились к чему-то подобному.

Уже 28 февраля Гитлер, не дожидаясь выводов следствия, выступил с речью и возложил вину на коммунистов. По его словам, пожар должен был послужить сигналом для попытки переворота. Геринг назвал поджог рейхстага мстью за совершенный 24 февраля по его приказу налет прусской полиции на «Дом Карла Либкнехта» – берлинскую штаб-квартиру КПГ.

В тот же день Гинденбург по требованию Гитлера подписал декреты «О защите народа и государства» и «Против предательства немецкого народа и происков изменников родины», отменявшие неприкосновенность личности и собственности, свободу собраний, союзов, слова и печати и тайну переписки. Чрезвычайное положение действовало до 8 мая 1945 г.

Компартия была официально запрещена.

Орган Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров БССР газета «Совецкая Беларусь» в своем номере от 4 марта 1933 г. в статье «Массовые аресты в Германии» сообщала, что «по распоряжению германского министерства внутренних дел власти Саксонии, Тюрингии, Брауншвейга, Ольденбурга и Вюртенберга выдали распоряжения о запрете коммунистической печати, а также всех коммунистических собраний и демонстраций» [9]. Далее отмечалось, что «по всех этих провинциях проводятся обыски в помещениях партийных комитетов и аресты активистов компартии» [9]. В Бремене большие отряды полиции провели обыски в помещении Областного комитета компартии, коммунистической типографии и на квартирах коммунистических активистов [9]. Далее в этом

же номере «Савецкай Беларусі» от 4 марта 1933 г. в статье «Арест 2000 коммунистов Рейнской области» сообщалось, что «согласно предыдущих данных в Рейнской области к этому времени арестовано 1200, в Вестфалии – 850 коммунистов» [10].

В течение нескольких дней власти арестовали только в Пруссии 7784 человека, в том числе некоторых социал-демократических и коммунистических депутатов, пользовавшихся парламентским иммунитетом, а по всей Германии – свыше 10 тысяч, и закрыли ряд газет, включая орган КПП «Роте фане».

Еще 22 февраля Геринг наделил около 30 тысяч штурмовиков полномочиями «вспомогательной полицейской силы». С 28 февраля они начали самостоятельно производить задержания и создали незаконные «дикие» тюрьмы, в которых не соблюдались правовые нормы и схваченные люди подвергались избиениям и пыткам.

На страницах газеты «Савецкая Беларусь» от 4 марта 1933 г. в статье «Приказ начальника штурмовых отрядов Берлина» сообщалось, что «центральный орган национал-социалистической партии «Фолькишер Беобахтер» опубликовал приказ начальника штурмовых отрядов графа Гельдорфа о проведении 4-го марта, в преддверие выборов в рейхстаг, «дня проснувшейся нации» [11]. Далее говорилось о том, что в этот день вся партия национал-социалистов объявляется мобилизованной [11]. В этот день Гитлер собирался произнести речь в Кенигсберге. Его речь собирались передавать по радио. Предполагалось, что по всей Германии и в других местах будут установлены громкоговорители, вокруг которых будут выстроены отряды национал-социалистических штурмовиков в полной форме [11].

Несмотря на силовое и моральное давление, на выборах 5 марта НСДАП получила лишь 43,91 % голосов. 12,32 % избирателей поддержали уже запрещенную компартию, однако их голоса были объявлены недействительными, а мандаты переданы нацистам, что позволило тем получить большинство.

В итоге количество депутатов сократилось с 647 до 566. Тем не менее для принятия закона национал-социалистам, у которых было 288 мандатов, голосов не хватало. Необходимо было предпринимать меры.

Дабы переманить на свою сторону центристов, Гитлер гарантировал лидеру Партии центра Людвигу Каасу свободу церкви. А для полного обеспечения победы во время голосования за законопроект здание, в котором заседание депутаты, окружили штурмовые отряды НСДАП.

Социал-демократы, выступающие против закона, планировали бойкотировать заседание и сорвать таким образом кворум. Однако руководство рейхстага изменило процедуру, и теперь отсутствие по неуважительной причине не учитывалось как основа для определения кворума. Бойкот терял смысл, и социал-демократы были вынуждены принять участие в заседании. Все представители партии проголосовали против.

Однако их голоса не смогли повлиять на дальнейшее развитие событий. За закон проголосовали 441 депутат – необходимые 2/3 голосов были набраны.

Принятие Закона о чрезвычайных полномочиях окончательно закрепило в Германии диктатуру нацистов. Демократическая Веймарская конституция потеряла свою силу, принцип разделения властей перестал работать, рейхстаг из дееспособного законодательного органа превратился в декоративный придаток нацистского режима.

13 марта было создано министерство пропаганды во главе с Геббельсом, 20 марта – первый концлагерь в Дахау.

21 марта новый рейхстаг собрался на первое заседание, и уже через два дня наделил канцлера чрезвычайными полномочиями сроком на четыре года (впоследствии они дважды продлевались), а правительство – правом самостоятельно издавать законы.

Во время голосования в зале находились вооруженные штурмовики и эсэсовцы. Высказаться против решились только 84 социал-демократических депутата.

После этого рейхстаг потерял всякое значение, а с 1942 г. вообще не собирался. Впоследствии нацисты физически уничтожили 96 депутатов разных созывов.

Под аккомпанемент патриотической демагогии и разговоров о необходимости единства и сильной власти 31 марта были ликвидированы земельные парламенты, 7 апреля создан институт не избираемых «имперских наместников», 2 мая запрещены профсоюзы и забастовки, 22 июня – Социал-демократическая партия, 14 июля – все партии, за исключением нацистской.

10 мая состоялось первое публичное сожжение книг.

По мнению историков, огромную долю вины за гибель германской демократии несет президент Гинденбург, который был наделен колоссальными конституционными правами и пользовался большим авторитетом в армии, но не сделал ничего.

Гитлеровский режим сложился окончательно 2 августа 1934 г., в день смерти 86-летнего главы государства, когда Гитлер присвоил, наряду с канцлерскими, президентские полномочия и провозгласил себя «фюрером германской нации».

Таким образом:

- 30 января 1933 г. Гитлер пришел к власти в соответствии с Веймарской конституцией, но демократическим политиком оставался ровно четыре недели;
- в 11 часов вечера 27 февраля пожарные активно тушили здание немецкого парламента. В свете политического противостояния нацистов и коммунистов подозрение сразу пало на левых;
- уже 28 февраля немецкие газеты вышли с кричащими заголовками и обвинениями в отношении коммунистов;

- согласно официальному сообщению отдела печати прусского правительства, были арестованы два руководящие члена коммунистической фракции рейхстага по «серьезному подозрению в поджоге рейхстага». Часть депутатов и ряд ответственных работников партии тоже были взяты под присмотр полиции;

- вскоре был арестован лидер коммунистической фракции Эрнст Торглер, а также три болгарских коммуниста – Димитров, Танев и Попов;

- Торглер, Димитров, Танев и Попов были оправданы, но власти без всяких правовых оснований оставили их под стражей. Через два месяца болгар выслали в СССР, предоставивший им свое гражданство. 27 февраля 1934 г., в день годовщины поджога рейхстага, им устроили в Москве торжественную встречу;

- гитлеровский режим сложился окончательно 2 августа 1934 г., в день смерти 86-летнего главы государства, когда Гитлер присвоил наряду с канцлерскими президентские полномочия и провозгласил себя «фюрером германской нации».

Список использованных источников

1. Поджог: здание рейхстага в огне. Купол и зал в море огня. Поджигатель арестован и признался: голландский коммунист // *Berliner Morgenpost*. – 1933. – 28 февр. – С. 1–2.

2. Неслыханная провокация немецкого фашизма. Поджог здания рейхстага // *Звезда*. – 1933. – 1 мар. – С. 3.

3. Поджог германского рейхстага – провокация фашистов // *Савецкая Беларусь*. – 1933. – 3 мар. – С. 4.

4. Судебная комедия началась // *Звезда*. – 1933. – 23 сент. – С. 1.

5. Советские журналисты не допущены на лейпцигский процесс // *Звезда*. – 1933. – 21 сент. – С. 3.

6. Димитров разоблачает лейпцигских провокаторов // *Звезда*. – 1933. – 25 сент. – С. 4.

7. *Йотов, Й.* Георгий Димитров и лейпцигский процесс / Й. Йотов. – URL: <https://omiliya.org/article/georgii-dimitrov-i-leiptsigskii-protsess> (дата обращения: 19.02.2025).

8. Лейпцигское поражение германского фашизма // *Звезда*. – 1933. – 26 дек. – С. 1.

9. Массовые аресты в Германии // *Савецкая Беларусь*. – 1933. – 4 мар. – С. 1.

10. Арест 2000 коммунистов Рейнской области // *Савецкая Беларусь*. – 1933. – 4 мар. – С. 1.

11. Приказ начальника штурмовых отрядов Берлина // *Савецкая Беларусь*. – 1933. – 4 мар. – С. 1.

(Дата подачи: 20 февраля 2025 г.)

А. С. Миксюк

Белорусский государственный университет, Минск

A. Miksiuk

Belarusian State University, Minsk

УДК 94+003.333.3(396.5)

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС В АВЕСТЕ: КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

SOCIAL STATUS IN AVESTA: DETERMINATION CRITERIA

Статья посвящена установлению критериев определения социального статуса индивида по данным Авесты. Интегративным и доминирующим показателем статусной позиции является религиозный (ритуальный) фактор, который определяет принадлежность к авестийскому обществу. Установлено, что социальный статус базируется преимущественно на предписанных обществом или прирожденных критериях (состояние свободы, достижение 15-летнего возраста, объем властных полномочий, гендерный фактор), но одновременно может быть результатом действий человека (религиозный фактор, род занятий – при условии собственного выбора, заключение брака, наличие потомства и имущества).

Ключевые слова: Авеста; жречество; зороастризм; ритуал; социальный статус; социальная структура.

The article is devoted to establishing criteria for determining the social status of an individual according to the Avesta. Integrative and dominant indicator of the status position is religious (ritual) factor, which determines belonging to the Avestan society. It is established that social status is based primarily on socially prescribed or innate criteria (state of freedom, reaching the age of 15, amount of power, gender factor), but at the same time it can be the result of human actions (religious factor, occupation – given that to one's own choice, marriage, offspring and property).

Keywords: Avesta; priesthood; Zoroastrianism; ritual; social status; social structure.

Под социальным, или общественным, статусом (от лат. status, us, m – положение, состояние, качество), как правило, понимают социальное положение, которое индивид занимает в структуре общества и системе социального взаимодействия. Данное положение характеризуется наличием определенного набора прав и обязанностей, связанных с выполнением каких-либо социальных функций. Социальный статус напрямую связан с проблемами идентификации и самоидентификации в социальном пространстве, создает определенные роли и модели ожидаемого поведения, тем самым обеспечивая устойчивые связи между индивидами. По сути, любая социальная структура может быть представлена «в виде сложной взаимосвязанной системы социальных статусов» [1, с. 55].

Вопросы содержания и критериев определения социального статуса вызывают устойчивый интерес представителей различных наук. В историче-

ской науке исследование социального статуса индивида является важным компонентом реконструкции социальных реалий и самого процесса социогенеза в связи с тем, что в каждом конкретном обществе социальный статус понимается по-своему и определяется собственным набором специфических признаков.

Целью данной статьи является установление основных критериев определения социального статуса в авестийском обществе. Таким образом, основным источником исследования являются книги Авесты. Переводы оригинальных фрагментов, приведенных в статье, сделаны по электронному изданию «Тезаурус индоевропейских текстов и языковых материалов» (TITUS – Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien) [2].

Авеста как исторический источник описывает догосударственное общество, сложившееся после распада индоиранской общности в начале II тыс. до н. э. и существовавшее на территории Центральной Азии до создания государства Ахеменидов в VI в. до н. э. Таким образом, подобное исследование не только позволяет рассмотреть вопросы социальной стратификации самого авестийского общества, но также может содействовать лучшему пониманию тенденций социального развития древних народов.

Социальные реалии авестийского общества все еще недостаточно изучены, хотя исследователи обращались к их анализу с конца XIX в. Прежде всего, это связано с ритуальным характером Авесты и относительно небольшим объемом информации о социальных аспектах. Так, сам термин «социальный статус» отсутствует в источнике, мы можем реконструировать его понимание по косвенной информации. Тем не менее, с учетом авестийского материала построены теории таких крупных ученых, как Ж. Дюмезиля (принципы функционирования древних индоевропейских обществ в рамках трифункциональной теории) [3], Э. Бенвениста (исследование ряда социальных терминов) [4], А. Хокарта (концепция бинарной классификации) [5] и др. Вопросы социального устройства авестийского общества в разном контексте рассматривались в работах ряда авторов, однако специальные исследования, посвященные пониманию системы социальных статусов в Авесте, отсутствуют.

Итак, критерии определения социального статуса могут быть разнообразны и опираются на специфические признаки, имеющие ценность и значение для конкретного общества. К данным критериям могут относиться состояние свободы, этническая и религиозная принадлежность, гендерный фактор, возраст, происхождение, материальные возможности и др. Рассмотрим, каким образом данные критерии отражаются в реалиях авестийского общества.

Как правило, в древних обществах одним из ключевых критериев социального статуса являлось *состояние свободы* (к примеру, лат. status libertatis в римском праве). В Авесте рабство фактически не упоминается

и отсутствует специальный термин для обозначения несвободного человека. Вместе с тем, существует мнение, что в отдельных случаях подобное значение могли приобретать термины *paṅ-* («человек», «мужчина» [6, с. 291; 7, р. 1047; 8]) и *vīṅ* («человек», «мужчина») [7, р. 1453; 8]. По мнению Э. Бенвениста, соединение одного из данных терминов со словом «корова» (ав. *gav*) или близкими по значению словами образует двусложный композит, обозначающий «движимое имущество» [4, с. 52], что характерно для ряда индоевропейских языков и может подтверждать наличие лично не свободных людей во времена существования индоевропейской общности. Более надежным подтверждением существования рабства является грация договоров, среди шести видов которого упоминается *vīṅḍ.maza-*, т. е. «ценность (стоимость, залог) человека» (Видевдат 4, 2) [2].

Судя по косвенным признакам, рабство и личная зависимость могли существовать в авестийском обществе, однако в силу незначительного количества упоминаний в источнике вряд ли играли большое значение и были широко распространены. Следовательно, состояние свободы можно считать одним из критериев определения социального статуса индивида, поскольку только свободный человек полноценно включался в систему социальных взаимодействий и мог обладать правами и «статусными ресурсами».

Следующим критерием является *религиозный*, или *ритуальный*. Во многих древних обществах принадлежность к определенной религиозной традиции являлась важным критерием, определяющим место индивида в социуме (концепция бинарной классификации А. Хокарта) [5, р. 72–73]). Люди делились на «своих» и «чужих» сообразно тому, каких божеств они почитали и какие ритуалы проводили. В Авесте данная бинарная оппозиция «свой – чужой» была аргументирована всеобщим дуализмом, пронизывающим само мировое устройство и проявляющимся в борьбе двух противоположных начал – добра и зла, света и тьмы, истины и лжи и др.

В масштабах социума это положение отражалось в противостоянии двух социальных групп: «последователь истины» (*aṣavān*), «приносящий жертву Мазде» (*mazdayasna*) против «последователя лжи» (*drəgvant*), «приносящего жертву дэвам (демонам)» (*daēvayasna*). «Свои» понимались как те, кто следует авестийским религиозным предписаниям, а «чужие» – как те, кто не признают и нарушают их [9, р. 20].

Религиозный критерий может считаться определяющим для формирования социального статуса индивида. Следование вероучению Заратуштры выступает как индикатор принадлежности к общине, дает права и обязанности, а также определенную безопасность. Неслучайно, в «символе веры» зороастризма упоминается о том, что неофит отрекается от «воровства и разбоя» (*tāyātṣā hazarḥatṣā*) коровы и «почитающих Мазду селений притеснения и опустошения» (*mazdayasnanam vīṣam zyānayaēcā vīvāpatṣā*) (Ясна 12, 2) [2].

Создатели Авесты не вникают в отличия между любыми другими учениями, отличающимися от авестийского канона, все они называются дэвовскими (Ясна 49, 4), т. е. демоническими. «Чужие» выносятся за рамки авестийского общества, они обладают исключительно отрицательными характеристиками, доходящими до демонизации: по своей сути, последователи «неправильной» религии сами ничем не лучше дэвов (daēva). Интересно, однако, что Авеста при этом требует соблюдения договора даже с «чужим» (Яшт 10, 2) [2]:

miθrəm mā janya Spitama | mā yim drvataṭ pərəsāṇhe |
mā yim xvādaēnāt ašaonāt

«договор не нарушай, Спитама, ни тот, который с лживым заключаешь,
ни тот, который [заключаешь] с верующим праведным».

Этнический фактор, т. е. принадлежность к определенному этносу, в Авесте отсутствует. В источнике нет таких понятий, как «народ» или «народность». Как маркер, определяющий «своих», достаточно часто используется термин aīrya, т. е. «арии». В таком качестве термин был знаком и авторам эпохи античности, к примеру, Геродоту (Геродот VII, 62) [10, с. 332]:

«Мидяне же носят в походе такое же вооружение, как и персы (вооружение это, собственно, мидийское, а не персидское). Предводителем мидян был Тигран из [рода] Ахеменидов. В древности все называли их ариями».

«Арийская» терминология Авесты преимущественно связана с географическими объектами или территорией, которую занимают арии, описанием некоего более или менее организованного сообщества [11, с. 219]. При этом невозможно прямо отождествить понятия aīrya и mazdayasna. Так, во всех географических списках Авесты земли ариев упоминаются на первом месте, но далее перечисляются другие территории, жители которых также почитают Ахуру Мазду, т. е. являются mazdayasna (Яшт 13, 143–144; Видевдат 1). Таким образом, термин mazdayasna поглощает aīrya и включает иных субъектов.

Универсальным критерием, влияющим на социальный статус индивида, является *возраст*. «Каков бы ни был тип общества, жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от одного возраста к другому» [12, с. 8]. Особое значение имеет возраст совершеннолетия, достижение которого превращает индивида в полноправного участника социальных отношений. В Авесте данный возраст составляет 15 лет. Достижение 15-летия требовало проведение специального ритуала инициации, который представлял собой церемонию одевания белой сорочки, повязывания священного пояса кусти и произнесения «символа веры», что обозначало принадлежность человека к зороастрийской общине. Прохождение через ритуал являлось и религиозным, и социальным актом, предполагающим включение индивида в общину. Достижение 15-летнего возраста позволяло индивиду стать полноценным участником социальных взаимодействий

и вступить в брак (Яшт 8, 14; Видевдат 14, 15). При этом основным критерием является, очевидно, не сам факт достижения определенного возраста, а проведение ритуала инициации. Так, в Авесте указывается, что человек становится дэвовской сущностью в случае не прохождения ритуала (Видевдат 18, 54–55) [2]:

pasca paṇćadasīm sarəḏəm frapataiti | anaīḃyāsta vā anabddātō vā
«по достижении 15-ти лет ходит или без пояса, или без рубашки».

Существенное влияние на социальный статус оказывает *гендерный фактор*. Судя по терминологии, мужчины занимали лидирующие позиции в авестийском обществе: термины, обозначающие профессии и глав единиц вертикальной общественной организации, преимущественно мужского рода, т. е. женщины не имели к ним доступа. Единичные феминитивы (к примеру, nmānpōraṇi, т. е. «хозяйка дома») указывают на то, что женщины скорее занимались хозяйством, нежели имели профессию. Патриархальный характер семьи очевиден из самого термина paīti, который одновременно может обозначать «мужа» и «господина» (или «главу») [8], а также из асимметричной системы терминов, определяющих отношения между родственниками, в соответствии с которой женщина включалась в родственные связи новой семьи [13, с. 761–762].

Объем властных полномочий является следующим критерием определения социального статуса. Авеста позволяет описать вертикаль власти, представленную в виде иерархии родоплеменных единиц. Не углубляясь в нюансы (терминология отличается в разных частях источника), в качестве примера приведем иерархию из Младшей Авесты, состоящую из четырех элементов (Ясна 9, 27) [2]:

- daiṇhupaiti, т. е. глава области/страны;
- zantupaiti, т. е. глава племени;
- vispaiti, т. е. глава рода/общины;
- nmānpōraṇi, т. е. глава дома.

Отдельно можно отметить термин daiṇhusāstar- (Ясна 62, 5), который может обозначать правителя, объединившего несколько областей/стран под своей властью. Э. В. Ртвеладзе отмечает, что sāstar- был «правителем округа и ее центра» и одновременно «осуществлял функции военачальника» [14, с. 49].

Главы упомянутых общественных единиц обладали широкими властными полномочиями, а также некоторыми ритуальными функциями, и несли ответственность за свои группы. Так, если глава обманет бога Митру, то будет подвергнут наказанию не только он, но и вся группа (Яшт 10, 18). С учетом того, что Митра считался хранителем истины, персонификацией договора (сам термин «договор» совпадает с именем божества – mīθra-) и призывался в свидетели при произнесении клятв [15, с. 16], можно утверждать, что речь могла идти о наказании за нарушение любого договора, клятвы, обещания и даже за произнесение любой лжи.

Принадлежность индивида к определенному *роду занятий*, возможно, связанному с происхождением, также может быть рассмотрена в качестве критерия определения социального статуса. Положение человека в обществе определялось выполняемыми социальными и ритуальными (космическими) функциями. Так, в трифункциональной теории Ж. Дюмезиля первое и главное место занимали правители и/или жрецы, связанные с «отправлением сакральных действий», вторую позицию занимали воины, которые олицетворяли собой силу; третий элемент представляли «производители материальных благ», т. е. земледельцы и животноводы [3, с. 25–26]. При всей схематичности данной модели она может быть использована для понимания структуры общества Младшей Авесты, где описана триединая формула: жрец (*āθravan*), воин (*raθaēštā*) и земледelec-животновод (*vāstryō fšuyant*). В качестве примера приведем следующий фрагмент (Ясна 11, 6) [2]:

nōiṭ ahmi nmāne zānāite | āθrava naēḍa raθaēštā | naēḍa vāstryō fšuyas

«В этом доме не родится ни жрец, ни воин, ни земледelec-животновод».

Очевидно, что подобная модель рассматривалась в качестве идеальной и могла не отражать все общественные реалии, поскольку не учитывала другие категории населения: ремесленников, торговцев, рабов, слуг и др. Авеста также не позволяет определить отличия в социальном статусе представителей упомянутых социальных групп. Исключение составляет только жречество, которое обладало уникальными полномочиями по проведению ритуала (Яшт 13, 94; Видевдат 8, 19 и др.), сохранению и трансляции знаний (Ясна 13, 3; Яшт 5, 86 и др.), распространению вероучения (Ясна 9, 24; Ясна 42, 6 и др.). Отметим, что в перечне стоимости услуг лекаря жрец (*āθravan*) упоминается первым (стоимостью лечения называется благословение с его стороны), иные социальные группы не упоминаются вовсе, скрываясь под термином «глава дома», который может быть и воином, и земледельцем, и ремесленником (Видевдат 7, 41). Таким образом, триединая формула (жрец, воин, и земледelec-животновод) имела, прежде всего, ритуальное значение, а в социальных реалиях особый статус имели, вероятно, лишь жрецы в силу особой значимости выполняемых функций.

Дополнительный престиж индивиду придавали такие факторы, как *заключение брака, наличие потомства и имущества*: «имеющий жену» (*nāirivaite*), «имеющий дом» или «имеющий род» (*visāne*), «имеющий детей» (*puθrāne*) и «имеющий богатство» (*šaētavato*) признаются выше тех, кто не имеет их (Видевдат 4, 47) [2]. Это не только является отражением свойственного зороастризму «жизнеутверждающего характера» [16, с. 107], но и демонстрирует социальные ценности авестийского общества. Поскольку упомянутый фрагмент Видевдата связан с произнесением клятвы, можно утверждать, что слово человека, состоящего в браке, имеющего потомство или обладающего имуществом, имело больший вес.

Таким образом, интегративным и, очевидно, доминирующим показателем статусной позиции в Авесте является религиозный (ритуальный) фактор, который позволяет определить «своих» (*mazdayasna*) и «чужих» (*daēvayasna*). Последователи учения Заратуштры, т. е. «свои», наделяются правами и обязанностями, на них распространяются правила и законы авестийского общества, «чужие» фактически приравниваются к демоническим сущностям.

Важными критериями, определяющими социальный статус индивида, являются: состояние свободы, достижение 15-летнего возраста, объем властных полномочий и гендерный фактор. Род занятий может оказывать определенное влияние на положение человека в обществе, если он связан со жреческой позицией. Дополнительный престиж индивид приобретает в результате заключения брака, рождения потомства и прироста имущества.

В данном перечне есть критерии, обладающие предписанным характером (возраст; статус свободы; объем властных полномочий, как минимум, на уровне главы дома), прирожденные (гендерный фактор) и приобретаемые самим индивидом в течение жизни в силу желания и известной доли везения (религиозный критерий и дополнительные критерии – брак, дети, имущество). Род занятий может рассматриваться и как предписанный, и как приобретаемый критерий в зависимости от того, наследуется ли он или же избирается самим человеком. Соответственно, социальный статус индивида в авестийском обществе имеет двойственный характер: он достаточно устойчив и базируется на предписанных обществом критериях, но одновременно динамичен и может быть результатом собственных усилий человека, а, следовательно, и его зоной ответственности.

Список использованных источников

1. *Шкаратан, О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность / О. И. Шкаратан. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 526 с.
2. TITUS Avestan Corpus // TITUS. – URL: <https://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/airan/avesta/avest.htm> (date of access: 16.01.2025).
3. *Дюмезиль, Ж.* Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – Москва: Наука, 1986. – 234 с.
4. *Бенвенист, Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – Москва: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
5. *Hocart, A.* Caste / A. Hocart. – London: Methuen, 1950. – 157 p.
6. *Соколов, С. Н.* Язык Авесты / С. Н. Соколов. – Л., 1964. – 415 с.
7. *Bartholomae, C.* Altiranisches Wörterbuch / C. Bartholomae. – Strasbourg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 p.
8. Dictionary of most common Avesta words // Avesta – Zoroastrian Archives. – URL: <http://avesta.org/avdict/avdict.htm> (date of access: 16.01.2025).

9. *Dhalla, M.* History of Zoroastrianism / M. Dhalla. – New York: AMS Press, 1977. – 525 p.
10. Геродот. История в девяти книгах / под общ. ред. С. Л. Утченко; пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Москва: Наука, 1972. – 602 с.
11. *Миксюк, А. С.* К вопросу об ариях в Авесте / А. С. Миксюк // Проблемы современного востоковедения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 29–30 июня 2023 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Р. Боровой (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2023. – С. 217–222.
12. *Геннеп, А. ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. – Москва: Восточная литература, 1999. – 198 с.
13. *Гамкрелидзе, Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 т. / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – Т. 2.
14. *Ртвеладзе, Э. В.* Титулы правителей государств и владений Средней Азии в начале I тыс. до н. э. – III–IV веках н. э. / Э. В. Ртвеладзе // Общественные науки в Узбекистане. – 2005. – № 5–6. – С. 46–56.
15. *Кюмон, Ф.* Мистерии Митры / Ф. Кюмон. – Санкт-Петербург: Евразия, 2000. – 352 с.
16. Авеста. Закон против дэвов (Видевдат) / сост. Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидов, К. В. Абдуллаев. – Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 301 с.

(Дата подачи: 17.02.2025 г.)

Л. В. Мікалаева

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі

L. Mikalayeva

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

УДК 930(476):[327+7.072(470)]

**ПОГЛЯД НА ПРАБЛЕМАТЫКУ ЗНЕШНЯЙ
ПАЛІТЫКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОВСКАГА
Ў КАНЦЫ XIV – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVI СТ.
У ПРАЦАХ РАСІЙСКИХ САВЕЦКИХ ГІСТОРЫКАЎ**

**THE LOOK AT THE PROBLEMS OF THE FOREIGN POLICY
OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE END
OF THE XIV – FIRST HALF OF THE XVI CENTURIES
IN THE WORKS OF RUSSIAN SOVIET HISTORIANS**

У артыкуле прааналізаваны найважнейшыя працы расійскіх даследчыкаў савецкага перыяду, прадметам вывучэння якіх сталі розныя бакі знешнепалітычнай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XIV – першай палове XVI ст. Зроблена выснова аб тым, што ў расійскай савецкай гістарыяграфіі была працягнута традыцыя вывучэння пытанняў знешнепалітычнай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага скрозь прызму гісторыі Вялікага Княства Маскоўскага. Пры гэтым не ўсім аспектам надавалася дастатковая ўвага, шэраг з іх характарызаваўся тэндэнцыйным асвятленнем.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; знешняя палітыка; Вялікае Княства Літоўскае.

The article analyzes the most important works of Russian researchers of the Soviet period, the subject the study of which were of various aspects of the foreign policy history of the Grand Duchy of Lithuania in the end of the XIV – first half of the XVI centuries. It was concluded that in Russian Soviet historiography, the tradition of studying the issues of the foreign policy history of the Grand Duchy of Lithuania through the prism of the history of the Grand Duchy of Moscow was continued. At the same time, not all aspects were given sufficient attention, and a number of them were characterized by tendentious coverage.

Keywords: historiography; foreign policy; the Grand Duchy of Lithuania.

Расійскую гістарыяграфію, прысвечаную вывучэнню разнастайных аспектаў знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) у канцы XIV – першай палове XVI ст., умоўна можна падзяліць на дарэвалюцыйную, савецкую і сучасную. Акрамя храналагічнага моманту, падставай для выдзялення такіх складовых частак можа быць ісэнсавая нападўняючая. Гэта тлумачыцца тым, што ў працах расійскіх гісторыкаў у вызначаных перыяды знайшлі адлюстраванне свае адмысловыя тэарэтычныя пабудовы, сюжэты, погляды, ацэнкі падзей і гістарычных асоб. Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца аналіз важнейшых прац расійскіх даследчыкаў савецкага перыяду, прадметам вывучэння якіх сталі розныя бакі знешнепалітычнай гісторыі ВКЛ у канцы XIV – першай палове XVI ст.

Трэба адзначыць, што ў 1920-я гг. колькасць даследаванняў па гісторыі ВКЛ на тэрыторыі СССР значна скарацілася, а ў 1930–1940-я гг. яны амаль спыніліся. Аднак некаторыя аспекты знешнепалітычнай гісторыі ВКЛ усё ж былі прадстаўлены ў работах расійскіх савецкіх гісторыкаў, працы якіх былі прысвечаны гісторыі Вялікага Княства Маскоўскага, Рускага царства, а таксама шэрагу іншых сумежных дзяржаў і пабачылі свет пераважна ў 1950–1980-я гг.

Міжваенны перыяд не быў багаты на даследаванні па азначанай праблематыцы. Аднак у 1920–1930-я гг. медыявісты М. М. Пакроўскі [1], У. І. Пічэта [2; 3], У. В. Маўродзін [4; 5] прадставілі на старонках сваіх прац некаторыя знешнепалітычныя сюжэты з гісторыі ВКЛ з пункту гледжання марксісцкага падыходу да інтэрпрэтацыі гісторыі. Як адзначаў, напрыклад, У. В. Маўродзін, «Московское государство притягивало к себе забытый и угнетенный панамі русский, украинский и белорусский народы» [5, с. 153]. Вывучэннем стасункаў паміж ВКЛ і Вялікім Княствам Маскоўскім, а пазней Рускім царствам на Смаленскім кірунку займаўся ў гэты перыяд У. П. Мальцаў [6].

Асобнай увагі заслугоўвае праца М. М. Пакроўскага «Русская история в самом сжатом очерке», якая ў 1920-я гады выкарыстоўвалася ў якасці адзінага афіцыйнага падручніка па гісторыі і была запатрабавана аж да ліквідацыі так званай «школы Пакроўскага» [1]. У гэтай публікацыі гісторык асабліваю ўвагу надаў гісторыі Вялікага Княства Маскоўскага, у тым ліку знешніх абставінаў, звязаных з яго супрацьстаяннем з ВКЛ. Разам з тым, названая праца была пазбаўлена навуковага апарату, у ёй адсутнічалі спасылкі на крыніцы і спіс выкарыстанай літаратуры, назіраўся ненавуковы стыль выкладання матэрыялу, які выкарыстоўваўся з мэтай зрабіць тэкст працы зразумелым нават для малаадукаванага чалавека.

У 1950 г. было апублікавана даследаванне акадэмікаў Б. Д. Грэкава і А. Ю. Якубоўскага, прысвечанае гісторыі станаўлення, росквіту і падзення Залатой Арды [7]. Апошняя частка манаграфіі, асвятляючая падзеі заняпаду Залатой Арды, утрымлівала інфармацыю і па пытаннях кантактаў ВКЛ з ардынцамі, татарскім фактары ў знешняй палітыцы ВКЛ у часы кіравання вялікага князя літоўскага Вітаўта і пазней аж да часу распаду Залатой Арды. Праца мела пэўныя ідэалагічныя ўстаноўкі (як адзначалі самі аўтары, напісана яна была з марксісцка-ленінскіх пазіцый), аднак многія яе палажэнні не страцілі актуальнасці і ў нашы дні.

Шырокае кола пытанняў, закранаўшых пытанні знешняй палітыкі ВКЛ у другой палове XV – пачатку XVI ст., было разгледжана ў фундаментальным даследаванні К. В. Базілевіча, якое, нягледзячы на час свайго напісання, канец 1940 – пачатак 1950-х гг., было заснавана на крытычным аналізе крыніц і адлюстроўвала ў цэлым аб’ектыўную карціну знешняй палітыкі Вялікага Княства Маскоўскага ў другой палове XV – пачатку XVI ст. і ў тым

ліку яе ўзаемаадносінаў з ВКЛ [8]. У сваёй працы гісторык акцэнтаваў увагу на тым, што знешняя палітыка Вялікага Княства Маскоўскага ў разглядаемы перыяд знаходзілася ў цеснай узаемасувязі з палітыкай унутранай, асноўнай мэтай якой было стварэнне цэнтралізаванай дзяржавы. Разам з тым ў працы К. В. Базілевіча знайшла адлюстраванне сістэма поглядаў на падзеі, якія прывялі да страты ВКЛ часткі ўсходніх зямель на карысць Вялікага Княства Маскоўскага ў канцы XV – пачатку XVI ст. Гэты працэс разумеўся наступным чынам: праваслаўнае насельніцтва ВКЛ ужо ў XV ст. пакутавала ад прыгнёту каталіцызму, таму імкнулася перайсці пад уладу Вялікага Княства Маскоўскага і на мяжы XV–XVI стст., дзякуючы паспяховым палітычным і ваенным крокам маскоўскіх манархаў, аб’ядналася з адзінавернымі братамі. Разам з тым наяўнасць у кнізе К. В. Базілевіча шэрагу недадаткова абгрунтаваных палажэнняў не пазбаўляе яе ў цэлым высокай навуковай каштоўнасці. Яна да нашых дзён застаецца найбольш грунтоўным даследаваннем знешняй палітыкі Вялікага Княства Маскоўскага ў часы кіравання Івана III, уключаючы кантакты з ВКЛ, а таксама ўзаемаадносіны абедзвюх дзяржаў з Лівонскай канфедэрацыяй, Перакопскай і Вялікай Ордамі, Польшчай і Малдаўскім Княствам. Пры аналізе стасункаў ВКЛ з Вялікім Княствам Маскоўскім на мяжы XV–XVI стст. важнае месца ў працы заняла характарыстыка спецыфічных рысаў шлюбнай дыпламатыі дзяржаў як зброі ў палітычнай барацьбе. Аўтар па сутнасці раскрыў прычыны таго, чаму шлюб вялікага князя літоўскага Аляксандра (католіка па веравызнанні) з маскоўскай князеўнай Аленай Іванаўнай (праваслаўнай) стаў апошнім у шэрагу традыцыйных да таго часу дынастычных шлюбаў літоўскіх манархаў з рускімі князеўнамі.

У другой палове XX ст. выйшаў шэраг прац абагульняючага характару аўтарства расійскіх гісторыкаў, на старонках якіх развіваліся сюжэтныя лініі аб спецыфіцы міжнародных кантактаў ВКЛ з краінамі Еўропы. Пры гэтым погляд на ўзаемаадносіны ВКЛ з еўрапейскімі дзяржавамі прадстаўляўся скрозь прызму гісторыі Вялікага Княства Маскоўскага, а пазней і Рускага царства. Указаная акалічнасць была ўласцівая працам Г. Л. Харашкевіч [9], І. Б. Грэкава [10], А. А. Зіміна [11; 12], У. Д. Каралюка [13], Ю. Я. Івоніна [14], М. М. Ціхамірава [15] і інш.

І. Б. Грэкаў на аснове комплекснага аналізу міжнароднага становішча, якое склалася ва Усходняй Еўропе ў XIV–XVI стст., зрабіў выснову пра трансфармацыю ролі ВКЛ у гэтым рэгіёне. Да ліку галоўных фактараў, якія прывялі да паражэння польскага караля і вялікага князя літоўскага Казіміра Ягелончыка у барацьбе з вялікім князем маскоўскім Іванам III, гісторык адносіў наяўнасць у ВКЛ нацыянальных і рэлігійных супярэчнасцей [10, с. 175].

Абставіны і змест канфліктаў ВКЛ з Вялікім Княствам Маскоўскім падрабязна былі разгледжаны ў працах А. А. Зіміна «Россия на рубе-

же XV–XVI столетий» [12] і «Россия на пороге Нового времени» [11]. У іх ён працягваў развіваць тэзіс дарэвалюцыйных расійскіх гісторыкаў аб тым, што галоўнай праблемай у стасунках паміж суседзямі заставаліся тэрытарыяльныя спрэчкі. Гэта тлумачылася тым, што першараднай задачай знешняй палітыкі маскоўскіх вялікіх князёў на мяжы XV–XVI стст. было вяртанне «рускіх зямель» (гэта значыць зямель, населеных пераважна праваслаўным насельніцтвам), частка з якіх у той час знаходзілася і ў складзе ВКЛ [11, с. 75].

Іншага пункту гледжання прытрымліваўся У. Д. Каралюк. Ён меркаваў, што ў эпоху кіравання Івана III у Вялікага Княства Маскоўскага сфарміраваліся некалькі асноўных знешнепалітычных задач: на ўсходзе – барацьба з татарскімі ханствамі, на захадзе – барацьба са злучанымі ўніяй ВКЛ і Польшчай, на паўночным захадзе – змаганне са Швецыяй і Лівонскім ордэнам. Рэалізацыю гэтых задач працягнуў Іван IV [13, с. 149].

Манаграфія Г. Л. Харашкевіч вылучалася сваёй шматпланавасцю і значнай крыніцазнаўчай базай [9]. У тэксце можна вызначыць некалькі сэнсавых пластоў, аб’яднаных тэматыкай палітычных, эканамічных, культурных сувязей Вялікага Княства Маскоўскага з еўрапейскімі краінамі, у тым ліку ВКЛ. Прааналізаваўшы даступныя ёй крыніцы, аўтар прыйшла да высновы, што да 30-х гг. XVI ст. Руская дзяржава стала лідарам ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне і цэнтрам прыцягнення праваслаўных жыхароў ВКЛ [9, с. 86, 88].

Побач з сінтэтычнымі працамі абагульняючага характару з-пад пяра расійскіх гісторыкаў пасляваеннага перыяду выйшаў і шэраг даследаванняў, у якіх асвятляліся калізій літоўска-рускіх, літоўска-малдаўскіх і літоўска-татарскіх узаемаадносін. Даследаванню дыпламатычных кантактаў паміж ВКЛ і Вялікім Княствам Маскоўскім у другой палове XV – пачатку XVI ст. была прысвечана дысертацыя М. Я. Арцёмава [16]. Для яе была характэрна апалагетыка войнаў паміж Вялікім Княствам Маскоўскім і ВКЛ барацьбой за ўз’яднанне спрадвечна рускіх зямель, якія раней уваходзілі ў склад Старажытнарускай дзяржавы. Таксама ў ёй гучаў тэзіс пра рэлігійны прыгнёт у ВКЛ праваслаўнага насельніцтва, якое з-за ўціску імкнулася да пераходу пад уладу Рускай дзяржавы. Такого меркавання прытрымліваліся таксама У. П. Мальцаў [6], К. В. Базілевіч [8] і Г. Л. Харашкевіч [9].

Перагляд склаўшыся ў савецкай гістарыяграфіі меркаванняў пачаўся ў канцы 80-х гг. XX ст. Новы, якаясна адрозны ад ранейшых, погляд на ВКЛ і яго адносіны з Вялікім Княствам Маскоўскім знайшоў адлюстраванне ў папулярным нарысе С. У. Думіна «Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское)» [17]. У ім упершыню ў савецкай гістарыяграфіі былі выказаны думкі, якія аспрэчвалі тэзіс пра прыцягненне славянскага насельніцтва ВКЛ да Рускай дзяржавы.

З канца XV ст. узрасла роля Малдаўскага Княства ў сістэме міжнародных кантактаў ВКЛ. У значнай ступені гэта было наступствам разрыву перса-

нальній унії, яка злучала ВКЛ з Польщай пасля смерці Казіміра Ягелончыка ў 1492 г. Малдаўскае Княства, якое займала выгаднае геапалітычнае становішча, у той час лавіравала паміж дамаганнямі Польшчы, Венгрыі і Асманскай імперыі, якія імкнуліся ўстанавіць над ім свой сюзерэннітэт. Суседства з Асманскай імперыяй і жаданне выйсці з-пад уплыву Ягелонаў прадвызначылі збліжэнне Малдаўскага Княства з Вялікім Княствам Маскоўскім, адным з галоўных праціўнікаў апошніх. Тагачасны вялікі князь літоўскі Аляксандр з'яўляўся зяцем вялікага князя маскоўскага Івана III і імкнуўся наладзіць добразычлівыя адносіны з саюзнікамі апошняга, малдаўскім гаспадаром Стэфанам. Вывучэнню ўзаемаадносін паміж названымі вышэй дзяржавамі былі прысвечаны працы савецкіх даследчыкаў Л. Я. Сямёнавай [18, 19], М. А. Мохавы [20], У. Д. Каралюка [13]. У даследаваннях гэтых аўтараў можна адзначыць імкненне да адлюстравання падзей з малдаўскіх пазіцый. Да ліку агульных рысаў, уласцівых працам пералічаных аўтараў, можна аднесці замоўчванне існавання мірных узаемаадносін паміж ВКЛ, Польщай і Малдаўскім Княствам. Азначаная акалічнасць тлумачылася жаданнем падкрэсліць дапамогу Вялікага Княства Маскоўскага Малдаўскаму Княству ў барацьбе апошняга за незалежнасць ад Польшчы, Венгрыі і Асманскай імперыі ў другой палове XV ст. У гэты ж час быў прадстаўлены погляд на маскоўска-малдаўскія кантакты як заканамерны, стваральны, прагрэсіўны ход падзей. Пры паказе ж адносін Малдавіі з ВКЛ і Польщай абсалютызавалася роля канфліктных фактараў.

Не засталіся ў баку сюжэты знешняй палітыкі ВКЛ і ў працах, якія былі прысвечаны адлюстраванню ўзаемаадносін Вялікага Княства Маскоўскага з Крымскім ханствам і Асманскай імперыяй. Дадзеная праблема-тыка раскрывалася ў працах М. А. Смірнова [21], І. Б. Грэкава [10], У. Д. Каралюка [13], Б. М. Флоры [22], А. Б. Кузняцова [23].

Паколькі Крымскае ханства з 1475 г. было вымушана прызнаць сюзерэннітэт Асманскай імперыі, адным з дыскусійных пытанняў стала вызначэнне ступені самастойнасці знешнепалітычных крокаў крымскіх ханаў. У сувязі з гэтым частка даследчыкаў (І. Б. Грэкаў [10], А. Б. Кузняцоў [23], М. А. Сміроў [21]) выказвала меркаванне, што Крымскае ханства было толькі інструментам правядзення палітыкі Асманскай імперыі ва Усходняй Еўропе. Прыхільнікі іншага пункту гледжання (А. А. Зімін [11] і Г. Л. Харашкевіч [9]) лічылі, што Крымскае ханства было самастойным ў ажыццяўленні ўласнай знешняй палітыкі, якая часта ўступала ў супярэчнасці з інтарэсамі Асманскай імперыі.

Такім чынам, у расійскай савецкай гістарыяграфіі назіралася тэндэнцыя вывучэння пытанняў знешнепалітычнай гісторыі ВКЛ скрозь прызму гісторыі Вялікага Княства Маскоўскага. Пры гэтым не ўсім аспектам надавалася дастатковая ўвага. Савецкіх гісторыкаў мала цікавілі пытанні фарміравання ідэалагічных сродкаў і ажыццяўлення з іх дапамогай знеш-

непалітычных задач. Трэба адзначыць, што не ўсе пытанні разглядаліся даследчыкамі аб'ектыўна і для шэрагу з іх было характэрна тэндэнцыйнае асвятленне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Покровский, М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – Москва: Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат, 1933. – 544 с.
2. *Пичета, В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития) / В. И. Пичета. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 788 с.
3. *Пичета, В. И.* Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. И. Пичета. – Москва: Соцэкгиз, 1940. – 135 с.
4. *Мавродин, В. В.* Образование единого русского государства / В. В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951. – 328 с.
5. *Мавродин, В. В.* Образование русского национального государства / В. В. Мавродин. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 195 с.
6. *Мальцев, В. П.* Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.) / В. П. Мальцев. – Смоленск: Смоленское обл. гос. изд., 1940. – 346 с.
7. *Греков, Б. Д.* Золотая Орда и ее падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – Москва: Изд-во АН СССР, 1950. – 479 с.
8. *Базилевич, К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. / К. В. Базилевич. – Москва: Издательство Московского ун-та, 1952. – 554 с.
9. *Хорошкевич, А. Л.* Русское государство в системе международных отношений / А. Л. Хорошкевич. – Москва: Наука, 1980. – 292 с.
10. *Греков, И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV–XVI вв. / И. Б. Греков. – Москва: Восточная литература, 1963. – 380 с.
11. *Зимин, А. А.* Россия на пороге Нового времени / А. А. Зимин. – Москва: Мысль, 1972. – 452 с.
12. *Зимин, А. А.* Россия на рубеже XV–XVI ст. / А. А. Зимин. – Москва: Мысль, 1982. – 333 с.
13. *Королюк, В. Д.* Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI–XVII вв.) / В. Д. Королюк // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма: рез. докл. Кишинев. симп. 1973 г. / Акад. наук СССР [и др.]; под ред. В. Д. Королюка, П. В. Советова. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 199 с. – С. 142–149.
14. *Ивонин, Ю. Е.* У истоков европейской дипломатии нового времени / Ю. Е. Ивонин. – Минск: Университетское, 1984. – 160 с.

15. *Тихомиров, М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией / М. Н. Тихомиров. – Москва: Наука, 1969. – 374 с.
16. *Артемов, Н. Е.* Московско-литовские дипломатические отношения при Иване III: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Е. Артемов. – Ташкент, 1950. – 10 с.
17. *Думин, С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) / С. В. Думин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–XX вв. / сост.: С. В. Мироненко. – Москва: Политиздат, 1991. – С. 76–126.
18. *Семенова, Л. Е.* Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. / Л. Е. Семенова // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. – Москва: Наука, 1979. – С. 40–52.
19. *Семенова, Л. Е.* Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века / сборник. ред. кол.: чл.-кор. АН СССР Я. С. Гросул. – Кишинев: Штиинца, 1972. – 375 с. – С. 225–234.
20. *Мохов, Н. А.* Молдавия эпохи феодализма / Н. А. Мохов. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1964. – 440 с.
21. *Смирнов, Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв.: в 2 т. / Н. А. Смирнов. – Москва: Изд. Моск. ун-та, 1946. – Т. 1: XVI век. – 158 с.
22. *Флоря, Б. Н.* Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. / Б. Н. Флоря // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв.: сб. ст. / Акад. наук СССР [и др.]; под ред. Б. А. Рыбакова. – Москва: Наука, 1979. – 392 с. – С. 71–86.
23. *Кузнецов, А. Б.* Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI в. / А. Б. Кузнецов // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв.: сб. ст. / Акад. наук СССР [и др.]; под ред. Б. А. Рыбакова. – Москва: Наука, 1979. – 392 с. – С. 62–70.

(Дата подачи: 21.02.2025 г.)

Л. И. Мосейчук

Белорусский национальный технический университет, Минск

L. I. Maseichuk

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 94(929)

БИОГРАФИЯ ЛЕОНА ЛЮДВИКА САПЕГИ, ВОССТАНОВЛЕННАЯ ПО ЕГО ВОСПОМИНАНИЯМ

BIOGRAPHY OF LEON LUDWIK SAPIEGA, RESTORED FROM HIS MEMORIES

В статье описана биография одного из представителей древнейшего рода Сапег, талантливого дипломата и политического деятеля – князя Леона Людовика Сапег (1802–1878). В качестве первоисточника были использованы мемуары, оставленные самим Л. Сапегой. Глубокий анализ его творчества позволил установить ключевые биографии автора и проявить черты его характера.

Ключевые слова: мемуары; биография; исследование; история; политика; развитие; восстание.

The article describes the biography of one of the representatives of the ancient Sapieha family, a talented diplomat and politician – Prince Leon Ludwik Sapieha (1802–1878). The memoirs left by L. Sapiega himself were used as the primary source. A deep analysis of his work made it possible to establish key biographies of the author and clarify his character traits.

Keywords: memoirs; biography; research; history; politics; development; uprising.

С древним родом Сапег связаны важнейшие страницы не только белорусской истории, но и истории Польши, Украины и России. В самом начале XIX в. в этом прославленном роду появился еще один яркий его представитель – князь Леон Людовик Сапега (1802–1878), блестящий дипломат и политический деятель. За активное участие в восстании 1830–1831 гг., участие в военных действиях которого принял в чине капитана артиллерии, у него были конфискованы земельные владения на территории современной Беларуси, и он вместе с семьей был вынужден переехать в Галичину (в то время – территория Австро-Венгерской империи. – Л. М.), где продолжил активную общественную деятельность.

В конце жизни, желая поделиться своими воспоминаниями, князь написал мемуары. Впервые они были опубликованы в 1914 г. во Львове на польском языке [1], а в 1915 г. – на русском языке в Петрограде [2].

Мемуары Леона Сапег написаны живым языком и легко читаются. Впечатляет простота и искренность, с которой он описывает свою жизнь, свои желания и стремления. Активный участник политической жизни первой половины XIX в., Л. Сапега описывает многие события и объясняет, почему не удалось осуществить некоторые планы. Интересные, часто юмористические подробности повседневной жизни, описания некоторых политических

событий, впечатления от встреч с известными деятелями того времени делают это произведение ценным источником по истории не только Беларуси, но и соседних стран (Украины, Польши, России).

Мемуарист не вел дневников, не делал записей сразу после определенного события или встречи и потому воспоминаниям не хватает точного хронологического описания. Сам автор, осознавая все недостатки своих заметок, высказывался о них очень критично, подчеркивая, что «они не представляют интереса для других», поскольку «составлены без всякой системы» [2, с. 29]. Ввиду данного обстоятельства хронологические сведения, содержащиеся в этом источнике, должны использоваться исследователями только после дополнительной проверки.

Леон Людвик Сапега родился в 1802 г. и был третьим ребенком в семье. Отец Леона, Александр Антоний Сапега (1773–1812), был известным меценатом, писателем, геологом, членом Варшавского научного общества. Но его самой большой страстью была политика. В 1810–1811 гг. под видом проведения исследовательской деятельности он отправился в Российскую империю, где изучал настроения населения присоединенных земель Речи Посполитой. Он создал на этих территориях агентурную сеть французской разведки. В июле-августе 1812 г. Александр Сапега возглавлял военный отдел Временного правительства Великого княжества Литовского [3, с. 222–228].

Сразу после рождения Леона Людвика Сапеги семья переехала из Варшавы в Париж, где Леон провел первые годы своей жизни.

Детские воспоминания о Париже того времени связаны с шумными улицами города, где выступали бродячие артисты, ходили мелкие торговцы и разносчики еды, люди с рекламными плакатами на спинах, на старых бочках сидели кожевники. Но больше всего юного князя увлекала придворная жизнь. Автор отмечал, что это было время правления императора Наполеона I (1804–1814) и «Париж был полон королей и вассалов императора». В большой гостиной их дома велись разговоры о восстановлении независимости Польши.

После провозглашения 22 июля 1807 г. Варшавского герцогства семья Сапег вернулась в Варшаву. Грязные улицы, множество измученных и голодных людей произвели на него тяжелое впечатление.

В 1812 г., после смерти отца Леона, Александра Антония Сапеги, дела семьи пришлось взять на себя его матери, Анне Ядвиге Сапеге (1780–1859), урожденной Замойской. Она обладала аналитическим мышлением и твердым характером, решительно и умело справлялась со всеми повседневными заботами. «Это голова министра», – говорили о ней знакомые [2, с. 12].

Весной 1813 г. семья переехала к бабушке по отцовской линии Теофилии Сапеге (1743–1816), урожденной Яблоновой, в город Теофиполь (ныне посёлок городского типа в Хмельницкой области Украины. – Л. М.). Сапеги

прожили там около восьми лет. В это время частым гостем в их доме был друг отца князь Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861). В 1819 г. он женился на старшей сестре Леона – Анне [2, с. 54].

Благодаря стараниям матери Леон Сапега получил прекрасное образование. Сначала он учился в Варшавском лицее, а после его окончания в 1819 г. – в Парижской Сорбонне, где изучал право. Но, как он позже писал в своих воспоминаниях, желания стать юристом у него не было, а преподавание по учебникам было противно [2, с. 45]. В свободное от юридических дисциплин время он с большим энтузиазмом посещал лекции Жана-Батиста Сэя по политической экономии, а также Франсуа Гизо по английской конституции. В этом юношеском энтузиазме ясно раскрылось его истинное призвание.

После окончания курса летом 1823 г. Леон Сапега отправился в Великобританию в г. Эдинбург, где он планировал в течение двух лет изучить работу государственных учреждений, фабрик, фермерских хозяйств и горной промышленности. Главным мотивом этой поездки, по его словам, «было приобретение знаний, чтобы иметь возможность служить Родине» [2, с. 59].

Болезнь матери и запутанные финансовые дела потребовали от него срочного возвращения в г. Теофиполь. Судя по всему, юному князю не хотелось заниматься финансовыми бумагами, поэтому он не стал спешить в родовое имение. По дороге домой он встретил будущего генерала, а на тот момент полковника П. Я. Витте (1796–1864). Последний пригласил его на военные маневры, проходившие недалеко от г. Миргорода (ныне город в Полтавской области Украины. – *Л. М.*). Здесь юный князь впервые столкнулся с военной артиллерией и увлекся ею. В это же время он познакомился с Антонием Поликарпом Златницким (1751–1830), одним из лидеров Тарговицкой конфедерации (1792). По описанию Л. Сапеги, то был старик «с острым умом, но с печатью хитрости на лице» [2, с. 70]. Эта встреча произвела неприятное впечатление на автора.

С 1824 по 1825 г. Л. Сапега очень успешно занимался финансовыми делами своего большого имения [1, с. 82–83]. Потом он отправился в путешествие по Украине. В Киеве он встретился с членами «Южного общества» декабристов. Однако, их идеи хотя и затронули Л. Сапегу, но не нашли полной поддержки в его душе.

Во время поездки на него произвело негативное впечатление несправедливое обращение с людьми со стороны чиновников, небрежное отношение помещиков к хозяйству. «Ненависть и жажда потребления могут привести <...> к кровопролитию», – резюмировал он свои наблюдения.

В марте 1825 г. Л. Сапега вошел в финансовую комиссию Королевства Польского (созданного в 1815 г. на Венском конгрессе вместо Варшавского герцогства. – *Л. М.*), где служил под началом министра финансов князя Франциска Ксаверия Друцкого-Любецкого (1826–1831). Министру попра-

вился вежливый и инициативный молодой человек. Очень скоро Л. Сапеге была поручена отрасль горнодобывающей промышленности, которую он считал движущей силой народного хозяйства.

19 ноября 1825 г. Л. Сапега женился на своей кузине Ядвиге Замоиской (1806–1890). Этот союз оказался весьма удачным и, по словам самого Леоны, «за пятьдесят лет совместной жизни он ни разу об этом не пожалел и даже теперь, на старости лет, благодарит Бога за это счастье» [2, с. 98].

После восстания декабристов 14 декабря 1825 г. в Варшаве началось расследование и суд над членами тайных обществ. Л. Сапега не имел никакого отношения к этому политическому сообществу, но, описывая происходящее, заметил, что все его надежды и стремления соответствовали идеям, выраженным на Сенатской площади [2, с. 99].

В 1827 г. он, занимаясь финансовыми делами Царства Польского, вместе с князем Ф. К. Друцким-Любецким посетил Санкт-Петербург. Сам город, прием императора Николая I (1825–1855), роскошь балов, выступления известных артистов произвели большое впечатление на Л. Сапегу.

Осенью 1829 г. Леону было присвоено звание камергера польского двора, для чего он вновь ездил в Санкт-Петербург. После торжественной церемонии император выразил сожаление, что в России очень мало талантливых людей, тогда как в Царстве Польском их много. По этому поводу Л. Сапега заметил, что необходимо больше доверять близким и лучше искать [2, с. 101]. В это же время впечатления юноши от первого посещения роскошной имперской столицы сменяются взглядами зрелого человека. Искренность, с которой он описывает те или иные события, порой анекдотичные, подкупает и дает возможность лучше понять психологические настроения общества того времени.

На одном из музыкальных вечеров он познакомился с Адамом Мицкевичем (1798–1855). Молодые люди быстро сблизились и часто встречались. В это время А. Мицкевич работал в канцелярии московского генерал-губернатора Д. У. Галицына (1820–1844). Леон Сапега организовывал литературные вечера, героем которых был знаменитый поэт. В такие вечера А. Мицкевич читал свои стихи, импровизировал на различные темы [2, с. 103].

Летом 1830 г. Л. Сапега вместе с семьей по служебным обязанностям приехал в Париж. Но очень скоро о работе пришлось забыть: 27 июля 1830 г. началась французская революция и финансовая система Франции была парализована. Революционный вихрь разворачивался на его глазах.

Осенью 1830 г. перед самым отъездом из Парижа Л. Сапега получил информацию о начале восстания в Варшаве. Сторонник реформ, он очень негативно относился к вооруженным действиям. Только чувство долга заставило его принять в этом участие. «Я бы с радостью пожертвовал и руками, и головой, если бы эта жертва могла отвести опасность от моего отечества. Но – это случилось, и предотвратить это было невозможно. Значит,

надо умереть вместе с братьями», – написал он позже в своих мемуарах [2, с. 130]. В это же время его вызвали в российское посольство и вручили письмо за подписью Николая I с требованием вернуться в С.-Петербург. Чтобы не вызывать подозрений, он взял выданный ему служебный паспорт, но выехал по другим документам в Варшаву.

Во время востания Л. Сапега неоднократно участвовал в боях с русскими регулярными войсками. Принимал участие в Гроховском сражении (13 (25) февраля 1831 г.), боях под Иганами (29 марта (10 апреля) 1831 г.) и Остраленке (14 (26) мая 1831 г.), участвовал в обороне Варшавы [1, с. 231].

После капитуляции Варшавы (27 августа (8 сентября) 1831 г.) Леон Сапега уехал в Пруссию в г. Бреслау (современный г. Вроцлав в Польше. – Л. М.), туда же из Парижа приехала его семья. Все его земельные владения, находящиеся на территории Российской империи, были конфискованы.

Позднее он писал матери, что не сожалеет о содеянном: «Я выполнил свой долг и опозорил бы свое имя, если бы не пожертвовал всем своим имуществом и даже жизнью ради спасения отечества» [2, с. 176].

Первоначально Л. Сапега с семьей поселился на Галичине в майоратном имении Замоиских – Пискаровичи. В 1835 г. купил имение Красичин с дворцом, недалеко от г. Перемышль, куда и переехал.

После разделов Речи Посполитой Галиция – заброшенная окраина Австро-Венгерской империи, жила очень пассивно. Можно с уверенностью сказать, что Леон Сапега своим активным вмешательством полностью изменил ситуацию в этом регионе. Инициатива, практические навыки и опыт, полученные им на административной службе в Королевстве Польском, очень помогли Леону в деле экономического оживления региона. Л. Сапега обладал редким организаторским талантом. Казимир Красицкий (1807–1882), Александр Фредро (1793–1876), Вацлав Залесский (1799–1849), Казимир Стадницкий (1808–1886) были его политическими соратниками и личными друзьями.

За пять лет – с 1841 по 1845 г. – он организовал за свой счет Львовское кредитное общество, Галицкий сберегательный банк, Техническую академию, Галицкое экономическое общество [4].

В 1848 г. Л. Сапега подписал петицию императору Австро-Венгерской империи Францу Иосифу (1848–1916) с требованием отмены крепостного права и равенства перед законом всех граждан страны. Он освободил от крепостной зависимости более 20 тысяч своих крестьян. Во время революционных волнений в Галичине в марте 1848 г. был инициатором созыва Народного совета [4].

В январе 1856 г. в д. Дубляны возле Львова князь основал частную сельскохозяйственную школу, которая со временем превратилась во Львовский национальный аграрный университет.

С 1861 по 1875 г. он занимал пост маршала сейма Королевства Галиции и Ладомерии. На этой должности Л. Сапега пользовался безоговорочным

авторитетом и, по свидетельствам очевидцев, мог разрешать самые острые споры [2, с. 28]. Он возглавлял ряд финансовых учреждений, был одним из инициаторов строительства железной дороги Львов – Краков.

Князь не принимал непосредственного участия в восстании 1863–1864 гг., но активно помогал повстанцам материально. В 1875 г. Л. Сапега отошел от политической деятельности [1, с. 237–239].

Леон Людвик Сапега умер 1 сентября 1878 г. Восемь лет спустя в его честь была названа часть центральной улицы г. Львова (название сохранялось до 1944 г.) [3].

Таким образом, мемуары, оставленные Леоном Людвиком Сапегом, помогли восстановить его биографию, уточнить ключевые даты его жизни и раскрыть черты его характера.

Хотелось бы отметить, что мемуарная литература очень мало востребована современными исследователями при изучении истории XIX в., в результате чего многие работы теряют полноту исторического повествования.

Список использованных источников

1. *Sapieha, L.* Wspomnienia z lat 1803–1863 / L. Sapieha. – Lwów, 1914. – 287 s.
2. *Sapega, Л.* Мемуары князя Л. Сапег (1803–1863) / Л. Сапега. – Петроград: Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1915. – 316 с.
3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 2001. – С. 222–228.
4. *Цалик, С.* Князь Леон Сапега / С. Цалик. – 2017. – URL: <http://www.capital.ua/ru/publication/17154-knyaz-leon-sapega-otkryl-odno-iz-stareyshikh-uchebnykh-zavedeniy-galitsii-i-postroil-pervuyu-v-ukraine-zheleznuyu-dorogu#ixzz4YeyzdnH2> (дата обращения: 07.04.2017).

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Н. С. Моторова

Белорусский государственный университет, Минск

N. S. Motorova

Belarusian State University, Minsk

УДК 353.2(476.1-89)(091)»1914/1918»+364.65-054.73(476.1-89)
(091)»1914/1918»

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

PARTICIPATION OF THE ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT INSTITUTIONS OF THE MINSK PROVINCE IN ORGANIZING ASSISTANCE TO REFUGEES DURING THE FIRST WORLD WAR

В статье рассматривается роль органов земского самоуправления Минской губернии в организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны. Отмечено, что они начали ее оказывать с начала боевых действий. Однако резкое увеличение количества беженцев в 1915 г., ограниченность финансовых и организационных ресурсов органов земского самоуправления привели к тому, что постепенно их роль в оказании помощи беженцам приобрела вспомогательный характер. Тем не менее они участвовали в реализации мер, инициированных различными общественными и благотворительными организациями: открытии санитарно-питательных пунктов, приютов, временных лечебниц и пр.

Ключевые слова: беженцы; Первая мировая война; Минская губерния; органы земского самоуправления; помощь.

The article examines the role of the zemstvo self-government institutions of the Minsk province in organizing assistance to refugees during the First World War. It is noted that they began to provide it from the beginning of hostilities. A sharp increase in the number of refugees in 1915, the limited financial and organizational resources of the zemstvo self-government institutions led to the fact that their role in providing assistance to refugees gradually acquired an auxiliary character. However they participated in the implementation of measures initiated by various public and charitable organizations: the opening of sanitary and nutrition points, shelters, temporary clinics, etc.

Keywords: refugees; First World War; Minsk province; zemstvo self-government institutions; assistance.

В годы Первой мировой войны Российская империя столкнулась с качественно новыми социальными проблемами. Особое место среди них занимала проблема помощи беженцам. Исторический опыт ее решения на общегосударственном и региональном уровнях отсутствовал. Органы местного самоуправления и управления Беларуси с первых дней войны столкнулись с постоянно увеличивавшимся потоком беженцев и должны были в экстремальных условиях военного времени разрабатывать и реализовывать мероприятия, направленные на обеспечение элементарных потребностей

вынужденных переселенцев. К ним относились организация питания, медицинская помощь, размещение лиц, которые не могли самостоятельно продолжать дальнейшее движение.

В научной литературе, посвященной Первой мировой войне, исследователи уделяли мало внимания помощи беженцам. В историографии советского периода эта проблема целенаправленно не изучалась. Поворот к исследованию социальных аспектов Первой мировой войны в белорусской и российской исторической науке наметился к началу XXI в.

Вопросы правового статуса белорусских беженцев, их регистрации и положения были рассмотрены в научных работах А. М. Бабкова [1; 2], В. Г. Корнелюка [3]. Более подробно взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций в этой сфере исследовал С. Ф. Лапанович [4; 5].

В современной российской историографии проблема помощи беженцам в общероссийском контексте была рассмотрена в диссертационном исследовании В. С. Утгоф [6], а также в монографии И. Б. Беловой [7] и коллективной работе, подготовленной Н. В. Суржиковой, Н. А. Михалевым и С. А. Пьянковым [8].

В перечисленных работах подробно освещены основные мероприятия по обеспечению потребностей беженцев, но в недостаточной степени раскрыт региональный аспект их реализации. Исходя из этого цель настоящей статьи заключается в выявлении степени участия органов земского самоуправления Минской губернии в оказании помощи беженцам в годы Первой мировой войны.

В Минской губернии первые группы вынужденных переселенцев появились к осени 1914 г. Помощь им оказывалась не только общероссийскими благотворительными организациями, но и местными органами земского самоуправления. Перед ними стояли две группы задач. С одной стороны, нужно было решить бытовые проблемы, обеспечить беженцев питанием и медицинской помощью. Для этого открывались питательные и врачебные пункты. С другой стороны, так как значительную часть беженцев составляли крестьяне, то требовалось оборудовать фуражные пункты для обеспечения лошадей кормом и кузницы.

На решение этих задач направили свое внимание органы уездного земского самоуправления. Однако сразу же столкнулись с дефицитом финансовых ресурсов. Об этом, например, свидетельствуют материалы заседания Мозырского уездного земского собрания за 11 сентября 1914 г. Для открытия кузниц, фуражных, питательных и врачебных пунктов для беженцев требовалось не менее 50 тыс. руб., которыми органы местного самоуправления не располагали [9, л. 80].

В этих условиях в Мозырском уезде, который захлестнула волна беженцев, к оказанию помощи начали активно подключаться благотвори-

тельные общества и различные ведомства. Например, в самом Мозыре Татьянинский комитет устроил ночлежный дом для беженцев в арендованном им здании гостиницы «Москва», а в местечке Туров за счет средств судоходного ведомства был открыт питательный пункт. Органы земского самоуправления Мозырского уезда открыли в уездном центре ночлежный дом и приобрели здание для изоляционного барака. Так как средств на оказание помощи беженцам у земства не было, то финансовая поддержка была оказана из фонда главноуполномоченного по устройству беженцев С. И. Зубчанинова (10 тыс. руб.) и Татьянинского комитета (15 тыс. руб.) [9, л. 72 об.].

Несмотря на предпринимавшиеся меры, положение беженцев было тяжелым. Например, в местечке Петриков не было подходящего здания для организации их ночлега, поэтому людей приходилось размещать в пожарном сарае. Проблемы возникали и при оказании медицинской помощи. Так, в местечке Давид-Городок весь медицинский персонал был привлечен к оказанию помощи беженцам, в результате чего местное гражданское население полностью ее лишилось [9, л. 72 об.].

В этой связи Мозырское уездное земское собрание приняло ряд решений, направленных на повышение эффективности помощи как беженцам, так и местному гражданскому населению. Оно выделило средства на приобретение медикаментов и приглашение дополнительного медицинского персонала в Давид-Городок, на аренду помещения для изоляционного барака в Калинковичах, а также на организацию питания беженцев. Для обеспечения беженцев одеждой и обувью было решено организовать их закупку по уезду. Средства на эти цели были выделены по линии Всероссийского земского союза [9, л. 72 об. – 73].

Органы земского самоуправления Мозырского уезда столкнулись с еще одной нетипичной проблемой. Так как через уезд беженцы двигались преимущественно гужевым транспортом, с ними перемещался скот, то в уезде его скопилось очень много. Кормов для него не хватало, а это грозило падежом и вспышками эпизоотий. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Петрикове. В этой связи требовалось организовать реквизицию скота и его продажу по сниженным ценам для обеспечения питания беженцев [9, л. 73–73 об.].

Часть беженцев, перемещавшихся через Минскую губернию, оседала в Минске. В данном случае помощь им оказывалась силами благотворительных организаций и местного городского самоуправления. Со своей стороны органы земского самоуправления Минской губернии оказывали посильную финансовую поддержку. Например, в октябре 1914 г. Минская губернская земская управа выделила 500 руб. в распоряжение благотворительных обществ для устройства временного приюта и столовой для беженцев [10, с. 88–89].

Проблема помощи беженцам обострилась в результате военных поражений в 1915 г., повлекших за собой дальнейшее отступление российской армии и увеличение потока вынужденных переселенцев. В Минской губернии помощь им оказывалась Всероссийским земским союзом при участии Татьянинского комитета и финансовой поддержке военного ведомства. Непосредственную работу по созданию санитарно-питательных пунктов и медицинских отрядов на уровне уездов осуществляли органы земского самоуправления [11, с. 29–30].

5 августа 1915 г. в Минской губернии состоялось совещание председателей уездных земских управ по вопросу о борьбе с холерой и помощи беженцам. В его работе принимал участие О. П. Герасимов, исполнявший обязанности председателя эвакуированного в Минск Комитета Всероссийского земского союза Северо-Западного фронта (с 4 августа 1915 г. – Западного фронта). На совещании было принято решение о фактическом объединении работы уездных органов земского самоуправления, отделений Татьянинского комитета и учреждений Всероссийского земского союза под руководством последнего. Благодаря этому за короткое время удалось открыть 39 санитарно-питательных пункта, 9 холерных бараков, 4 фельдшерско-питательных пункта и 3 питательных пункта. Органы земского самоуправления приняли в этом активное участие. В начале осени 1915 г. основное внимание было направлено на обеспечение помощью беженцев в направлении Игумен – Могилев, так как тракт Минск – Борисов – Орша был закрыт для их движения по распоряжению военных властей. Работы в этом направлении осуществлялись совместно с Комитетом Западного фронта Всероссийского земского союза [11, с. 30–31].

В уездах оборудование дополнительных санитарно-питательных пунктов осуществлялось на основании распоряжения, разосланного от имени главного начальника снабжений армий Западного фронта Н. А. Данилова. В телеграмме от 27 августа 1915 г. он предложил привлечь к соответствующим работам органы земского самоуправления. Н. А. Данилов предложил обращаться лично к нему за предоставлением финансовой помощи. В ответ Слуцкое и Бобруйское уездные земские собрания выразили готовность принять активное участие в организации помощи беженцам путем устройства санитарно-питательных пунктов и помещений для ночлега [12, л. 2–5 об.]. В Борисовском уезде органы земского самоуправления уже оборудовали санитарно-питательные пункты, для чего была привлечена финансовая помощь со стороны Всероссийского земского союза и Татьянинского комитета. В дальнейшем планировалось открыть новые санитарно-питательные пункты, оборудовать колодцы по пути следования беженцев, а в Смолевичах и Борисове создать фуражные пункты для обеспечения кормом скота, принадлежавшего вынужденным переселенцам [13, л. 91].

В этих крайне не простых условиях на общегосударственном уровне наконец-то была оформлена правовая база, которая регулировала помощь беженцам. 30 августа 1915 г. император Николай II подписал закон об обеспечении их нужд. В нем впервые было закреплено понятие «беженец». Основные обязанности по оказанию помощи были возложены на губернскую администрацию и органы местного самоуправления, которые могли привлекать представителей общественности [14]. Эта норма создала предпосылки для объединения мероприятий по поддержке беженцев, реализовывавшихся общественными организациями, органами управления и самоуправления.

Несмотря на предпринимаемые усилия, к октябрю 1915 г. стало очевидным, что в Минской губернии эффективно и быстро решить проблемы беженцев не удалось. Это было обусловлено тем, что в пределах губернии их скопилось слишком большое количество. Наиболее остро проблема помощи им стояла в двух уездах – Минском и Новогрудском. В этой связи под председательством минского губернатора А. В. Гирса было созвано Особое совещание по вопросу об устройстве беженцев. В нем принимали участие как представители армейского руководства, так Всероссийского земского союза. На заседании 8 октября 1915 г. выступил вице-губернатор Н. А. Афанасьев. Ранее он совершил поездку по тыловым районам армии по линии Койдоново – Столбцы – Мир – Городок – Снов. По приблизительным подсчетам вице-губернатора в тылу скопилось до 35 тыс. беженцев, которые вынуждены были жить под открытым небом. Обеспечить помощью всех нуждавшихся в пределах Минской губернии не было возможности, поэтому Особое совещание решило принять срочные меры для дальнейшего перемещения беженцев на восток. Также было решено реквизировать принадлежавших им лошадей и отправить на восток, так как использовать их на месте было невозможно из-за отсутствия кормов [15, л. 31–31 об.].

Однако линия фронта не была полностью стабильной. К середине октября 1915 г. был освобожден ряд районов Пинского уезда. Проживавшее в них население оказалось в таком же тяжелом положении, как и беженцы, и тоже нуждалось в помощи. Их жилье и хозяйственные постройки вместе с запасами зерна были уничтожены, а имущество разграблено. На первых порах помощь пострадавшему от военных действий гражданскому населению оказывало армейское руководство, организуя их питание при полковых кухнях, а также 17-й Забайкальский отряд Всероссийского земского союза. Однако эта помощь носила временный характер. Для объединения и координации действий всех благотворительных организаций в середине осени 1915 г. был создан Пинский уездный комитет по оказанию помощи населению в районах, очищенных от неприятеля. Его возглавил пинский уездный предводитель дворянства, земский деятель С. И. Папа-Афанасопуло. Комитет должен был разработать план мероприятий по поддержке местного населения, а для их реализации ему были переданы средства, поступившие

от Татьянинского комитета и главноуполномоченного по устройству беженцев С. И. Зубчанинова [15, л. 43–43 об.].

В ноябре 1915 г. работы по оказанию помощи населению в Пинском уезде развернулись. Пинский уездный комитет активно сотрудничал со всеми благотворительными и общественными организациями. Они открывали санитарно-питательные пункты, снабжали население одеждой, строили бараки и землянки для размещения людей. Помощь в равной степени оказывалась как местным жителям, так и оказавшимся в освобожденных районах Пинского уезда беженцам [16, л. 200–200 об.].

Число беженцев в Минской губернии стало постепенно сокращаться с конца 1915 г. благодаря тому, что линия боевого соприкосновения стабилизировалась. Какая-то часть беженцев осталась в Минске и окрестных районах, а какая-то – продолжила движение на восток, в центральные регионы Российской империи. Однако отсутствовала исчерпывающая информация об их количестве в региональном разрезе, а без нее не было возможности организовать эффективную помощь беженцам на местах. Разрешить эту проблему попыталось Совещание, созданное при Отделе по устройству беженцев Всероссийского земского союза. Оно работало 24–25 ноября 1915 г. в Москве и приняло решение о проведении переписи беженцев [8, с. 71–72]. На его основании главноуполномоченный по устройству беженцев С. И. Зубчанинов выступил с инициативой создать региональное совещание представителей органов местного самоуправления Новгородской, Псковской, Смоленской, Витебской, Могилевской и Минской губерний. На этом совещании планировалось обсудить перечень вопросов, которые должны быть включены в перепись, способ сбора сведений (анкетирование или экспедиционный), распределение обязанностей по проведению переписи между органами местного самоуправления [17, л. 6].

Несмотря на стремление провести перепись беженцев, эту инициативу не удалось реализовать из-за нехватки материальных и людских ресурсов. Что касается организации помощи беженцам, то по состоянию на конец 1915 г. в Минской губернии она продолжала оказываться силами различных общественных и благотворительных организаций: Татьянинского комитета, Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, Управления главноуполномоченного по устройству беженцев, Российского общества Красного Креста и пр. К ним примыкали благотворительные общества, как местные, так и недавно созданные по национальному признаку (например, Общество вспомоществования полякам – жертвам войны, Общество вспомоществования евреям, временно, вследствие военных действий, поселившимся в Минской губернии). На местах перечисленные организации и общества создавали комитеты, отделения, отделы или подотделы [16, л. 78 об. – 79 об.].

Лидирующую роль в данном случае играл Татьянинский комитет. За счет его средств в Минском, Бобруйском, Игуменском, Мозырском и Ново-

грудском уезде были открыты санитарно-питательные, питательные и фуражные пункты, приюты для осиротевших детей-беженцев и престарелых лиц, которые не могли двигаться дальше, а также бараки для больных [16, л. 27, 28, 30–30 об., 33, 38]. В Бобруйском уезде благодаря финансовой помощи Татьянинского комитета нуждавшимся беженцам раздавалась теплая одежда, обувь и белье, а в Речицком – выплачивались денежные пособия [16, л. 28, 36 об.].

Ситуация отличалась лишь в Речицком уезде. Здесь вся санитарно-питательная и фуражная помощь беженцам оказывалась Речицкой земской уездной управой. Средства на эти цели в размере 265 тыс. руб. были выделены из военного фонда и ресурсов Всероссийского земского союза [16, л. 38].

Таким образом, органы земского самоуправления Минской губернии активно участвовали в оказании помощи беженцам в начале Первой мировой войны. Однако очень быстро стало очевидно, что их финансовых и организационных ресурсов недостаточно для оказания своевременной помощи все увеличивавшемуся количеству беженцев. Особенно ярко это проявилось в 1915 г. Так как через Минскую губернию перемещались сотни тысяч беженцев, то активное участие в оказании им помощи принимали как общероссийские, так и местные благотворительные и общественные организации. Они открывали санитарно-питательные и фуражные пункты, приюты для стариков и детей, участвовали в обеспечении нуждавшихся одеждой и бельем. Органы земского самоуправления Минской губернии также оказывали помощь беженцам в подобных формах, но ее масштабы были значительно скромнее по сравнению с крупными общественными и благотворительными организациями, особенно Татьянинским комитетом.

Список использованных источников

1. *Бабков, А. М.* Беженцы Беларуси в России в 1916 году: регистрация и правовое положение / А. М. Бабков // Гістарычнаму факультэту – 20 гадоў: зб. навук. прац гіст. фак. ГДУ імя Францыска Скарыны / Гомел. дзярж. ун-т; рэдкал.: В. А. Міхедзька (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ, 2009. – С. 133–141.
2. *Бабков, А. М.* Беженцы Беларуси в Российской империи: проблемы регистрации и территориального размещения (1915–1917) / А. М. Бабков // 100 лет Российской революции: подведение итогов: сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т; редкол.: Г. А. Алексейченко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ, 2017. – С. 8–17.
3. *Карнялюк, В. Р.* Міграцыя беларускага насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной / В. Р. Карнялюк. – Гродна: ГрДУ, 2019. – 329 с.
4. *Лапановіч, С. Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917) / С. Ф. Лапановіч. – Мінск: Акад. МУС, 2010. – 127 с.

5. *Лапановіч, С. Ф.* Бежанства і эвакуацыя на тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў / С. Ф. Лапановіч. – Мінск: Акад. МУС, 2020. – 425 с.

6. *Утгоф, В. С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. С. Утгоф; Европ. ун-т. – Санкт-Петербург, 2003. – 23 с.

7. *Белова, И. Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. / И. Б. Белова. – Москва: АИРО-XXI, 2014. – 432 с.

8. *Суржикова, Н. В.* Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.) / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков. – Екатеринбург: Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2021. – 493 с.

9. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 22. Оп. 1. Д. 1238.

10. Доклады IV Минскому очередному губернскому земскому собранию по разным вопросам: [в 2 ч.] / Мин. губерн. зем. управа. – Минска: Губерн. тип., 1914. – Ч. 2. – [90 с.].

11. [Журнал седьмого чрезвычайного Минского губернского земского собрания: заседание 8 сентября 1915 г. Доклады Губернской земской управы]. – [Минск?: б. и., 1915?]. – 44 с.

12. НИАБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 843.

13. НИАБ. – Ф. 22. Оп. 1. Д. 1237.

14. Об обеспечении нужд беженцев: Закон, 30 авг. 1915 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем сенате. – 1915. – Отд. 1. – № 242. – Ст. 1842.

15. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8639.

16. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 9038.

17. НИАБ. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 71.

(Дата подачи 08.02.2025 г.)

A. M. Mox

Акадэмія адукацыі, Мінск

E. Mokh

Academy of Education

УДК 37.091.12.(476) «1960»

**РЭСПУБЛІКАНСКІ З’ЕЗД НАСТАЎНІКАЎ У БССР:
ПРАКТЫЧНАЕ ПРЫМЯНЕННЕ ЗАКОНА
«АБ УМАЦАВАННІ СУВЯЗІ ШКОЛЫ З ЖЫЦЦЁМ», 1960**

**REPUBLICAN CONGRESS OF TEACHERS IN THE BSSR:
PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE LAW
“ON STRENGTHENING THE CONNECTION
OF SCHOOL WITH LIFE”, 1960**

Артыкул прысвечаны з’езду настаўнікаў, што адбыўся ў 1960 г. у Мінску. Тады ў абмеркаванні важнейшых пытанняў развіцця школьнай адукацыі прынялі ўдзел лепшыя прадстаўнікі прафесіі з усёй БССР. Мэтай дадзенага даследавання з’яўляецца разгляд вынікаў работы школ пасля прыняцця закона «Аб умацаванні сувязі школы з жыццём».

Ключавыя словы: настаўніцкі з’езд; дэлегаты з’езда; навукова-метадычнае забеспячэнне адукацыйнага працэсу; абмен вопытам.

The article is dedicated to the 1960 teachers’ congress in Minsk. The best teachers of the BSSR took part in it to discuss important issues of school education development. The aim of this study is to examine the results of school work after the adoption of the law «On Strengthening the Connection between School and Life».

Keywords: teachers’ congress; congress delegates; scientific and methodological support of the educational process; exchange of experience.

Поспех усёй школьнай справы забяспечвае настаўнік. Настаўнік – цэнтральная фігура вучэбна-выхаваўчага працэсу. Ён аддае ўсе свае сілы, талент, уменні высакароднай справе – выхаванню дзяцей, – праводзіць іх у цудоўны свет ведаў. Для паспяховага развіцця нацыянальнай сістэмы адукацыі, вызначэння асноўных напрамкаў работы і пастаноўкі задач перад сучаснай школай узнікае неабходнасць у гістарычным абгрунтаванні стратэгіі школьнай адукацыі. У сувязі з гэтым цікавасць уяўляе арганізаваная прафесійная камунікацыя беларускага настаўніцтва – з’езд у 1960 г.

Перад кожным настаўнікам і работнікам асветы ўзнікалі пытанні на конт таго, як лепш ажыццявіць перабудову ў сістэме школьнай адукацыі і ўдасканаліць адукацыйны працэс. Магчымасць абмеркаваць гэтыя праблемы з’явілася: 11–13 жніўня 1960 г. у Мінску прайшоў з’езд настаўнікаў БССР і стаў важнай падзеяй у жыцці педагагічнай суполкі. Агульная колькасць дэлегатаў і гасцей з’езда налічвала 1200 чалавек. На мерапрыемства запрашаліся прадстаўнікі Міністэрства асветы вышэйшай школы, навуковых устаноў і Акадэміі педагагічных навук РСФСР, ЦК прафсаюзаў. На пра-

вядзенне з'езда, арганізацыю прыёму гасцей з саюзных рэспублік і заслужаных настаўнікаў БССР Міністэрству асветы было выдаткавана 7,5 тысяч рублёў [1, л. 1–2].

У чэрвені 1960 г. Міністр асветы БССР І. М. Ільюшын зацвердзіў план мерапрыемстваў Міністэрства асветы БССР па правядзенні з'езда, які прадугледжваў падрыхтоўку матэрыялаў (тэксту даклада Міністра адукацыі «Перабудова школы і задачы настаўніцтва»); камандзіроўкі супрацоўнікаў міністэрства ў школы і дашкольныя ўстановы БССР з мэтай вывучэння работы на месцах і збору матэрыялаў; арганізацыю выставы «Народная адукацыя ў БССР»; падрыхтоўку матэрыялаў аб прысваенні настаўнікам і работнікам асветы ганаровага звання «Заслужаны настаўнік школы БССР» і прадстаўленне іх у ЦК КПБ [2, л. 11–12].

Асноўнай задачай з'езда было абмеркаванне першых вынікаў работы школ пасля прыняцця закона «Аб умацаванні сувязі школы з жыццём». Згодна з законам «галоўнай задачай савецкай школы з'яўлялася падрыхтоўка навучэнцаў да жыцця, грамадска карыснай працы, далейшае павышэнне ўзроўню агульнай і політэхнічнай адукацыі, падрыхтоўка адукаваных людзей, якія добра ведаюць асновы навук, выхаванне моладзі ў духу глыбокай павагі да прынцыпаў сацыялістычнага грамадства, у духу ідэй камунізму» [3, с. 55–57].

У рабоце з'езда прымалі ўдзел лепшыя настаўнікі, выхавальнікі школ-інтэрнатаў, дзіцячых дамоў, старшыя піянерважатыя, работнікі народнай асветы, прадстаўнікі грамадскасці – кіраўнікі прамысловых прадпрыемстваў, калгасаў і саўгасаў, партыйныя, прафсаюзныя і савецкія работнікі. Колькасны састаў дэлегатаў і ўдзельнікаў з'езда ўключаў 177 чалавек з Брэсцкай вобласці, 179 – з Віцебскай, 178 – з Гомельскай, 126 – з Гродзенскай, 195 – з Мінскай, 144 – з Магілёўскай, 106 – з г. Мінска. Госці з саюзных рэспублік налічвалі 43 чалавекі.

З агульнай колькасці дэлегатаў настаўнікаў і кіраўнікоў усіх тыпаў школ было 700 чалавек, работнікаў раённых, гарадскіх і абласных аддзелаў народнай асветы – 232, старшых піянерважатых – 21, кіруючых работнікаў партыйных, савецкіх і камсамольскіх арганізацый – 89.

Даныя аб узросце і стажы работы дэлегатаў з'езда сведчаць, што ў мерапрыемстве прымалі ўдзел як маладыя, так і вопытныя настаўнікі. Так, ва ўзросце да 40 гадоў было 44 % педагогаў; 40–50 – 36 %, вышэй за 50 гадоў – 20 %. Па працоўным стажы да 5 гадоў – 44 чалавекі, 5–25 гадоў – 775, больш за 25 гадоў – 213. Вышэйшую і няскончаную вышэйшую адукацыю мелі 878 дэлегатаў, сярэдняю – 154 [4, л. 86–89].

641 дэлегат – члены і кандыдаты ў члены Камуністычнай партыі Савецкага Саюза, 78 членаў ВЛКСМ, 323 беспартыйныя. Ад агульнай колькасці ўдзельнікаў з'езда 45 % складалі жанчыны. Па нацыянальным складзе беларусаў было 821 чалавек, рускіх – 155, яўрэяў – 39, украінцаў – 16

і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей – 11. Сярод дэлегатаў – 58 заслужаных настаўнікаў школы БССР, 418 – уладальнікі ордэнаў і медалёў, 236 чалавек узнагароджаныя значком «Выдатнік народнай асветы». У складзе дэлегатаў – тры дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР, 423 дэпутаты абласных, гарадскіх, раённых, сельскіх і пасялковых Саветаў [5].

11 жніўня 1960 г. Рэспубліканскі з’езд настаўнікаў урачыста адкрыла загадчыца вучэбнай часткі сярэдняй школы № 48 г. Мінска, заслужаная настаўніца БССР С. Я. Сычоўская. Прапанову аб колькасным і персанальным саставе ганаровага прэзідыума з’езда ўнёс загадчык Мінскага абласнога аддзела народнай адукацыі К. Ф. Коршук, аб саставе мандатнай камісіі з’езда – дырэктар школы № 10 г. Слуцка, заслужаны настаўнік школы БССР С. Ф. Рубанаў [5, л. 36].

Дэлегаты ў сваю чаргу выбралі кіруючыя органы з’езда: прэзідыум, сакратарыят, рэдакцыйную і мандатную камісіі. Сакратар ЦК КПБ В. Ф. Шаура зачытаў прывітальнае слова Цэнтральнага камітэта Камуністычнай партыі Беларусі і Савета Міністраў БССР Рэспубліканскаму з’езду настаўнікаў і ўсім работнікам народнай асветы БССР: «...Поспех у рабоце ў многім залежыць ад умення ўлічыць і выкарыстаць вопыт лепшых школ і настаўнікаў. Збіраць крупінкі перадавога педагогічнага вопыту, вывучаць і абагульняць, рабіць яго здабыткам кожнага настаўніка – найпершы абавязак кіраўнікоў школ і органаў народнай асветы. Настаўнікі павінны сістэматычна павышаць свой ідэйна-тэарэтычны ўзровень, няспынна ўдасканальваць педагогічнае майстэрства, змагацца за паспяховае выкананне закона “Аб умацаванні сувязі школы з жыццём” і аб далейшым развіцці сістэмы народнай адукацыі» [6, с. 1–2].

У парадак пасяджэння было ўключана два пытанні: даклад Міністра асветы БССР І. М. Ільюшына «Перабудова школы і задачы настаўніцтва» і даклад сакратара ЦК ЛКСМБ Л. Г. Максімава «Камсамол і школа».

Цэнтральнае месца ў гэтых дакладах, а таксама ў выступленнях дэлегатаў займала, натуральна, праблема спалучэння навучання з прадукцыйнай працай.

Як адзначалася ў дакладзе Міністра асветы БССР І. М. Ільюшына, у 1959/1960 навучальным годзе ў БССР працавала 11 570 агульнаадукацыйных школ, у якіх навучалася 1219,8 тысячы вучняў. Былі створаны школы-інтэрнаты, у якіх выходзілася 8500 дзяцей. Праводзілася маштабная работа па навучанні дарослых без адрыву ад вытворчасці. Для параўнання: у 1958/1959 навучальным годзе ў 1114 школах і асобных класах навучалася 73 059 чалавек.

За пасляваенныя гады ў школах рабочай і сельскай моладзі, завочных школах адукацыю за VII класаў атрымалі 82 073 чалавекі; за сярэдняю школу – 70 285. Асаблівае месца ў выхаванні вучняў, развіцці іх здольнасцей належала пазашкольным установам. У БССР працавала больш

за 90 дамоў і палацаў піянераў, 13 станцый юных тэхнікаў, 59 спартыўных школ, 8 дзіцячых экскурсійна-турысцкіх станцый, тэатр юнага глядача, 167 дзіцячых бібліятэк [7, с. 3–4].

Закон «Аб умацаванні сувязі школы з жыццём і аб далейшым развіцці сістэмы народнай адукацыі ў БССР» паставіў перад школай важныя задачы і праблемы: павышэнне ўзроўню агульнай і політэхнічнай адукацыі, пераход ад абавязковага сямігадовага навучання да ўсеагульнага абавязковага васьмігадовага. Вырашэнне гэтых задач патрабавала сумеснай работы школ, органаў Міністэрства адукацыі з прадпрыемствамі, калгасамі, саўгасамі і іншымі ўстановамі.

У выніку пераводу сямігадовых школ у васьмігадовыя навучэнцы пачалі атрымліваць больш высокую тэарэтычную і практычную падрыхтоўку. Гэта плённа адбілася на ўцягненні моладзі ў грамадска карысную працу і павышэнні ўзроўню адукацыі. Так, у 1959/1960 навучальным годзе 133 сямігадовыя школы былі пераведзены на васьмігадовы тэрмін навучання. Планавалася, што ўжо ў 1962/1963 навучальным годзе ўсе вучні VII класаў абавязкова прайдуць у восьмы клас і скончаць васьмігадовую школу.

Пераход на ўсеагульнае абавязковае васьмігадовае навучанне патрабаваў стварэння неабходнай вучэбна-матэрыяльнай базы, уліку вопыту перадавых раёнаў, гарадоў, дзе паспяхова ажыццяўлялася школьнае будаўніцтва, умела выкарыстоўваліся бюджэтныя асігнаванні, прыцягвалася грамадскасць да стварэння школ, вучэбных майстэрняў, кабінетаў. Асноўнымі задачамі з'яўляліся перавод школ на аднаменныя заняткі, арганізацыя гарачага харчавання і падвозу школьнікаў. Так, напрыклад, у Асіповіцкім раёне на аднаменныя заняткі перайшлі 48 з 52 пачатковых школ і 50 % сямігадовых школ. У Мсціслаўскім раёне з 77 пачатковых школ 73 працавалі ў адну змену. Вялікая работа ў гэтым кірунку праводзілася ў Рагачоўскім, Віцебскім, Ваўкавыскім і многіх іншых раёнах.

Як было сказана ў законе, галоўнымі задачамі школы з'яўляліся падрыхтоўка вучняў да жыцця, грамадска карыснай працы, выхаванне моладзі ў духу глыбокай павагі да прынцыпаў сацыялістычнага грамадства, ідэй камунізму. Так, поўная сярэдняя адукацыя моладзі, пачынаючы з 15–16-гадовага ўзросту, ажыццяўлялася на аснове спалучэння навучання з працай. У 1959/1960 навучальным годзе I–V класы ўсіх школ БССР і IX класы 260 сярэдніх школ былі пераведзены на новы вучэбны план і новыя праграмы, якія прадугледжвалі больш высокі ўзровень агульнаадукацыйнай падрыхтоўкі вучняў, правільныя суадносіны агульнай, прафесіянальнай і політэхнічнай адукацыі. Больш увагі надавалася правядзенню лабараторных і практычных заняткаў, экскурсій, самастойных работ вучняў, выкарыстанню наглядных дапаможнікаў.

Многія школы, у якіх было ўведзена вытворчае навучанне, добра спраўляліся з пастаўленымі задачамі. Сярод такіх устаноў былі школы № 50 г. Мінска, № 7 і 11 г. Магілёва, № 1 г. Гродна, № 10 г. Слуцка і інш. У сельскай мясцовасці ствараліся вучнёўскія вытворчыя брыгады ў калгасах і саўгасах.

Задачай кожнага настаўніка было навучанне глыбокім і трывалым ведам асноў навук, творчаму выкарыстанню эфектыўных прыёмаў і метадаў работы. Пры гэтым трэба было разумець, што ўсе вучэбныя прадметы – важныя, узаемна дапаўняюць адзін аднаго і складаюць адзіную цэласную сістэму ўсебаковай падрыхтоўкі і развіцця падрастаючага пакалення.

Педагагічныя калектывы (з улікам канкрэтных умоў) павінны былі прадумваць арганізацыю працоўнай падрыхтоўкі так, каб яна прадугледжвала ўключэнне дзяцей у пасільную і разнастайную практычную дзейнасць, накіраваную на злучэнне разумовай працы з фізічнай. Падчас навучання школьнікаў агульнаадукацыйным прадметам у працоўнай і прафесіянальнай падрыхтоўцы неабходна было паслядоўна ўкараняць прынцып політэхнізму. У працэсе выкладання агульнаадукацыйных дысцыплін, асабліва такіх, як фізіка, хімія, біялогія, матэматыка, чарчэнне, настаўнік павінен быў на канкрэтных фактах і прыкладах паказаць вучням, як законы навукі выкарыстоўваюцца ў жыцці, працы і побыце людзей.

Заслугоўваючы вопыт арганізацыі вытворчага навучання сярэдняй школы № 11 г. Магілёва на базе завода штучнага валакна. У школы і завода на тых часы склаліся добрыя дзелавыя стасункі ў вырашэнні пытанняў падрыхтоўкі вучняў да практычнай дзейнасці. Кіраўніцтва і пярвічныя грамадскія арганізацыі прадпрыемства прымалі актыўны ўдзел у рабоце ўстановы адукацыі, дапамагалі з абсталяваннем вучэбных кабінетаў і майстэрняў. Педагагічныя саветы, нарады і іншыя мерапрыемствы школа праводзілі з удзелам прадстаўнікоў завода. У сваю чаргу дырэкцыя і настаўнікі школы ўдзельнічалі ў тэхнічных і вытворчых нарадах на заводзе.

Сярод сельскіх школ значных поспехаў у акрэсленым кірунку дасягнуў педагагічны калектыў Гарадзейскай школы Нясвіжскага раёна, які ўзначальвае ініцыятывы кіраўнік Сцяпан Адамавіч Крэмец. Тут некалькі гадоў шукалі найбольш рацыянальныя шляхі сувязі школы з жыццём, падрыхтоўкі выпускнікоў да практычнай дзейнасці. Ужо чацвёрты год усе выпускнікі школы разам з атэстатам сталасці атрымлівалі адпаведнае пасведчанне аб прысваенні ім працоўнай спецыяльнасці. Так, летась 21 выпускнік атрымаў спецыяльнасць трактарыста, 12 выпускнікоў – камбайнера, 23 – электрамонтэра, 12 – швачкі.

На з’ездзе абмяркоўваліся пытанні паляпшэння эстэтычнага, фізічнага выхавання школьнікаў, далейшага развіцця ў школах спартыўна-масавай работы, правядзення турысцкіх паходаў, масавых забаў, гуляняў і іншых мерапрыемстваў.

У прамовах многіх дэлегатаў адчувалася трывога з-за нявырашанага пытання аб вытворчай падрыхтоўцы вучняў, планавання яе па спецыяльнасцях і галінах вытворчасці. Былі сур'ёзныя недахопы ў развіцці школ-інтэрнатаў. Некаторыя з іх адкрываліся непрадумана, без адпаведнай матэрыяльнай базы. Абласныя аддзелы народнай асветы дапускалі недахопы ў камплектаванні школ-інтэрнатаў педагогічнымі кадрамі – далёка не ўсе яны былі забяспечаны вопытнымі спецыялістамі. Дэлегаты ўказвалі і на тое, што ў рэспубліцы да сённяшняга дня не вырашана праблема забеспячэння школ кваліфікаванымі выкладчыкамі замежных моў, спеваў, музыкі, фізічнай культуры, асноў вытворчасці і працы.

У выхаванні дзяцей важная роля належыць мастацкай літаратуры, перыядычнаму друку, радыёвяшчанню, кіно, тэатру, выяўленчаму мастацтву. Вось чаму дэлегаты прад'яўлялі сур'ёзныя патрабаванні да работнікаў гэтых галін культуры, крытыкавалі недахопы ў іх рабоце.

Згодна з законам аб школе асноўным шляхам атрымання сярэдняй адукацыі працуючай моладдзю з'яўлялася вячэрняе (пазменнае) навучанне. Каб стварыць умовы, неабходныя для вучобы рабочай і сельскай моладзі, дзяржава давала ёй шэраг ільгот. Гэта, а таксама пераход на 7- і 6-гадзінныя рабочы дзень, садзейнічала значнаму прытоку юнакоў і дзяўчат у вячэрнія (зменныя) школы. На бягучае сямігоддзе прадугледжвалася значнае пашырэнне сеткі вячэрніх (зменных) і завочных школ. Да 1965 г. яна павялічылася ў 1,5 разы, а колькасць вучняў узрасла да 145 тысяч чалавек, гэта значыць больш чым у 2 разы.

Многія вячэрнія (зменныя) школы паспяхова спраўляліся са сваімі задачамі. Станоўчым прыкладам была вячэрняя школа № 19 г. Мінска, якая будавала сваю работу ў цесным супрацоўніцтве з мотавелазаводам.

Сур'ёзную ўвагу дэлегаты звярталі на ўкамплектаванне вячэрніх (зменных) і завочных школ вопытнымі педагогічнымі кадрамі, якія павінны былі арганізоўваць работу па павышэнні ідэйна-тэарэтычнага і метадычнага ўзроўню, абагульненні і пашырэнні перадавога вопыту.

Такім чынам, настаўніцкі з'езд выконваў важную прафесійную функцыю: абмен перадавым педагогічным вопытам, фарміраванне навукова-педагагічнай свядомасці і светапогляду навучэнцаў, павышаў эфектыўнасць выхаваўчай работы, накіраванай на станаўлення чалавека – творцы і носьбіта духоўнасці, патрыёта і грамадзяніна [8, с. 1].

Заўважым, што эфектыўнасць такіх форумаў залежыць ад актыўнасці настаўнікаў, магчымасці рэалізаваць творчыя ідэі, абагульніць вопыт работы педагогаў-наватараў і ўкараніць яго ў практыку сістэмы школьнай адукацыі.

Спіс выкарастаных крыніц

1. Пастанова Старшыні Савета Міністраў БССР Ц. Я. Кісялёва «Аб правядзенні Рэспубліканскага з'езда настаўнікаў» у 1960 г. // НАРБ. – Ф. 42. Воп. 5. Д. 770. Л. 1–2.
2. План мерапрыемстваў Міністэрства асветы БССР па правядзенні Рэспубліканскага з'езда настаўнікаў у 1960 г. // НАРБ. – Ф. 42. Воп. 5. Д. 770. Л. 11–12.
3. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – Москва: Педагогика, 1974. – 560 с.
4. Доклад Старшыні мандатнай камісіі // НАРБ. – Ф. 42. Воп. 5. Д. 770. Л. 86–89.
5. Праграма працы з'езда // НАРБ. – Ф. 42. Воп. 5. Д. 770. Л. 36.
6. З'езду настаўнікаў БССР. Прывітальнае слова Цэнтральнага Камітэта Кампартыі Беларусі, Савета Міністраў БССР// Народная асвета. – 1960. – № 7. – С. 1–2.
7. *Ільюшын, І. М.* Насустрач з'езду настаўнікаў / І. М. Ільюшын // Народная асвета. – 1960. – № 7. – С. 3–7.
8. З'езд настаўнікаў БССР (дзёння з'езда) // Настаўніцкая газета. – 13 жніўня. – № 68. – С. 1.

(Дата падачы: 27.02.2025 г.)

Е. П. Наріжская

Республиканский институт высшей школы

H. P. Narizhnaya

National Institute for Higher Education

УДК 712.3(476):551.5"17"

РЕЦЕПЦИЯ САДОВЫХ СТИЛЕЙ И КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

RECEPTION OF GARDEN STYLES AND CLIMATE CHANGE BASED ON LOCAL CHRONICLES FROM THE 17TH TO FIRST HALF OF THE 18TH CENT.

В статье рассматривается значимость изучения предпосылок развития садово-парковых стилей ренессанса и барокко в XVI–XVIII вв. на белорусских землях с акцентом на влияние погодных условий на формирование ландшафтного искусства. Сделана попытка реконструкции изменчивого климата XVII в. по материалам местных летописей и хроник (Баркулабовская, Могилевская, Витебская), донесших яркие описания сезонных

изменений и катаклизмов, приводивших то к большим урожаям, то к голодным годам на фоне частых войн.

Ключевые слова: садово-парковая культура; климат; летописи; хроники; сельское хозяйство; имения; культура Беларуси конца XVI–XVII вв.

The article considers the importance of studying the prerequisites for the development of Renaissance and Baroque landscape styles in the XVI–XVIII centuries in the Belarusian lands with an emphasis on the influence of weather conditions on the formation of landscape design. An attempt has been made to reconstruct the changeable climate of the XVII century based on the materials of local annals and chronicles (Barkulabovskaya, Mogilevskaya, Vitebskaya) containing vivid descriptions of seasonal changes and cataclysms that led either to large harvests or to famine years amid frequent wars.

Keywords: landscape gardening art; climate; local annals; local chronicles; agriculture; manors; the Belarus culture in the late 16th – 17th centuries.

Период с XVI по XVIII в. отечественной истории характеризуется активным развитием культуры и искусства, что также нашло отражение в создании первых садов и парков. Они служили не только эстетическим, но и вполне функциональным целям. Однако данная тема по-прежнему находится в большей степени в поле изысканий архитекторов [1–4], биологов [5–11], нежели исследований историков Беларуси, равно как и изучение истории климата в восточнославянском регионе является сегодня неактуализированной проблемой и не выделена в отдельное научное направление.

Период XVII в. характеризовался не только политическими и социальными преобразованиями, религиозными и военными конфликтами, но и непредсказуемыми изменениями в природной среде, что создавало определенные вызовы для садовых мастеров, осваивающих планировку сада как эпохи ренессанса, так и барокко в садово-парковом искусстве. Осмыслить всю сложность их деятельности по поддержанию эстетической привлекательности разбиваемых садов и налаживанием оранжерейного хозяйства в условиях таких неблагоприятных погодных факторов, как заморозки, засуха и сильные дожди позволяют данные местного летописания. Баркулабовская хроника Ф. Филиповича, Могилевская хроника Т. Сурты, Ю. Трубницкого, Витебская летопись С. Аверки тщательно фиксировали происходившие погодные колебания XVII в. [12], ведь климатические факторы урожайности (влага, тепло, свет) оказывали значительное влияние на сельское хозяйство, а значит и на зарождавшееся садовое искусство.

Архивные материалы по обозначенной проблематике являются еще одной группой письменных источников и могут быть охарактеризованы как крайне малочисленные, разнородные. Особую ценность имеют сводные документы всех показателей хозяйств имений, так называемые «суммарии», и книги бухгалтерского учета с подсчитанными приходно-расходными балансами, расчетами за различные работы в садах и парках имений. Интересный материал предоставляют акты ревизий (люстрации), которые производились счетоводами из центральных управлений имениями в крупных

латифундиях. Накопленные знания из таких научных отраслей, как биология, дендрохронология [13–14], климатология, разносторонне дополняют выявленную информацию по историческому взаимодействию климата и общества.

Европейское садово-парковое строительство, по мнению большинства историков культуры и искусствоведов, занимает самостоятельное место среди других видов искусства только с конца XVI в. Совмещение в феодальной усадьбе оборонительной и хозяйственной функций обусловило, с нашей точки зрения, первоначальное обращение к плодовому и только потом – к декоративному садоводству. Декоративные возможности плодового садоводства обеспечили его широкое распространение и помогли созданию устойчивого представления о гармоничном сочетании красоты и пользы, которое культивировалось в Средневековье, о земном рае Эдеме. Отвечая естественной потребности оседлого населения в окультуривании ландшафта, небольшие сады становятся обычным явлением при усадьбах феодалов, горожан и сельских жителей. Подтверждением тому служат многочисленные инвентари имений, монастырей, подымные реестры городов и местечек Беларуси XVI в. [5, с. 54, 81, 123, 126, 135–136, 192, 298].

Среди лаконичных и однотипных упоминаний о выращивании овощных, плодовых культур, лекарственных растений лишь изредка встречаются в инвентарях описания декоративных садов, напоминающих итальянские эпохи позднего Ренессанса. Сады усадеб Савичи, Дубровно, Радзивиллы-монты, Белыничского монастыря, Гродненского монастыря бригиток, Березинского монастыря картезианцев, исходя из данных этих описаний, отличались геометричностью своего построения, которая достигалась путем разбивки на квадратные либо прямоугольные участки газонов, боскетов, цветников или овощных грядок. Завершением композиции была сеть прямолинейных дорожек и аллей. Возможно, в процессе их устройства был использован средневековый трактат итальянца П. Кресцентина «Книга о хозяйстве», известный в Речи Посполитой по польским изданиям середины XVI в. и довольно популярный, так как все хозяйственные отчеты того времени назывались «кресценцией» [8, с. 14–15]. Имеющиеся архивные сведения и материалы научной литературы о рецепции садово-паркового искусства периода итальянского Ренессанса в хозяйственно-художественном облике усадеб и замков на Беларуси крайне фрагментарны и не позволяют представить общую картину его распространения в XVI в. Такого мнения придерживается Ю. А. Якимович, с чем автор считает возможным согласиться [5, с. 16]. Выскажем предположение, что освоение садово-парковых стилей, вероятнее всего, шло на протяжении XVII столетия. Во многом этому содействовали заграничные поездки и путешествия дворянства Речи Посполитой. Местные магнаты и шляхта имели возможность познакомиться с культурной жизнью крупных немецких городов, городов Италии, Фран-

ции, Англии, с достижениями оборонного зодчества и оружейной науки, с выдающимися произведениями искусства прошлого, с пышными резиденциями королевских особ и европейской знати, а также с творчеством известнейших архитекторов и художников своего времени. Ориентация на подчеркнутую репрезентативность, комфортность дворянского жилища некоторых магнатских семей, например, Радзивиллов, наиболее полно отвечала потребностям времени и не могла не отразиться на их художественных устремлениях, особенно в садово-парковом строительстве, стоявшем в центре интересов эпохи барокко. Виды итальянских загородных резиденций, где в парковом ансамбле доминировала вилла или палаццо, пленили князя Николая VIII Кристофа Радзивилла Сиротку и Мирский замок (не ранее 1575 г.) был им переобустроен по новой итальянской моде. Был возведен трехэтажный дворец, фольварк с хозяйственными постройками, заложен зверинец и регулярный парк в итальянский стиль, соединенный со вторым этажом дворца пешеходным мостом. В разбитом с северной стороны замка парке посадки из местных пород сочетались с теплолюбивыми растениями (последних насчитывалось более 400 штук). Приблизительно одновременно (последняя четверть XVI в. – 1604 г.) велось строительство Альбинского загородного комплекса в южном пригороде Несвижа – будущего обширного итальянского сада (парка) с регулярной системой водоемов, аллей, боскетов, с оранжереями для экзотических и редких растений, парниками (чаще фигарнями), огородами; виллы «Эремиторий» для уединения и молитвы; зверинца [15]. Лев Сапега в письме из Слонима от 6 сентября 1605 г. благодарил князя «за подаренные по Милости своей несвижские фрукты, фиги и дыни», в саду росли вишни, яблони и груши, стояло 68 пчелиных ульев [15, с. 8, 11–12].

Кароль Станислав Радзивилл, правнук Радзивилла Сиротки, путешествуя с дипломатической миссией к португальскому двору, в 1684–1687 гг. побывал во Франции, немецких государствах, Англии, Нидерландах, Испании, Португалии и везде особо интересовался искусством пространственного оформления садов и парков. Его путевые заметки сохранили немало восторженных отзывов о прекраснейших видах парков Болоньи в Италии, Сент-Джеймс в Англии, Лилля, Ришелью, Мэзона, Бовэ, Во, Шантильи во Франции. Отдельного описания удостоились парки Фонтенбло и Версаля – их изысканные водные каскады и фонтаны, величественные лестничные марши, живописные пейзажи, менажерии, гроты и оранжереи. Как показывают данные изученных инвентарей, к концу XVII столетия количество усадеб, при которых имелись плодовые сады и небольшие палисады с травами и цветами, значительно возросло, в них получает распространение оранжерейно-парниковое хозяйство. В имении Цехановецких – Бочейково – в 1641 г. появилась первая в Подвинье оранжерея стараниями управляющего князя Эм. Кантакузена. По нашим подсчетам, если вначале XVII в.

усадебно-парковых комплексов было всего 10, то к концу века подобных усадеб насчитывалось уже около 40 [16]. Кроме разведения престижного барочного сада, становится популярным устройство при загородных резиденциях аристократии охотничьих парков-зверинцев, они «располагались в удалении от замка и обычно представляли естественный лесной массив с радиальной системой просек (Альба, Кнышин, Семятичи, Острошицкий городок и др.)» [1, с. 5]. Несмотря на возросшие эстетические запросы традиции утилитарного садоводства были настолько сильны, что даже в садах с декоративными культурами, парках не только XVII, но и XVIII–XIX вв. постоянно высаживались фруктовые деревья и ягодные кустарники.

Большое или маленькое зеленое хозяйство всегда требовало профессионального ухода со стороны садовников. Они занимались подбором и посадкой растений в разводимых садах и парках. Талантливые садовые мастера к тому же умели гармонично сочетать разного рода архитектурные сооружения, водоёмы, скульптуру и живую растительность. Имена большинства садовников, работавших в имениях Беларуси XVII в., неизвестны. Исключением является Альбинский комплекс в пригороде Несвижа. В сводной ведомости прихода и расхода денежных сумм, так называемое «суммариуше» (Summariusz), князей Радзивиллов за 1600 год упоминается садовник Николи (Nikoli). В документах бухгалтерского учета, например, таких как «Ведомости расхода железа со склада» и кассовые книги, содержится информация, что в 1661 г. садовником работал человек по имени Николай, в 1669 г. некий пан Роли. В 1671–1673 гг. альбинским садовником был Ясиньски, а с 1684 по 1686 г. эти функции исполнял Петровски. В расходных счетах Администрации Несвижского княжества среди денежных сумм и материалов, выданных на замковые работы в Несвиже и Альбе, имеются разрозненные сведения за разные годы XVII в. об оплате труда садовников, о производстве и ремонте садового инвентаря, о покупке семян и о садовых работах [17].

Садовые работы обязательно начинались с учетом агрометеорологических условий, среднесрочного метеорологического прогнозирования, календаря религиозных праздников. Тем не менее, такие проявления природно-климатической изменчивости, как «град і перуны вялікія, засуха і маразы ці не весь год», зафиксированные в Баркулабовской хронике под 1585 г., существенно влияли на урожайность зерновых и плодовых культур. «Ад вялікіх маразоў жыта ў полі пасохла... Улетку ж вялікая спёка была. Жыта, ярына, трава, а таксама гародніна – ўсё пагарэла ў Літве, а саблівая каля Менска і Вільні. Жабракі па хлеб на Русь падаліся» [12, с. 223]. Урожай в 1586 г. был хорош, а вот 1587 г. «вельмі неўрадлівы і галодны быў... грэчку не касілі... авёс і ячмень жалі» на первой неделе ноября [12, с. 225]. В 1588 г. быў «голад вялікі, дарагоўля, паморак... 18 студзеня было амаль як увесну... праз тры тыдні – зноў лютая зіма... Улетку дажджу не было, а ўвосень

не было снегу, толькі вятры з дажджамі... на Пакравы вельмі вялікая паводка была, аж па лугах вада пайшла, быццам увесну. Аж да Раства Хрыстовага ў Дняпры вада... з берагоў выходзіла» [12, с. 226].

В 1592 г. 21 июня в воскресенье «была бура вялікая, вельмі жахлівая. Пачаўшыся ў заходніх краях дайшла да Чарнігава, Гомеля... Рэчыцы, Рагачова, Крычава і да многіх іншых мест і замкаў... з градам шмат збожжа папсавала, а ў барах, лясках, лугах бортныя дрэвы з пчоламі... Дарогі ад сяла да сяла цэлай воласцю прачышчалі. Нават і цяпер па лясках, барах ды балотах можна ўбачыць шмат паламаных дрэваў» [12, с. 234]. Учитывая законодательство того времени, гласящее, что если «кто бы чужое дерево бортное з пчолами... корень урубал або пожаром ожег... або... неумысленно поповал то за каждое... будет винен платити по две копе грошей» становится более понятным комментарий автора хроники: «са спачуваннем казалі, што дзесьці у аднаго чалавека северскага сто бортных дрэваў паламала, у другога дзвесце, утрэцяга – трыста, ажно страшна было пра гэта слухаць» [12, с. 234; 18, арт. 13]. Год 1592 в целом был урожайным на рожь и овес, осень теплая стояла до Покрова (14 октября), «лісце не падала, а зелянела, быццам увесну, а на іншых дрэвах так і зімавала» [12, с. 234].

Последний год XVI в. выдался очень урожайный, добрый, здоровый, «погодливый», на все счастливый, не то, что 1600 г., в котором «зіма была лютая і снежная». Можно подчеркнуть провиденциализм мировоззрения автора Баркулабовской летописи, который неоднократно обосновывал происходящие человеческие несчастья, природные катаклизмы Божьим гневом и ниспосланными им испытаниями вследствие неправильных действий церковной иерархии, то вводивших реформу календаря с 1583 г., то подписавших Брестскую унию 1596 г. и пр. К подобным дурным знакам Господней кары он отнес день 17 сентября 1600 г., когда вразрез обычаю (погоде традиционной ранней осени) прошли днем «вялікія грывоты... і маланка бліскала... ўначы быў вецер з марозам» [12, с. 235, 244]. Витебская летопись также подтверждает эти события, подчеркивая, что на следующий год «быў з-за маразоў вялікі голад» [12, с. 262]. Голодный 1601 г. отличался неустойчивой погодой, очень влажное лето и ранняя зима закономерно еще раз привели к неурожаю и второй голодной весне 1602 г. [12, с. 245, 247].

С первой недели июля 1601 г. «дождж бесперапынна ішоў 12 тыдняў», и вместо уборки ржи после первой декады сентября, ее начали жать в начале октября «і то была зяленая». А 4 кастрычніка «вялікі снег выпаў. Усе палеткі – ярыну, авёс, пшаніцу, ячмень, гарох, боб – усё пакрыла снегам. Зусім кепска было і людзям, і збожжу... 10 кастрычніка... моцная бура... ўсё, што на палях было несабраное, а таксама зжатыя копы пазамятала снегам... маразы скавалі Дняпро... » [12, с. 245–246]. Попытки после оттепели «жаць-гараваць па снезе ўсцюжу» были плачевные, зерновые сильно погибли, само подмерзшее зерно годилось только на корм скоту, урожай огород-

ных культур пропал полностью. Тем, кто весной посеял новой рожью, «дык і жаць не прыйшлося» [12, с. 246].

Полесские земли Беларуси, украинские до Киева и Волыни не пострадали особо от непогоды, «в Речице, в Лоеве, в Киеве очень хороший урожай был». Удар пришелся на центральные и северо-восточные белорусские регионы, от Минска до Полоцка, Могилева, Рогачева.

Весна 1602 г. началась обычно, однако возвратные заморозки за три дня до Пасхи погубили яровую пшеницу, всходы ячменя, гречку, все посеянные овощи от капусты, свёклы, лука, гороха до мака, все цветы поморозило. Голодная весна, грады летом сопровождались мором, ибо «хворых, галодных, пухлых было незлічона», «хваробы вялікія, гарачкі, паносы... многа малых дзетак памерла», как описывает летописец. Мор продолжался и в предрождественский Филиппов пост, т. е. зимой 1602–1603 гг. в крупных городах от Вильны, Минска, Радошкович до Орши, Шклова и др. [12, с. 247–248, 250]. Это сочетается с известиями Витебской летописи о поморке 1603 г., который лютовал в Витебске и других городах [12, с. 262]

Весна 1603 г. была холодная, лето выдалось очень сухое и жаркое, дожди шли всего три раза, зима ранняя и студёная, с метелями и бурями, отмечено в Баркулабовской хронике [12, с. 249].

В 1604 г. в конце весны заморозки были трижды, они уничтожили посевы ржи, огуречные всходы, а ягодные кустарники и фруктовые сады дали совсем малый урожай, уродили лишь грибы. Помешали сильные заморозки, летние проливные дожди, грады, к тому же паводковые воды ушли только к середине июля [12, с. 250]. Дефицитные фрукты и овощи часто воровали, наказанием был высокий штраф в 3 рубля грошей, если кто на чьей-нибудь земле в поле, в огороде плод какой сорвал или отряс [18, арт. 16].

Малоснежная зима 1605 г. сменилась сухой весной, однако гречихе это не повредило, в отличие от пшеницы и ржи. 1606 г. и 1608 г. отличались сильными паводками, «мокрым» летом, сенокосные луга вдоль рек стояли залитыми чуть ли не до осени, остро чувствовалась нехватка из-за этого сена для скота [12, с. 252, 256].

Сена и других частей фуража (соломы, зерновых культур) постоянно не хватало не только из-за непогоды, но и вследствие войн, в первую очередь, конфликта со Швецией. Передвижение их войск по территории Речи Посполитой с первой четверти до последней четверти XVII в. стало постоянным, неудивительно, что простые крестьяне старались использовать все средства, чтобы вернуть былую урожайность зерновых культур на полях, участвовали в молебнах и освящении святой водой нив и угодий после шведских кампаний. Если оценивать урон для развития фруктового садоводства от войн, то наиболее известным примером из местных летописей и хроник выступают сведения о пожарах, оставлявших лишь пепелища от домов и садов в городах, околицах и селах, также известен приказ московского

воеводы князя Ю. А. Долгорукого высечь все сады в Могилеве в 1659 г., «па якой прычыне, няма вестак» с сожалением пишет автор Могилевской хроники Т. Сурта [12, с. 292].

Как чрезвычайно холодные он описал в Могилевской хронике зимы 1670–1671 гг. и 1686–1687 гг. «Дрэвы і птаства, людзі і быдла мёрзлі, а потым настала дарагавізна на збожжа». Или, например, «гаспадарылі шчо-дрыя снягі і лютыя маразы» и поэтому «з незвычайна вялікіх снягоў» «у Магілёве, у самім горадзе... мноства рысяў... некалькі дзесяткаў забіта на прадмесці і ў горадзе некалькі забіта... не маглі мышкаваць» [12, с. 298, 301]. Витебская летопись С. Аверки включает в данный список еще 1695 г. с сильными морозами и не просто с заморозками, а «снегам па калена...» на 5 июня, «ляжаў тры дні», «мароз пабіў ўсё збожжа» и, как следствие, с высокими ценами на рожь в следующем году [12, с. 264]. Зима 1695–1696 гг. была мягкой, река Двина даже не замерзла, и санной дороги, как обычно, по реке в зимний период не устраивали.

К особо благоприятному сельскому хозяйству благодаря погоде можно отнести 1682 г., когда «былі багатыя ўраджаі, што мерка жыта ў 10 гарнцаў каштавала па 13 і 14 грошаў» [12, с. 300].

Как и Баркулабовский летописец, эмоционально и с религиозным трепетом Т. Сурта утверждает, что Бог регулярно испытывает на прочность христиан, в качестве Божьей кары он указывает нашествие саранчи от заднепровской украинской территории до Полесья, около Слуцка на Черной Руси в 1690 г. «Так было многа, што калі яна нападала, ці на збожжа якое, ці на травы, то ўсё з'ядала... І калі б пан Бог не даў дажджоў, то... яна і ў нас нашкодзіла б, аж з макрэчы ўся пагінула» [12, с. 303]. О том же – «многа саранчы» – говорит и Витебская летопись, однако там приведена дополнительная информация о более ранних приходах саранчи. Так, «з Белай Русі і з Літвы завітала саранча да Польшчы» в 1648, 1652, 1660 гг. [12, с. 276].

Описание урагана, сравнимого с современными, которые тоже чаще случаются в августе, дано могилевским хронистом под 11 августа 1694 г.: «а другой гадзіне папалудні, наплыла нечакана з паўночнага боку такая страшная, цёмная і вялікая, як ноч, хмара, якая навяла жах як на горад, так і на ваколіцы, мястэчкі і вёскі чутнымі і бачанымі грывотамі, градам... як чатырохвугольны арэх... быў такі вялікі буран, што... панскія стадолы, вясковыя хаты з зямлі павырывала» [12, с. 305].

Гало, или эффект трех солнц, – редкое природное явление, которое можно увидеть зимой в ясную и морозную погоду, упомянуто под первой неделей января 1701 г., как случившееся в Могилеве «ад дзевятай гадзіны аж да адзінацатай». Солнце находилось низко над горизонтом, и его лучи преломлялись через призму кристаллов льда в воздухе, создавая иллюзию, точно преданную в хронике и убеждающую нас в достоверности описываемых событий: «былі бачны тры сонцы, адно было вышэй... а ніжэйшыя былі

цямнейшыя і мелі праменні... Потым гэтыя два згінулі» [12, с. 315]. Сам год случился неурожайным, было трудно с сеном.

На рубеже 1708–1709 гг. зима была малоснежной и морозной, озимые вымерзли, цены на продовольствие взлетели дополнительно, первый их скачок связан с военными действиями шведской и русской армий. Как особо морозную Ю. Трубницкий, продолживший вести местную могилевскую хронику в XVIII в., указал и следующую зиму 1709–1710 гг., подчёркивая, что «лютая зіма, стаяла доўга, снягі былі невыносныя і нечувана вялікія, што не толькі звяр’ё, птаства, але і людзі на дарогах мёрзлі. І была дарагавізна на збожжа» [12, с. 377]. В Витебске весь 1710 год «лютаваў паморак» (чума), от чумы «у Вільні вымерла 20.000 хрысціян, жыдоў – 4.000» особо отмечено С. Аверкой в Витебской летописи [12, с. 272, 276].

Таким образом, климатическая кривая XVII в., отразившая частые изменения погоды, внесла свой негативный вклад в рецепцию нового художественного стиля барокко садового искусства Беларуси. К тому же вследствие частых военных кампаний XVII в., требовавших больших финансовых ресурсов, с одной стороны, и разорявших территории, где шли войны, с другой, ощущалась нехватка средств у среднепоместной шляхты на приобщение к садово-парковому искусству повсеместно, успешные образцы регулярного стиля барокко в садовом искусстве появились первыми именно в крупных резиденциях магнатов. Следовательно мы имеем более позднее развитие садово-парковой культуры в сравнении с Южной и Центральной Европой, ее расцвет на белорусских землях попадает уже на вторую половину XVIII–XIX вв., что коррелирует и с выводами автора, и других известных ученых ботаника А. Т. Федорука, архитекторов В. Ф. Морозова, А. Н. Кулагина, дендрологов И. М. Гарановича, И. П. Вознячука и др.

Итак, периоды голода и социальных кризисов длительное время находились в центре первостепенного внимания аграрной и социальной истории, тогда как история культуры стала плодотворно использовать междисциплинарный подход к тем же комплексам источников лишь недавно. Сами изменения природно-климатической среды признавались малозначительным фактором и системно не рассматривались, хотя именно они воздействовали на колебания средней урожайности сельскохозяйственной продукции, смену военных стратегий, политических решений и распространение художественных стилей в архитектуре и искусстве.

Список использованных источников

1. Будыко, Н. С. Садово-парковое наследие Белоруссии (дооктябрьский период): автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18. 00. 04 / Н. С. Будыко; Моск. архит. ин-т. – Москва, 1985. – 18 с.
2. Кулагин, А. Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии (вторая половина XVIII – начало XIX в.) / А. Н. Кулагин. – Минск: Наука и техника, 1981. – 134 с.

3. *Морозов, В. Ф.* Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В. Ф. Морозов. – Минск: Четыре четверти, 1997. – 336 с.
4. *Морозов, В. Ф.* Стили и направления в архитектуре Беларуси второй половины XVIII – первой половины XIX в. / В. Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2016. – 238 с.
5. *Якимович, Ю. А.* Зодчество Белоруссии (XVI – середина XVII в.) // Ю. А. Якимович. – Минск: Наука и техника, 1991. – 368 с.
6. *Федорук, А. Т.* Изучение видового состава и культур фитоценозов древесно-кустарниковых экзотов Западной Белоруссии: автореф. дис. ... канд. биол. наук: 03.094. / А. Т. Федорук; АН БССР. Ин-т экспериментальной ботаники. – Минск, 1970. – 29 с.
7. *Федорук, А. Т.* Интродуцированные деревья и кустарники западной части Белоруссии / А. Т. Федорук. – Минск: БГУ, 1972. – 191 с.
8. *Федорук, А. Т.* Древесные растения садов и парков Белоруссии / А. Т. Федорук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 207 с.
9. *Федорук, А. Т.* Садово-парковое искусство Белоруссии / А. Т. Федорук. – Минск: Ураджай, 1989. – 247 с.
10. *Федорук, А. Т.* Старинные парки Белоруссии: Инвентаризация, стилевые особенности, сохранение и функциональное использование / А. Т. Федорук. – Минск: Полымя, 1985. – 92 с.
11. *Гаранович, И. М.* Оценка современного состояния старинных парков Беларуси / И. М. Гаранович // Наука и инновации. – 2011. – № 5 (99). – С. 68–72.
12. *Гаранович, И. М.* Оценка состояния древесных насаждений дворцово-паркового ансамбля «Мир» / И. М. Гаранович, М. Н. Рудевич // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Сер. біял. нав., 2015. – № 1. – С. 16–20.
13. *Вознячук, И. П.* Старинные парки Беларуси: вопросы сохранения, ухода, содержания и восстановления / И. П. Вознячук, А. М. Нестюк // Ботанические сады в современном мире. – 2024.
14. Беларускія летапісы і хронікі: пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / уклад. У. Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1997. – 432 с.
15. *Ермохин, М. В.* Дендрохронология в экологических и археологических исследованиях / М. В. Ермохин, В. В. Савельев // Наука и инновации. – 2015. – № 3 (145). – С. 66–68.
16. *Ермохин, М. В.* Влияние климатических факторов на радиальный прирост деревьев сосны, ели и дуба в Беловежской пуще / М. В. Ермохин, В. В. Савельев // Особо охраняемые природные территории Беларуси. Исследования: сб. научный ст. / Гос. природоохр. учреждение «Березин. биосфер. заповедник». – Минск, 2011. – Вып. 6. – С. 28–44.

17. *Bernatowicz, T.* Alba: od renesansowej wili do kompozycji krajobrazowej / T. Bernatowicz. – Warszawa, Min. kultury i dziedzictwa narodowego, 2009. – 135 s.

18. *Бобович, Е. П.* Садово-парковая культура Беларуси в XVI–XVIII вв. / Е. П. Бобович // *Пытанні гісторыі Беларусі: пад агульн. рэд. А. М. Лютага, М. К. Сакалова.* – Мінск: Беларус. дзярж. пед. ун-т, 1998. – С. 166–187.

19. Расходные счета Несвижской администрации // Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ). – Ф. 694. Оп. 2. Д. 4959. л. 69.; Д. 4963, л. 39об, 40об, 578, 86об, 464, 600, 672об, 866, 867, 599об.; Д. 4966, л. 248об, 250об, 252об, 253, 253об, 249, 249об, 254, 254об.

20. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун. – Мінск: Беларусь, 2010. – 206 с.

(Дата подачі: 28.02.2025 г.)

Ф. А. Некрашевич

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

P. A. Nekrashevich

Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 947 “1794/1874”

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРУТСКОЙ ОЧЕРЕДИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1794–1874 ГГ.)

EVOLUTION OF THE PRINCIPLES OF FORMING A RECRUITMENT LINE IN THE BELARUSIAN GOVERNORATES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1794–1874)

Рекрутская повинность являлась основной комплектования вооруженных сил Российской империи. В данной статье выявлены ключевые принципы формирования очереди из числа лиц, задействованных при выполнении рекрутской повинности. Определены особенности данного процесса для белорусских губерний. Выявлены основные этапы в изменении российским правительством подходов к формированию рекрутской очереди.

Ключевые слова: рекрутская повинность; комплектование вооруженных сил; евреи; однопорцы; крестьяне; мещане; Российская империя.

Recruitment was the main method of staffing the armed forces of the Russian Empire. This article identifies the key principles of forming a queue of people involved in the performance of recruitment. The features of this process for the Belarusian governorates are determined. The main stages in changing the approaches to forming a recruitment queue by the Russian government are identified.

Keywords: conscription; recruitment of armed forces; Jews; Odnodvortsy; peasants; Burgher; Russian empire.

На протяжении XVIII ст. – 1874 г. ключевым источником пополнения вооруженных сил Российской империи являлась рекрутская повинность. В отличие от современной воинской повинности, в качестве субъекта рекрутчины выступал не гражданин (подданный), а целые общины городских и сельских жителей. В связи с этим, на протяжении всей истории существования этого типа комплектования вооруженных сил, вопрос «кто именно должен быть направлен на военную службу?» российским законодательством не был строго регламентирован. В результате руководство податных сообществ (крестьяне и мещане) формировало рекрутскую очередь на основе ряда принципов. Ключевыми источниками, формировавшими данные принципы, выступали российское законодательство (сперва – указы императора и правительства, позднее – Устав рекрутский 1831 г. (далее – Устав 1831 г.) и его позднейшие редакции), а также традиции, столетиями формировавшиеся в самих сообществах.

Целью данной статьи является определение принципов формирования рекрутской очереди в белорусских губерниях Российской империи. Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, введением рекрутской повинности в белорусских губерниях в 1794 г., с другой – введением всеобщей воинской повинности в Российской империи в 1874 г. Под рекрутской очередью в данной статье, согласно Уставу 1831 г., понимается порядок взимания рекрутов из семейств в тех участках, которые несли рекрутскую повинность [9, т. 6, № 4677, с. 505].

Историографию по теме исследования можно условно разделить на три этапа: дореволюционную, советскую и современную. В период Российской империи тема рекрутской очереди затрагивалась в первую очередь в работах офицеров генерального штаба. К ним относятся обобщающие труды по истории Российской императорской армии и учебные издания для слушателей военно-учебных заведений [5; 7; 13; 14]. Для данных работ характерно достаточно подробное описание механизма формирования рекрутской очереди путем цитирования положений рекрутских уставов. Особняком стоят анонимные статьи в журнале «Военный сборник». Авторы указанных работ скрупулезно анализировали недостатки современного им законодательства, связанного с формированием рекрутской очереди, и выносили предложения по его реформированию [2; 3].

В советский период данная тема получила своё развитие в контексте социальной истории. Рекрутская повинность рассматривалась в первую очередь как инструмент угнетения крестьянства со стороны господствующих классов. Именно под таким углом проблема формирования рекрутской очереди рассмотрена в работах В. А. Александрова. На сегодняшний день его работа остается наиболее значимым трудом, в котором рассмотрена проблема формирования рекрутской очереди среди помещичьих крестьян [1]. На современном этапе проблема формирования рекрутской очереди рассма-

тривается в контексте анализа рекрутской повинности в целом. Здесь следует упомянуть труды Л. Е. Вакуловой и Ф. Н. Иванова. Особенного внимания заслуживает труд Ф. Н. Иванова, которому удалось детально показать специфику несения рекрутской повинности на примере Европейского севера Российской империи [4; 6].

На наш взгляд, при формировании рекрутской очереди в белорусских губерниях руководство общин, как правило, руководствовалось следующими принципами. Во-первых, использование очередной и жеребьевой систем при формировании рекрутской очереди для семейств, не ведущих асоциальный образ жизни. Во-вторых, отдача вне очереди на военную службу лиц, неспособных уплачивать подати и склонных к девиантному поведению. В-третьих, в целях использования рекрутчины как инструмента внутренней политики, российское правительство вводило особые правила формирования рекрутской очереди для отдельных этнических и социально-классовых группы (евреи и однодворцы).

На протяжении XVIII – первой трети XIX ст. российское правительство фактически не регламентировало порядок формирования рекрутских очередей. В связи с этим, у податных слоев населения с течением времени сформировался устойчивый порядок формирования очередей, основанный на их социально-экономических интересах [6, с. 71]. Он основывался на учете трудоспособных мужчин в семьях. В первую очередь рекрутов поставляли семьи с наибольшим числом рабочих. Очередь семейств формировалась в порядке убывания на основе учета численности трудоспособных мужчин. Как правило, семейства, имевшие в своем составе одного или двух кормильцев, не привлекались к несению рекрутской повинности.

В основе очередной системы лежит представление о том, все подати и повинности платились членами семейств сообща. В связи с этим и воинская обязанность должна отбываться не отдельной личностью, а семейством. При такой системе поставка новобранца в вооруженные силы воспринимается не как однократное действие, а как уплата налога, которые лишь временно освобождает семейство от рекрутчины до следующей поставки новобранца в армию, когда для этого возникнут соответствующие обстоятельства [2, с. 319]. При проведении набора формируется рекрутская очередь из семейств с наибольшим количеством рук. Семья, уже поставившая рекрута, не считалась окончательно свободной от поставки новобранцев в вооруженные силы, а лишь перемещалась в конец очереди своего сообщества. При проведении последующих наборов данная семья вновь могла попасть на рекрутскую очередь. Тем самым наиболее многочисленные семейства могла поставить несколько новобранцев на протяжении нескольких наборов.

До 1831 г. очередная система была повсеместно распространена, но не была узаконена. Утверждение Устава рекрутского в 1831 г. придало очеред-

ной системе юридическую силу [4, с. 98]. Взяв за основу уже сложившуюся очередную систему, авторы Устава 1831 г., тем не менее, несколько изменили традиционный порядок учета очередей. Согласно данному документу, семейство, имевшее более четырех рабочих трудоспособных мужчин, подлежащих рекрутской повинности, поставляло второго рекрута только тогда, когда очередь дошла бы до таких семейств, которые имели в два раза меньше трудоспособных мужчин [10].

Немаловажными предпосылками доминирования очередной системы на протяжении длительного периода времени являлись преобладание помещичьего землевладения, а также слабость российской администрации на местах. Так как крестьяне считались собственностью помещика, то это давало ему полное право самому решать, кто именно будет направлен на военную службу. При наличии значительно числа крестьян помещик, как правило, давал право общинам самим решать, кого следует отдать на военную службу [1, с. 247]. В свою очередь российские власти на местах долгие годы также были вынуждены придерживаться подобной политики ввиду несовершенства бюрократического аппарата и, как следствие, отсутствия системы постоянного воинского учета. Не располагая соответствующими ресурсами, чиновники передавали право общинам мещан и государственных крестьян право самим вести учет рекрутской очереди.

Вплоть до конца 1830-х рекрутские очереди формировались на основе очередной системы. Тем не менее, с 1838 г. по инициативе правительства начинается постепенное внедрение жеребьевой системы среди государственных крестьян. В 1850-х гг. данная система была повсеместно распространена среди мещанских сообществ. После отмены крепостного права в 1861 г. сельские общины получили право самостоятельно выбирать между очередным и жеребьевым порядком формирования рекрутской очереди.

Причинами подобного устремления правительства являлись недостатки очередной системы. Во-первых, так как учет семейств велся самими общинами, а не государством, создавалось огромное поле для злоупотреблений и коррупции. Во-вторых, сообщества имели право поставлять в вооруженные силы мужчин в возрасте до 35 лет, что было крайне невыгодно военному ведомству. Армия нуждалась в молодых людях, которые могли прослужить положенный срок в вооруженных силах и потом еще долгое время находиться в резерве [3, с. 269]. В-третьих, согласно очередной системе, подданные из небольших семейств фактически освобождались от фактически освобождались от рекрутской повинности.

В отличие от очередной системы, объектом жеребьевой являлись не семьи, а подданные в возрасте от 20–21 года. После объявления рекрутского набора к жребию призывались все молодые люди в сообществе указанного возраста. Если в сообществе наблюдался дефицит новобранцев, остаток жребия проводился среди лиц старших возрастов [12, с. 187–215]. Это

позволяло во многом устранить недостатки очередной системы. Жребий являлся сравнительно прозрачной процедурой, где коррупционная составляющая была сведена к минимуму. Военное ведомство получало гораздо больше молодых новобранцев. Кроме того, к участию в жребии теперь привлекались представители всех семейств, а не только многобрачных.

Тем не менее, с течением времени проявились и недостатки жеребьевой системы. Местные власти, в задачу которых входил учет подданных для проведения жребия, справлялись со своими обязанностями гораздо хуже, чем сами сельские и городские сообщества при учете семейств в рамках очередной системы. С течением времени заинтересованные в наживе чиновники научились находить способы как «оградить» за денежное вознаграждение заинтересованных лиц от жребия [4, с. 111]. Наконец, во многих сельских сообществах жеребьевая система не приживалась из-за угрозы разорения домохозяйств с малым числом рабочих рук [4, с. 115]. В связи с этим вплоть до введения воинской повинности в 1874 г. в Российской империи продолжали одновременно сосуществовать очередная и жеребьевая системы. При этом очередная система охватывала в основном сельские сообщества, а жеребьевая – городские.

При определении состава новобранцев в вооруженные силы армейское руководство и главы сообществ руководствовались противоположными устремлениями. С одной стороны, армейское руководство стремилось получить в свои ряды не только физически крепких, но и законопослушных новобранцев, которые не будут иметь проблем с дисциплиной. С другой стороны, сообщества стремились использовать рекрутские наборы для устранения деструктивных элементов. На протяжении XVIII ст. в сельских и городских сообществах выработалось негласное правило отдавать в рекруты в первоочередном порядке лиц, которыми сообщество было готово пожертвовать ради сохранения порядка и спокойствия.

В несудебном порядке помещики, сообщества крестьян и мещан имели право отдавать в зачет будущих рекрутских наборов членов общины, характеризовавшихся «дурным поведением». Данная формулировка носила крайне расплывчатый характер и в целом характеризовалась как грубое нарушение лицом предписанных правил поведения. К подобным нарушениям могли относиться: неуплата податей, воровство, пьянство, бродяжничество. Часто нарушителей отдавали в рекруты за совершения целого ряда подобных нарушений. Впоследствии подобный порядок был официально подтвержден Уставом рекрутским 1831 г. [8, т. 25, № 19059; 9, т. 6, № 4677].

Ключевой особенностью подобной политики была отдача подобных нарушителей во внеочередном порядке. На собрании членов податных сообществ определялся список подобных лиц. При этом сообщества, как правило, старались сдать на военную службу подобных новобранцев еще до объявления о проведении рекрутского набора. Во-первых, подобные ново-

бранцы нередко пытались скрыться от рекрутского набора и на их поимку требовалось время. Во-вторых, общественная польза от этой категории подданных для сообщества была минимальной, поэтому их своевременное удаление помогало избавиться от потенциальных правонарушителей и неплательщиков податей. Тем самым рекрутская система выполняла важную социальную функцию «очищения» общества от деструктивных элементов в ущерб боеспособности вооруженных сил.

Использование рекрутской повинности в качестве репрессивной меры в отношении отдельной социальной группы проявилось при введении обязательной военной службы в отношении однодворцев западных губерний в рамках политики по «разбору» шляхты. Правительство стремилось снизить численность в первую очередь неоседлых однодворцев путем отдачи в солдаты. Это предопределило особенности выполнения рекрутской повинности для этой социальной группы. Правительство стремилось заставить их заниматься «полезными» с точки зрения государства профессиями (сельское хозяйство и ремесло). Согласно сенатскому указу от 4 июля 1834 г., для «уменьшения числа неоседлых, праздношатающихся, не имеющих постоянного ремесла и занятий граждан и однодворцев» сообществам было представлено право отдавать вне очереди на рекрутскую службу «неоседлых не имеющих постоянных занятий и вообще известных праздной жизнью, или ненадежных к платежу податей» [9, т. 9, 1834, № 7249, с. 689; 11, с. 71]. На практике это означало принудительное направление на военную службу лиц, которые не занимались «полезными» занятиями.

Кроме того, политические причины обусловили особенности формирования рекрутской очереди среди евреев западных губерний. Российские власти делали ставку на контроль евреев посредством сотрудничества с руководством сообществ диаспоры. Ведение рекрутской очереди было передано на откуп еврейской администрации и вмешательство российских властей было сведено к минимуму. Еврейские общины, где только возможно, использовали очередную систему как механизм подавления внутриобщинного недовольства. Регулярные наборы позволяли старостам довольно быстро избавляться от евреев сомнительного, а то и вовсе предосудительного поведения. Это было выгодно также российским властям, которые видели в деструктивном поведении евреев потенциальную угрозу государственной власти. В связи с этим, даже после 1854 г., когда жеребьевая система была распространена на сообщества всех мещан Российской империи, евреи продолжали пользоваться очередной системой [4, с. 107].

Таким образом, система определения рекрутской очереди в белорусских губерниях в 1794–1874 гг. прошла значительную эволюцию. В ней можно выделить ряд этапов. В 1794–1831 гг. рекрутская очередь регулировалась самими сообществами при фактическом отсутствии строгого контроля со стороны российского правительства. На протяжении 1831–1838 гг. рекрутская

очередь продолжала формироваться руководством сообществ при усилении формального контроля со стороны правительства. Начиная с 1838 г. правительство берет курс на постепенное взятие под свой контроль учет людских ресурсов сообществ, которые несли рекрутскую повинность.

При формировании рекрутской очереди учитывали интересы трех акторов: военного ведомства, самих сообществ, а также политического руководства страны. Идеальным вариантом для военного ведомства являлась жеребьевая система, так как она содействовала поступлению на военную службу в основном новобранцев младшего призывного возраста. В свою очередь для сельских сообществ, которые давали подавляющее большинство новобранцев, приемлемым вариантом являлась очередная система, так как она отражала хозяйственно-экономические интересы крестьян. Кроме того, как сельские, так и мещанские сообщества были крайне заинтересованы во внеочередной отдаче в рекруты асоциальных элементов. Наконец, высшее руководство страны, руководствуясь политическими интересами, вводило особые условия исполнения рекрутской повинности для однодворцев западных губерний в рамках проведения политики по «разбору шляхты», а также в отношении евреев. Подобный конфликт интересов, а также неразвитость системы местного управления приводили к одновременному сосуществованию в 1838–1874 гг. в Российской империи очередной и жеребьевой систем.

Список использованных источников

1. *Александров, В. А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.) / В. А. Александров. – Москва: Наука, 1976. – 323 с.
2. Без автора. Мысли о рекрутской повинности в мещанских обществах / Без автора // Военный сборник. – 1861. – Т. 18. – № 3. – С. 319–342.
3. Без автора. Новые начала военной повинности в России / Без автора // Военный сборник. – 1864. – Т. 36. – № 4. – С. 257–298.
4. *Вакулова, Л. Е.* Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: дис. ... канд. ист наук: 07.00.02 / Л. Е. Вакулова. – Тамбов, 2007. – 219 с.
5. *Зайцев, И. М.* Курс военной администрации / И. М. Зайцев. – Москва: Тип. С. Орлова, 1867. – 190 с.
6. *Иванов, Ф. Н.* Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист наук: 07.00.02 / Ф. Н. Иванов. – Сыктывкар, 2006. – 220 с.
7. *Лебедев, П. С.* Беседы полковника Генерального штаба Петра Семеновича Лебедева о военной администрации, в 1853 году в Штабе... главнокомандующего гвардейскими и гренадерскими корпусами, переданные в сокращении Фаддеем Булгариным / П. С. Лебедев. – Санкт-Петербург: тип. Н. Греча, 1853. – 58 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. – Санкт-Петербург: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. Санкт-Петербург: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – Т. 55.

10. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1832 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. Т. 4: Свод уставов о повинностях рекрутской и земских. 1832. – 581 с.

11. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1842 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. Т. 4: Свод уставов о повинностях. 1842. – 450 с.

12. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1857 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. Т. 4: Свод уставов о повинностях. 1857. – 846 с.

13. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – Санкт-Петербург: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В. В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.

14. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – Санкт-Петербург: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Александра I / сост. и ред. Н. П. Михневич. – 1902. – 211 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Е. Я. Олесик

Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина, Брест

K. Y. Alesik

Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest

УДК 94(476)+378–055.2(476)(091)

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И РАЗВИТИЕ СФЕРЫ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БССР (1944–1991 ГГ.)

SOCIAL GUARANTEES AND THE DEVELOPMENT OF CONSUMER SERVICES AS A FACTOR IN ENSURING WOMEN'S RIGHTS TO HIGHER EDUCATION IN THE BSSR (1944–1991 GG.)

В статье рассматриваются социальные гарантии советских женщин и развитие сферы обслуживания в БССР в качестве механизмов реализации равенства женщин и мужчин на высшее образование. В условиях воспроизводства традиционных гендерных ролей и политики стимулирования рождаемости, создание условий для успешного сочетания женщинами роли матери с обучением в вузе было необходимо и осуществлялось через предоставление социальных льгот, материальную поддержку женщин-матерей, развитие сети дошкольных учреждений и сферы социально-бытового обслуживания населения. Особое внимание уделяется оценке эффективности работы партийных и государственных органов в данном направлении.

Ключевые слова: гендерное равенство; женский вопрос; высшее образование; СССР; БССР; социальная политика; законодательство; права женщин; демографическая политика; социальная поддержка; бытовое обслуживание; материнство; льготы; трудности; равенство.

The article examines the social guarantees of Soviet women and the development of the service sector in the BSSR as mechanisms for realizing equality between women and men in higher education. In the context of the reproduction of traditional gender roles and fertility promotion policies, the creation of conditions for women to successfully combine the role of mother with university education was necessary and was carried out through the provision of social benefits, financial support for women mothers, the development of a network of preschool institutions and social services for the population. Special attention is paid to assessing the effectiveness of the work of party and state bodies in this area.

Keywords: gender equality; women's issue; higher education; USSR; BSSR; social policy; legislation; women's rights; demographic policy; social support; household services; motherhood; benefits; difficulties; equality.

Характерной чертой современного общества является изменение самоидентификации женщин, трансформация их социальных ролей, рост уровня культуры и образования. Вместе с тем сохраняется ряд проблемных

аспектов равноправия женщин и мужчин, поэтому задача достижения гендерного равенства входит в комплекс приоритетных целей, определённых в 2015 г. саммитом ООН по устойчивому развитию стран до 2030 г. Следовательно, изучение опыта СССР и БССР в данном вопросе, определение его достижений и неудач представляет особый интерес для современного общества.

Определение проблемы ликвидации неравенства женщин и мужчин в советской историографии получило название «женский вопрос». Ряд трудов по данному вопросу было опубликовано в 1950–1980-х гг., в их числе работы В. Л. Бильшай [1] и В. Н. Толкуновой [2], однако в большинстве исследований данного периода авторы делали акцент на положительных сторонах развития советского государства и общества. Более объективно проблемы реализации равенства женщин и мужчин стали рассматриваться со второй половины 1980-х годов такими исследователями как Н. И. Данченко [3], Л. Т. Шинелева [4], которые исследовали наряду с достижениями советской власти в области обеспечения прав женщин ряд проблемных аспектов. В 1990–2000-е гг. среди исследований проблем достижения равенства советских женщин и мужчин распространение получил новый более широкий гендерный подход. В данном направлении интересные исследования были проведены И. Р. Чикаловой [5] и другими исследователями, однако до сих пор проблемы реализации женщинами права на высшее образование, возможности совмещения его получения с выполнением функций материнства являются малоизученными.

Массовое вовлечение женщин в сферу производства и образования ещё в 1920–1930-е гг. рассматривалось как одно из ключевых достижений коммунистической власти в СССР. Общепризнанным утверждением являлось, что советская власть уничтожила неравенство мужчин и женщин. Согласно Конституции СССР 1936 г. и Конституции БССР 1937 г., которые оставались в силе до второй половины 1970-х гг., одним из способов обеспечения равенства прав мужчин и женщин было обеспечение их равноправия при получении высшего образования [6, с. 17]. Закреплённое конституцией положение о равном доступе к высшему образованию, содержали все правила приёма в вузы СССР 1945–1991 гг. Тезис о достигнутом равноправии полов содержался и в программе КПСС 1961 г. В качестве подтверждения достигнутого равенства женщин и мужчин в вузах, приводились данные о численности студенток в высших учебных заведениях СССР. Вместе с тем, несмотря на рост количества женщин в вузах БССР, соотношение представителей женского и мужского пола в студенческом контингенте вузов БССР на протяжении рассматриваемого периода было неравномерным. В 1950-х – начале 1960-х гг. вследствие массового привлечения в вузы абитуриентов со стажем работы, приоритетного развития форм обучения без отрыва от производства произошло повышение возраста учащихся.

Удельный вес женщин в вузах БССР в данный период составлял 41–45 % [7, л. 1–4]. В условиях государственной политики по поощрению рождаемости, сохранения патриархальных установок на роль женщины в семье, недостаточного развития социальной инфраструктуры повышение возраста абитуриентов для многих женщин стало значительным препятствием на пути к высшему образованию.

Рис. 1. Состав студенческого контингента вузов БССР по полу в 1945–1960-е гг. (дневная форма обучения) [7, л. 12; 9, л. 8; 10, л. 9; 11, л. 8; 12, л. 3]

Так как основные препятствия для женщин на пути к получению высшего образования в условиях стимулирования рождаемости и закрепления обществом основных функций по воспитанию ребёнка за женщинами были заключены в проблеме сочетания обучения с материнством, государству необходимо было создать условия для совмещения ролей студентки и матери. Однако уже на конституционном уровне развития законодательства советских государств подходы к студенткам и трудящимся женщинам отличались, что свидетельствует о том, что в женщине-работнице государство было заинтересовано в большей степени. Конституция СССР 1977 г. и Конституция БССР 1978 г. в статьях, посвящённых равенству граждан с учётом специфики социальных и культурных ролей женщин, установила, что его достижение обеспечивается льготами трудящимся женщинам [8, с. 12–13]. В конституционном законодательстве студентки вузов не получали государственных гарантий в выполнении материнских обязанностей, хотя определённые шаги предпринимались и в отношении поддержки студенток.

Ещё в 1936 г. студенткам вузов и втузов было предоставлено право на сохранение стипендии в период временной нетрудоспособности, связанной с рождением детей, на срок, установленный для работающих женщин [13, ст. 104].

После восстановления разрушенной войной экономики советское законодательство получило дальнейшее развитие в данном направлении. В 1955 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР право на пособие при рождении ребёнка было дано студентам, которые имели стаж работы [14, с. 474].

В 1960–1980-е гг. советское законодательство значительно расширило поддержку студенток, воспитывающих детей, через предоставление льгот в образовательном процессе. В 1964 г. за студентками законодательно было закреплено право на академический отпуск при наступлении беременности и рождении ребёнка [15, с. 101]. В соответствии с инструкцией о порядке назначения и выплаты стипендий студентам вузов от 1972 г., студентки, находящиеся в социальном отпуске в связи с рождением ребёнка, получали стипендию в полном объёме [16, с. 5].

Вторая половина 1960-х – 1980-х гг. характеризовались активным расширением социальной политики СССР и государственной поддержки материнства. В это время были увеличены сроки социального отпуска по уходу за ребёнком, расширена система государственных льгот. Однако основное количество законодательных актов, как и в предыдущий период, касались исключительно женщин, занятых в различных сферах народного хозяйства или женщин-военнослужащих. Такой пробел в законодательстве создавал трудности для женщин, сочетающих образование и материнство. Несмотря на формы поддержки материнства в СССР, реальное положение женщин-студенток оставалось непростым.

Только в 1981 г. постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» студентки и трудящиеся были уравнены в социальной поддержке со стороны государства. Согласно данному постановлению, социальный отпуск по уходу за ребёнком увеличивался до 1 года. Существенным новшеством стало назначение вузовской стипендии всем студентам-родителям, при условии успешной сдачи сессии, что обеспечивало данной категории обучающейся молодёжи дополнительные финансовые возможности. Кроме того, документ обращал внимание соответствующих органов власти на жилищные проблемы молодых родителей, особенно учащейся молодёжи, предусматривая строительство жилья и возможность включения таких семей в жилищные кооперативы на льготных условиях [17, с. 75].

Данные новшества впоследствии нашли отражение в законодательных актах, регулирующих высшее образование, которое значительно расширили

меры социальной поддержки студентов, имеющих детей. В 1987 г., согласно инструкции, регулирующей порядок назначения и выплаты стипендий, в случае беременности и рождения детей стипендия студентам-родителям должна была выплачиваться независимо от того, являлись ли они стипендиатами по результатам учёбы. Студентки, которые уже находились в академическом отпуске, могли прервать его и оформить отпуск по беременности и родам. Это давало гибкую возможность планировать возвращение к учебе без потерь материальной поддержки [18, с. 8–15].

Даже в условиях ухудшения экономического положения в конце 1980-х – начале 1990-х гг. государство продолжало соблюдать меры по поддержке семей с детьми, старалось создавать возможности для сочетания учёбы и материнства. Постановлением Совета Министров СССР, Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов и Центрального Комитета ВЛКСМ от 7 апреля 1990 г. признавалось необходимым сохранить право на получение стипендии за студентками стационарной формы обучения, имеющими детей, а также пособия на ребёнка в период социального отпуска [19, л. 140].

Таким образом, к 1970-м гг. советская система образования стала более гибкой и адаптированной к потребностям женщин-студенток, однако оставалось много вопросов совмещения материнства и обучения из-за недостаточного развития социально-бытовой сферы и недостатка мест в детских садах.

В БССР восстановление сети детских яслей и садов, разрушенных в годы Великой Отечественной войны, завершилось только к 1960 г. несмотря на то, что в целом экономика достигла довоенного уровня уже к 1950 г. [20, с. 159]. Сфера бытового обслуживания населения БССР также восстанавливалась и совершенствовалась медленными темпами, даже в 1965 г. все прачечные страны при максимальной загрузке могли обеспечить услугами менее 10 % населения [21, с. 18].

Наличие проблем в развитии сферы услуг и обеспеченности населения дошкольными учреждениями не отрицались руководством БССР, предпринимался ряд мер по изменению ситуации. Во многих нормативных актах, направленных на развитие сферы бытового обслуживания населения, указывалось на то, что деятельность органов власти в решении данных вопросов является недостаточной, а принимаемые усилия малоэффективными. 8 августа 1950 г. в постановлении Бюро ЦК КПБ (б) отмечалось, что вопросы обеспеченностью населения детскими садами и яслями, слабое материальное обеспечение дошкольных заведений и их перегруженность являются острыми даже для г. Минска [22, л. 5–10]. Типичными проблемами, которые поднимались руководством БССР и СССР на протяжении всего рассматриваемого периода, являлись отсутствие в ряде городов и других крупных населённых пунктах химчисток, прачечных, мастерских по ремонту и пош-

ву одежды и прочих предприятий бытового обслуживания населения [23, с. 417].

С целью расширения объема и улучшения качества услуг предприятий бытового обслуживания, ЦК КПБ и СМ БССР приняли ряд постановлений, в том числе «О мерах по дальнейшему развитию бытового обслуживания населения республик» (1967 г.), постановление ЦК КПБ и СМ БССР «О мерах по дальнейшему повышению эффективности производства, качества выполнения услуг, культуры обслуживания населения на предприятиях службы быта» (1977 г.). В числе вопросов развития сферы услуг обсуждалась также важность популяризации услуг предприятий бытового обслуживания, разъяснительной работы среди населения о преимуществах предоставляемых услуг, что содействовало частичному решению проблемы «двойной занятости» женщин. [24, с. 326–327; 25, с. 332–334]. Постоянное внимание со стороны государственных органов уделялось также развитию сферы общественного питания, росту объемов производства и реализации полуфабрикатов и готовой кулинарной продукции [26, с. 283–291].

Целенаправленная политика государства в данном направлении позволила улучшить ситуацию с обеспеченностью детей дошкольными учреждениями, а также значительно расширить объем услуг по бытовому обслуживанию населения. Как следствие, только в 1975 г. по сравнению с 1960 г. количество детей, охваченных постоянными дошкольными учреждениями, выросло более чем в три раза [27, с. 260]. Вместе с тем, несмотря на высокие темпы роста числа детей в детских садах в 1960–1970-х гг., проблема нехватки дошкольных заведений в стране была острой, даже в 1970 г. ими были обеспечены менее 1/3 детей дошкольного возраста [28, с. 541]. В дальнейшем темпы роста числа детей, обеспеченных детскими садами, яслями-садами и яслями, замедлились, однако устойчивый рост данного показателя отмечался до 1989 г., когда достиг наивысшего уровня за весь рассматриваемый период и составил 74 %. Отметим, что общее число дошкольных учреждений БССР увеличивалось на протяжении всего рассматриваемого периода, составив на конец 1990 г. 5350 учреждений с численностью детей 608 тысяч человек (обеспеченность дошкольников составила 67,9 %) [29, с. 117].

Важность достигнутых успехов в области развития социальной сферы, бытового обслуживания для реализации равенства мужчин и женщин при получении высшего образования в БССР подтверждается быстрым ростом образовательного уровня женщин в 1960–1980-х гг., которому на протяжении длительного периода характерны были устойчивое увеличение численности и удельного веса женщин в вузах, в том числе на формах обучения без отрыва от производства [29, с. 126]. Как следствие, если в 1939 г. количество женщин с высшим образованием в числе занятых в народном хозяйстве было в два раза меньше, чем мужчин и на протяжении долго не могло

сравнятся, то в конце 1980-х гг. уровень образования женщин был выше, чем у мужчин [30, с. 27].

Таким образом, в 1944–1991 гг. в СССР и БССР были предприняты важные шаги по законодательному закреплению равенства женщин на образование, созданию социальных гарантий студентам, имеющих детей, и развитию сферы бытового обслуживания. В условиях закрепленных в советском обществе традиционных взглядов на женщину как мать, хранительницу домашнего очага, данные меры были необходимым фактором в обеспечении прав женщин на получение высшего образования в БССР, так как создавали условия для успешного сочетания женщинами материнства и обучения в вузах. Однако в данном направлении работы государственных и партийных органов власти были как успехи, так и крупные недостатки. С одной стороны, произошло конституционное закрепление равенства мужчин и женщин, признание образования приоритетным фактором достижения данного равноправия, был принят ряд нормативных актов, содержащих меры по развитию социально-бытовой сферы и поддержке материнства, был обеспечен рост количества предприятий бытового обслуживания и дошкольных учреждений. Со второй стороны, развитие законодательства в данном направлении шло медленными темпами, законодательная база оставалась весьма ограниченной, к тому же многие законодательные акты выполнялись неудовлетворительно. До 1980-х гг. система социальных льгот, важных для полноценного выполнения материнских ролей и семейных обязанностей, ориентировалась преимущественно на трудящихся женщин. Детские сады, сады-ясли и ясли БССР при максимальных усилиях, которые были приложены в середине 1980-х гг., всё еще не охватывали более четверти детей дошкольного возраста.

Список использованных источников

1. *Бильшай, В. Л.* Решение женского вопроса в СССР / В. Л. Бильшай. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 263 с.
2. *Толкунова, В. Н.* Право женщин на труд и его гарантии / В. Н. Толкунова; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – Москва: Юрид. лит., 1967. – 192 с.
3. *Данченко, Н. И.* Охрана прав и интересов советских женщин / Н. И. Данченко. – Киев: Знания, 1987. – 48 с.
4. *Шинелева, Л. Т.* Женщины и общество (декларации и реальность) / Л. Т. Шинелева. – Москва: Политиздат, 1990. – 176 с.
5. *Чикалова, И.* Белорусские женщины между «общественным» и «частным» в годы советской власти / И. Чикалова // Иной взгляд. – 2000. – Май. – С. 14–17.
6. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики: с изм. и доп., принятыми первой сес. Верхов. Совета Белорус. ССР 26 июля 1938 г. – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, Отд. полит. лит., 1938. – 44 с.

7. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 6603. Л. 1–186.

8. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики: принята на внеочеред. девятой сес. Верхов. Совета Белорус. ССР девятого созыва 14 апр. 1979 г.: с изм. и доп., внес. Законом Белорус. ССР от 21 июня 1979 г. – Минск: Беларусь, 1987. – 48 с.

9. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 480. Л. 8–36, 38.

10. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 1280. Л. 9, 11.

11. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 2675. Л. 7, 11, 27, 33, 36, 37, 43, 44.

12. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 5. Д. 5269. Л. 3, 11.

13. О порядке обеспечения учащихся-стипендиатов в случаях временной нетрудоспособности: постановление СНК СССР, 21 февр. 1936 г., № 331 // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства Союза Совет. Социалист. Респ. Отд. первый. – 1936. – № 12. – Ст. 104.

14. О пособиях студентам и аспирантам по случаю рождения ребенка: из положения о порядке назначения выплаты пособий по государственному социальному страхованию: утв. постановлением Президиума ВЦСПС, 5 февр. 1955 г., протокол № 3, п. 2: в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 22.01.1955 г., № 113 // Высшая школа: основные постановления, приказы и инструкции / сост.: Е. И. Войленко [и др.]; под ред. Л. И. Карпова, В. А. Северцева. – Москва, 1957. – С. 474.

15. О порядке предоставления академических отпусков студентам высших учебных и средних специальных учебных заведений по медицинским показаниям: инструктив.-метод. указания: утв. М-вом здравоохранения СССР, 17 авг. 1964 г. и М-вом высш. и сред. спец. образования СССР, 9 сент. 1964 г. // Высшая школа: сб. основ. постановлений, приказов и инструкций: [в 2 ч.] / [сост.: Е. И. Войленко и др.]; под ред. Е. И. Войленко. – Москва, 1978. – Ч. 1. – С. 101–102.

16. Об утверждении Инструкции о порядке назначения и выплаты стипендии студентам высших учебных заведений: приказ Министра высш. и сред. спец. образования СССР, 18 апр. 1972 г., № 303 // Бюл. М-ва высш. и сред. спец. образования СССР. – 1972. – № 7. – С. 2–7.

17. О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей: постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 22 янв. 1981 г. № 235 // Собр. постановл. правительства Союза Совет. Социалист. Респ. Отдел первый. – 1981. – № 13. – Ст. 75.

18. Об утверждении Инструкции о порядке назначения и выплаты стипендии студентам высших учебных заведений: приказ М-ва высш. и сред. спец. образования СССР, 15 июля 1987 г., № 508 // Бюл. М-ва высш. и сред. спец. образования СССР. – 1987. – № 10. – С. 8–15.

19. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 1. Д. 197. Л. 139–143.

20. Женщины и дети в СССР: стат. сб. / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – Москва: Госстатиздат, 1961. – 230 с.

21. *Ткаченко, В. М.* Ликвидация остатков неравноправного положения женщин в быту – закономерный процесс строительства коммунизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. М. Ткаченко; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. – Минск, 1966. – 22 с.

22. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 81. Д. 334. Л. 5–10.

23. О дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения республики: постановление ЦК КПБ и Совета Министров Белорус. ССР, 29 сент. 1962 г. // Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. Г. Г. Бартошевича (пред. редкол.) [и др.]. – Минск, 1986. – Т. 5: 1956–1965. – С. 416–426.

24. О мерах по дальнейшему развитию бытового обслуживания населения республики: постановление Центр. Ком. КПБ и Совета Министров Белорус. ССР, 13 нояб. 1967 г., № 379 // Свод законов Белорусской ССР / Президиум Верхов. Совета Белорус. ССР, Совет Министров Белорус. ССР; комис. по изд.: В. С. Каравай (пред.) [и др.]. – Минск, 1987. – Т. 8. – С. 326–327.

25. О мерах по дальнейшему повышению эффективности производства, качества выполнения услуг, культуры обслуживания населения на предприятиях службы быта: постановление Центр. Ком. КПБ и Совета Министров Белорус. ССР, 1 апр. 1977 г., № 106 // Свод законов Белорусской ССР / Президиум Верхов. Совета Белорус. ССР, Совет Министров Белорус. ССР; комис. по изд.: В. С. Каравай (пред.) [и др.]. – Минск, 1987. – Т. 8. – С. 332–334.

26. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг. // XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 24 февраля–5 марта 1976 г.: стеногр. отчет: в 3 т. – Москва, 1976. – Т. 2. – С. 226–307.

27. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1979 г.: стат. ежегодник / Центр. стат. упр. Белорус. ССР. – Минск: Беларусь, 1979. – 270 с.

28. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейн. стат. ежегодник / Гос. ком. СССР по статистике. – Москва: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.

29. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1990 г.: стат. ежегодник / Гос. ком. Белорус. ССР по статистике. – Минск: Беларусь, 1991. – 303 с.

30. Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР: стат. сб. / Центр. стат. упр. Белорус. ССР. – Минск: ЦСУ Белорус. ССР, 1981. – 244 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(5)+323.17

ТРАДИЦИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДА В ИНДОИРАНСКОМ МИРЕ И ИХ ПОНИМАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

TRADITIONS OF SELF-IDENTITY OF PEOPLE IN THE INDO-IRANIAN WORLD AND THEIR UNDERSTANDING IN MODERN IRAN

Вопросы самоидентификации являются для жителей Ирана первостепенными уже не одну тысячу лет, начиная с древности, когда и сложился индоиранский мир, и оставаясь таковыми во на рубеже I и II тысячелетий нашей эры. Концепция «меллат-е Иран», предложенная руководством Исламской Республики Иран, имеет глубокие исторические корни не только в Иране, но и в Азии в целом. «Меллат-е Иран» гораздо ближе к древней модели самоидентификации ārya, чем к ветхозаветной еthnos (gōy) и производной от нее национальной западной. Существующая модель государственного устройства Исламской Республики Иран имеет известное сходство с древнеиндийским rāṣṭra, вследствие чего принципиально отличается от моделей, сложившихся в рамках политогенетических процессов, имевших место в истории цивилизации Запада.

Ключевые слова: самоидентификация; «меллат-е Иран»; ārya; eθnos (gōy); Исламская Республика Иран; доисламские реалии.

Matters of self-identity have been paramount for the inhabitants of Iran for thousands years, starting from antiquity, when the Indo-Iranian world had taken its shape, and having preserved its importance at the turn of I - II millennia AD. The concept of “mellat-e Iran”, proposed by the leadership of the Islamic Republic of Iran, has deep historical roots not only in Iran, but also in Asia as a whole. “Mellat-e Iran” is much closer to the ancient ārya model of self-identity than to the Old Testament eθnos (gōy) and its Western national derivatives. The existing model of government of the Islamic Republic of Iran has a certain similarity with the ancient Indian rāṣṭra, because of which it is fundamentally different from the models that developed within the framework of political genetic processes that took place in the history of Western civilization.

Keywords: self-identity; “mellat-e Iran”; ārya; eθnos (gōy); Islamic Republic of Iran; pre-Islamic realities.

История иранских народов традиционно привлекает внимание исследователей. Ведь она прямо касается не только становления и развития крупных держав (например, Газневидов, сельджуков или Сефевидов), но и распространения и закрепления в Азии ислама, а также многочисленных аспектов, связанных с взаимодействием степных, мусульманских и древних восточных традиций. Важную роль в понимании вышеуказанного играют и вопросы идентичности, и, прежде всего самоидентификации. Немалый интерес представляют также взгляды отдельных личностей, оказавших за-

метное влияние как на ход исторических событий в целом, так и на упомянутые выше его составляющие.

В данном случае речь пойдет о понимании национального государства создателями Исламской Республики Иран, в том числе и вождем революции 1979 г. имамом Рухоллой Мусави Хомейни.

Любая победившая революция (если это действительно революция) по определению разрушает существовавшее до нее государственное устройство, а с ним и социальную базу, на которую последнее опиралось. И если речь не идет о мировой революции, то таковые изменения происходят внутри отдельно взятой страны, затрагивая все слои проживающего там населения. Именно такая революция и произошла в Иране в феврале 1979 г.

Исследователи этих событий, как правило, делают акцент на их антиколониальной или антизападной направленности, вследствие чего происходившее в Иране рассматривается, прежде всего, как очередной этап национально-освободительного движения, локомотивом которого была мелкая и средняя иранская буржуазия [1, с. 11–12].

Тем не менее, совершенно очевидно, что изначально во главе этой революции стояли исламские религиозные деятели, и среди революционеров преобладали исламские лозунги. Нет никакого сомнения в правоте того, что иранские события 1979 г. называются Исламской революцией. И если первоначально ислам революционеров теоретически еще можно было рассматривать как знамя борьбы с иностранным и инокультурным засильем, то к настоящему времени совершенно очевидно, что ислам Иранской революции 1979 г. был не только формальным поводом для объединения. Эта религия стала основой нового государственного строительства.

Именно в связи с этим перед победившей революцией неминуемо возник вопрос о совместимости национального государства, каковым к 1979 г. был Иран, с основами миропонимания ислама, где все равны перед Аллахом, а потому нет различия между людьми по национальному или территориальному признаку.

Поиск приемлемого решения был дополнительно осложнен государственной политикой предшествующего периода, делавшей ставку на доисламские культурные традиции Ирана («арийское наследие») и введение повсеместного обязательного использования языка фарси. Вследствие этого Исламская революция неминуемо должна была дистанцироваться как от постулирования опоры на «арийское наследие» (что вполне объяснимо с точки зрения мусульманского сознания), так и от принудительной фарсизации всех жителей многонациональной страны.

Исходя из вышеизложенного, вполне естественно, что ставшие во главе Исламского государства духовные лидеры сделали ставку на Коран и иранское историческое наследие мусульманского периода.

Прежде всего, все важнейшие политические институты в стране были заменены на исламские с опорой на духовный авторитет исламских ученых и правоведов, имеющих право толковать Коран [2, с. 163–166].

Конечно, мусульманские авторитеты не могли не признавать, что сведение всех видов самоидентификации людей к религиозной (умме) неминуемо означало бы обращение не только к идеям единства мира Божьего (составлявшим, например, существенную часть основ мировоззрения аль-Бируни), но и их политической составляющей: халифата или единого султаната (как, например, при Газневидах или сельджуках) [3]. Это признавал в своем политическом завещании и сам имам Хомейни [4, с. 369–370]. Но первоочередной задачей Революции 1979 г. было построение исламского государства в отдельно взятой стране – Иране. При этом следовало учитывать, что не все народы Ирана исповедовали ислам, тем более ислам шиитского толка.

Помимо введения исламских институтов государственного управления, существенным шагом на обозначенном пути стал отказ от прямого заимствования или адаптации западных моделей государственного строительства, как это было до революции. Наглядным примером этого выбора стал отказ от того, чтобы считать понятие «*меллат*» адаптированным вариантом западного понятия «нация» как обобщающего термина для всего населения Ирана (т. е. того, что имам Хомейни чаще всего называл «иранский народ»). Вместо этого, аятоллой Мотаххари было предложено самостоятельное понимание, выстроенное на основе толкований коранического «*милла*», которое упоминается 15 раз в различных аятах Корана.

В священной книге ислама это слово употребляется в значении «правильный путь, продиктованный Аллахом», что практически делает его синонимом слову «вера» («*дин*»), с той лишь разницей, что слово «*милла*» имело привязку к пророческой миссии какого-то конкретного божественного пророка (например, *меллат* Авраама) [5, с. 270–272]. Таким образом, слово «*меллат-е Иран*» следовало понимать не столько на европейский манер как «иранская нация», сколько как ««правильный путь иранского народа, продиктованный Аллахом».

Этот путь не ограничен ни учением ислама, ни элементами доисламской культуры, но сочетает как древнее наследие, так и инокультурные заимствования и влияния, которые оказывают положительное воздействие на народ. Так, например, сам ислам пришел из-за пределов Ирана, но стал историческим выбором иранского народа [6, с. 17–19]. Такого же понимания придерживался и первый глава Исламского государства имам Хомейни.

В этом случае самоидентификация принадлежащего к Иранскому народу определяется, прежде всего, как «житель Ирана, следующий по пути, предначертанному Аллахом». К этому следует добавить еще признание прав на исповедание другой религии и на сохранение национального языка (включая использование фарси для исламских проповедей).

Как ни удивительно, такое понимание имеет, в основе своей, довольно глубокие исторические корни, весьма поверхностно связанные с традициями западной цивилизации.

Для наглядности представим сравнение «меллат-е Иран» с другими историческими моделями самоидентификации, существенными для настоящего случая (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение «меллат-е Иран» с моделью самоидентификации, предложенной Абу Рейханом аль-Бируни в труде «Индия» [7, с. 64–70]

Критерий самоидентификации	Модель аль-Бируни	«Меллат-е Иран»
общая религия	+	+
общий язык	–	–
общая территория	+	+
общая история	+	+
общий календарь	+	+
общие обычаи и ритуалы	+	–
общий богослужебный язык	+	–

Как видно из таблицы 1, предложенные в «меллат-е Иран» критерии самоидентификации в значительной степени совпадают с идеями аль-Бируни (т. е. с идеями X–XI вв.). Это можно считать вполне естественным следствием опоры авторов «меллат-е Иран» на текст Корана. Очевидное различие наблюдается только лишь в вопросе богослужебного языка и признании права на культурную автономию, что, как представляется, вполне истекает из шиизма создателей концепции «меллат-е Иран».

Однако нам представляется целесообразным заглянуть еще глубже, и сравнить «меллат-е Иран» с древними самоидентификациями, а именно с ветхозаветным *עַם* (*gōy*), которая стала основой последующей западной национальной самоидентификации, и ригведийским *ārya* – одной из древнейших известных самоидентификации, не связанных с библейской традицией (таблица 2).

Таблица 2

Сравнение «меллат-е Иран» с ригведийским *ārya* [8, с. 64–103]

Критерий самоидентификации	Ригведийский <i>ārya</i>	«меллат-е Иран»
общая религия	+	+
общие обычаи и ритуалы	+	–
объединяются в определенное сообщество	+	+
воюют против всех остальных за богатство и землю с помощью ритуалов	+	–
происхождение от общего предка	–	–

Критерий самоидентификации	Ригведийский <i>ārya</i>	«меллат-е Иран»
общая территория	–	+
общий язык	–	–

Таблица 2 достаточно наглядно показывает, что отличие критериев двух рассмотренных моделей значительней, чем в случае с аль-Бируни. Тем не менее, если рассматривать направление развития «меллат-е Иран», предполагаемое, например, в «Политическом завещании» имама Хомейни, то можно прийти к следующим заключениям. Уже упомянутая выше идея всеобщей уммы, вполне вероятно, приведет к тому, что обычаи и ритуалы станут общими для всех иранцев, ритуальная война обретет характер мирного обращения неверных, а вопрос об общей территории отпадет сам собой. Т. е. древняя арийская модель является своеобразным вариантом дальнейшего развития «меллат-е Иран».

К сказанному следует добавить, что опора на религию и закрепление высших государственных должностей за мусульманскими авторитетами и законодателями также очень близко стоит к идеям построения древнейшего государственного устройства Индии – *rāṣṭra* [8, с. 197–216].

Несколько иная картина видится при сравнении «меллат-е Иран» с ветхозаветным *ethnos* (*gōy*), существовавшим как самоидентификация народа Авраама, Исаака и Моисея (таблица 3).

Таблица 3

Сравнение «меллат-е Иран» с ветхозаветным *ethnos* (*gōy*) [см. 8, с. 64–103]

Критерий самоидентификации	Ветхозаветный <i>ethnos</i>	«меллат-е Иран»
общая религия	+	+
общие обычаи и ритуалы	+	–
объединяются в определенное сообщество	+	+
воюют против всех остальных за богатство и землю с помощью ритуалов	–	–
происхождение от общего предка	+	–
общая территория	возможно	+
общий язык	возможно	–

Таблица 3 достаточно наглядно показывает, что отличие критериев двух рассмотренных моделей значительней, чем в случае с аль-Бируни. Главным препятствием для отождествления этих самоидентификаций является вопрос происхождения от общего предка, невозможного для многонационального государства. Вторым препятствием на этом пути является допущение общего для всего иранского народа языка, поскольку попытка реализации

такого варианта в Иране до 1979 г. вызвала довольно резкое отторжение в стране.

Сказанного вполне достаточно, чтобы не вести дальнейших дискуссий о том, почему адаптация западной модели национальной идентификации для Ирана является более искусственной, чем «*меллат-е Иран*».

Из всего сказанного представляется возможным заключить следующее.

1. Вопросы самоидентификации являются для жителей Ирана первостепенными уже не одну тысячу лет, начиная с древности, когда и сложился индоиранский мир, и оставаясь таковыми во на рубеже I и II тысячелетий нашей эры.

2. Концепция «*меллат-е Иран*», предложенная руководством Исламской Республики Иран, включая имама Хомейни, имеет глубокие исторические корни не только в Иране, но и в Азии в целом.

3. «*Меллат-е Иран*» гораздо ближе к древней модели самоидентификации *ārya*, чем к ветхозаветной *ethnos* (*gōy*) и производной от нее национальной западной.

4. Существующая модель государственного устройства Исламской Республики Иран, реализованная под руководством имама Хомейни, имеет известное сходство с древнеиндийским *rāṣṭra*, вследствие чего принципиально отличается от моделей, сложившихся в рамках политогенетических процессов, имевших место в истории цивилизации Запада. Однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

Список использованных источников

1. Галкина Е. С. Становление нации и пути национализма в Иране / Е. С. Галкина // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2011. – № 32. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-natsii-i-puti-natsionalizma-v-irane> (дата обращения: 23.11.2014).

2. Имаков, Т. 3. Хомейнизм – идеология политического ислама / Т. 3. Имаков, С. А. Семедов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – Вып. № 4. – С. 162–170.

3. Перзашкевич, О. В. К вопросу о геополитических взглядах Низам аль-Мулька (по материалам карты мира аль-Бируни) / О. В. Перзашкевич // Литература и культура в эпоху сельджуков: материалы Междунар науч. конф., Ашгабат, марта 2009 г. / Национальный культурный центр «Мирас». – Ашгабат, 2009. – С. 407.

4. Религиозное и политическое завещание имама Хомейни // Имам Хомейни. Путь к свободе (Речи и завещание). – Москва: Плея-Мишин, 1999. – С. 295–374.

5. Гибадуллин, И. Р. Мортаза Мотаххари и идеология иранского национализма / И. Р. Гибадуллин // Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульянов; Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – С. 265–277.

6. Мутаххари, Муртаза. Иран и ислам: история взаимоотношений / пер. с перс., примеч. М. Махшулова. – Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2008.

7. Бируни, Абу Рейхан. Индия / Абу Рейхан Бируни; пер. с араб. А. Б. Халидов, Ю. Н. Завадский. – 2-е изд. – Москва: Ладомир, 1995.

8. Перзашкевич, О. В. Ригведийское жречество / О. В. Перзашкевич. – Минск: БГУ, 2014.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

A. A. Приборович

Белорусский государственный университет, Минск

A. Priborovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.2

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА В БССР: ОРГАНИЗАЦИЯ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

POPULATION CENSUS OF 1926 YEAR IN THE BSSR: ORGANIZATION AND STATISTICAL FORMS

Автор статьи характеризует Всесоюзную перепись населения 1926 г. с целью выяснения особенностей её организации в СССР и в том числе на территории БССР. В статье объяснено значение основных статистических форм переписи.

Ключевые слова: население; перепись; БССР; СССР; 1926 год; статистические формы (формуляры).

The author of the article characterizes the All-Union Population Census of 1926 with the aim of clarifying the features of its organization in the USSR and, in particular, on the territory of the BSSR. The article explains the significance of the main statistical forms of the census.

Keywords: population; census; BSSR; USSR; 1926 year; statistical forms.

Демографическая перепись имеет важное значение в изучении истории Беларуси и её населения по нескольким причинам. Во-первых, перепись позволяет собрать единые сведения о численности жителей, их возрасте, социальной и этнической структуре. Собранные статистические сведения во время переписи позволяют историкам анализировать динамику изменений в обществе, отслеживать перемещение населения, численность населения, а также изменения в семьях на протяжении ряда поколений. Во-вторых, переписи позволяют изучать важнейшие социально-экономические показатели общества, такие как уровень образования, сферу занятости и условия труда. Третье, переписи фиксируют изменения социальной структуры общества, вызванные влиянием ряда экономических, политических или природных факторов.

Являясь крупнейшей по масштабу статистической работой, перепись населения предоставляет полные и точные знания о численности населения, его распределении по территориальным единицам и иным структурам. Любая перепись населения, в том числе, когда объект обследования сужен географией проживания респондентов, является составной частью общегосударственной системы статистического учёта, которая может включать и другие переписи (промышленные, сельскохозяйственные, торговые), а также организованный текущий учёт населения. Перепись населения – форма единовременного статистического учёта, организованная через определенные интервалы времени, и поэтому применительно к отдельным населённым пунктам или подгруппам населения она может служить единственным источником информации по ряду социальным-экономическим и демографическим характеристикам, представляющим научный интерес для исследователей.

Цель написания статьи – проанализировать процесс организации и проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. в БССР, а также охарактеризовать основные статистические формы указанной переписи.

Отдельные моменты проблемы статьи рассматривались белорусскими (Н. В. Азбукин, Т. Н. Агеенко, Д. Н. Бузун, В. П. Вирская, Г. И. Горецкий, В. А. Латышева, Н. И. Полетаева, С. А. Польский, А. А. Раков, А. А. Смолич, С. Н. Ходин и др.) и зарубежными (Г. И. Баскин, Н. Я. Воробьев, В. Г. Михайловский, В. Б. Жиромская, О. А. Квиткин, М. К. Красильников, С. Неручев, В. В. Плоских, А. П. Хоменко и др.) исследователями. В белорусском научном сообществе вопрос о важности результатов переписи населения БССР 1926 г. не был до конца рассмотрен, так как исследователей, в основном, интересовали сведения о национальных особенностях населения, семьях, занятиях рабочих городских поселений и крестьянских хозяйств.

Перепись жителей БССР в 1926 г. проводилась с 17 по 30 декабря. Эта была первая всеобщая перепись советского населения Беларуси в послереволюционное время. Всего во время переписи было учтено около 5 миллионов жителей, проживающих в 37995 населённых мест (из них 28 городов, и 56 местечек). Непосредственно в организации переписи принимало участие 5613 лиц, что стало тогда своеобразным рекордом. На перепись из государственного бюджета было выделено 359 тыс. советских рублей (188 тыс. на подготовку и проведение, 171 тыс. на разработку материалов). Всеобщая по учёту населения, финансово обеспеченная и хорошо организованная перепись 1926 г. являлась, по мнению многих исследователей, одной из лучших переписей в истории БССР [1].

Интерес к переписи 1926 г. вызван также тем, что с 1897 г., когда в Российской империи была проведена сплошная перепись населения, на территории белорусских губерний не проводился учёт всех жителей. Планируемая в 1915 г. (в начале 1910 г.) в царской России всеобщая перепись

населения была отменена из-за участия страны в Первой мировой войне. Всеобщая перепись населения 1920 г. в РСФСР не охватила полностью белорусские уезды из-за интервенции польской армии. Фрагментарность статистических сведений по отдельным белорусским населённым местам представлена в материалах сельскохозяйственных переписей Российской империи (1916 г., 1917 г.). Проводимая в 1923 г. в шести уездах бывшей Минской губернии перепись охватила только население городских поселений, что составляло около 12 % от всего населения [2]. Отсюда, объясним, в то время и сейчас большой интерес среди исследователей, населения и органов власти к собранным статистическим сведениям переписи 1926 г.

Перепись населения 1926 г. в БССР проводилась одновременно по всем 12 округам страны (Бобруйский, Борисовский, Витебский, Гомельский, Калининский, Минский, Могилёвский, Мозырский, Оршанский, Полоцкий, Речицкий, Слуцкий). Переписи подлежало всё население Белорусской ССР, как гражданское, так и военное. Порядок производства переписи в РККА определялся отдельной инструкцией, которая была подготовлена совместно ЦСУ СССР с Наркомвоенмором и ОГПУ.

Перепись населения 1926 г. производилась по системе личных листов, на которые заносили поимённо всех жителей. В городских поселениях БССР кроме личных листов на каждую семью и одиночек составлялась отдельно семейная карта (форма № 2). В довесок к листку и семейной карте в городских поселениях на каждое владение разрабатывалась ведомость (форма № 3 «Владённая ведомость»), а для не городских (сельских) жителей вместо форм № 2 и № 3 заполнялся список домохозяев (форма № 4) [3].

Ответственность за проведение переписи была возложена органами власти БССР на ЦСУ, которое к моменту начала переписи сформировало почти шеститысячный переписной персонал. Структура переписного персонала в то время не сильно отличалась от предыдущих переписей. Низовым и одновременно важным звеном переписного персонала были регистраторы (счётчики), их работу контролировали участковые инструктора, затем шли районные инструктора, после их окружных статистических бюро и соответственно в БССР эту работу замыкала Переписная Комиссия при ЦСУ. Достаточно широкая сеть привлекаемых лиц в организации переписи была обусловлена необходимостью собрать и обработать сведения о населении в кратчайший срок с высокой долей точностью. ЦСУ учло ошибки предыдущих переписей (1920 г., 1923 г.) и начало готовится к переписи с лета 1925 года. Своевременность в подготовке переписи позволило ЦСУ значительно повысить качественный состав переписного персонала. Например, счётный персонал был представлен: 43,2 % школьные работники, 12,9 % учащиеся учебных заведений (в том числе и высших), 1,2 % сотрудники статистических учреждений, 3 % добровольные корреспонденты и 39,7 % прочие [4].

Подготовка к переписи включало и то, что ЦСУ заранее стало составлять списки населённых пунктов и владений в городах. Для счётчиков отдельно были составлены схематические карты и планы городских и сельских поселений, где были конкретно указаны переписные участки. Для всех задействованных в переписи регистраторов и инструкторов были проведены обучающие курсы. Через средства массовой информации (печать, радио) и путём прямого общения (агитационные встречи, объезд религиозных общин и др.) центральная и местная власть смогла в срок информировать население о сроках и задачах переписи для страны [5].

Отметим, что программа переписи населения 1926 г. имела общее с всеобщей переписью 1920 г. и городской переписью 1923 г. и соответственно успехи предыдущих переписей были приняты во внимание в 1926 г. Рассмотрим подробно, перечисленные выше, основные формы первой Всесоюзной переписи населения.

Личный листок заполнялся на каждого жителя несмотря на его возраст. «Форма № 1 заполнялась только со слов опрашиваемых, при этом ответы на все вопросы записывались без сокращений и без пропусков. Личные листки составлялись только для наличного населения, т. е. кто был на лицо в данном населённом пункте в ночь на 17 декабря» [6]. В личные листки вносились не все лица присутствующие во время работы респондента в населённом месте. Согласно инструкциям ЦСУ в листки не заносились сведения о гражданах, которые хоть и в момент переписи находились в квартире (жилом помещении), но имели иное постоянное место жительства. Все лица, которые на ночь 17 декабря работали в своих учреждениях, переписывались по адресам своих постоянных квартир. В листок не записывали лиц, ночевавших в медицинских учреждениях и отбывающих заключение в местах лишения свободы [7].

Семейная карта (форма № 2), впервые была применена при Всесоюзной переписи городского населения 1923 г. [8], должна была осветить вопросы, касающиеся структуры семьи и жилищных условий населения в городах и городских поселений. Для жителей сельской местной семейная карта не вводилась по причине экономии средств и необходимости более быстрой разработки материалов переписи уже к середине 1927 г. В отличие от листов в семейную карту записывали всех членов семьи, даже если в момент опроса кто-либо отсутствовал. В свою очередь в карту включали временно присутствующих, что позволило рассчитать численность постоянно присутствующего населения в городских поселениях. Отметим, что семейная карта имела двойное значение: во-первых, она позволяла охарактеризовать городскую семью путём выяснения количества лиц, состоявших в ней и их статус; во-вторых, содержала сведения об условиях проживания населения в городах и местечках. При этом членами семьи считались лица, проживающие в одном жилище вместе, имеющие родственные связи и общий бюджет [9].

Определённое разнообразие методов статистического учёта населения, наблюдаемое при переписи 1926 г. (форма № 1, форма № 2), было связано ручной техникой разработки сведений и поиском новых методов учёта населения в Советском Союзе. В помощь первым двум формам переписного инструментария задействовалась владённая ведомость (форма № 3), которую заполняли только на жителей городских поселений. В отличие от личного листка и семейной карточки ведомость применялась для учёта жилищного фонда и элементов городского благоустройства. Кроме этого, ведомость служила для точного подсчёта городских жителей. Так, на каждый жилой участок в городе составлялась ведомость вместе с семейной картой, что позволяло при расхождении двух форм провести перепроверку собранных сведений [10].

Особый интерес представляет форма «Поселённый список домохозяйств», которая применялась во время переписи для учёта населения в сельских местностях. В поселённый список вносились все наличные на день переписи домохозяева населённого пункта. К числу лиц отдельных крестьянских хозяйств причислялись те граждане, которые имели родство и совместный бюджет. В список вносились сведения по всем домохозяйствам, независимо от формы основного рода занятий их членов [11].

Указанные выше четыре основные формы переписи в купе с остальными составили значительный корпус статистических материалов, который уже с января 1927 г. подвергся агрегированию по территориальному принципу и необходимым для власти тематическим запросам. К концу 1927 г. ЦСУ составило предварительные итоги о численности городского и сельского населения по районам и округам Белорусской ССР. Полные результаты переписи по Советскому Союзу были изданы к 1932 г. в 56 томах, что составило рекорд в опубликовании результатов переписей за всю историю СССР.

В завершении статьи отметим, изучение истории любой страны начинается с выяснения демографических показателей её населения и это связано с тем, что именно жители составляют важнейший ресурс государства. Для исследования всех сторон жизни населения страны требуется большой массив статистической информации. Наиболее известным способом получения статистических сведений о населении является проведение демографической переписи. Она даёт весьма обширную информацию о всём населении страны или части в зависимости от типа территориальных единиц и обстоятельств её проведения. Всесоюзная перепись населения 1926 г. не стала исключением из общего правила, что продемонстрировано автором в статье.

В следующем году мы будем отмечать 100-летие с момента проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. Архивные документы и печатные материалы переписи до сих пор представляют большой интерес в изучении истории Беларуси. Рассматриваемая в статье перепись была первой и последней переписью в СССР, которая не была сильно политизирована и ре-

зультаты которой были практически полностью доведены до общественности. Собранные во время переписи сведения широко использовались при составлении первых планов социально-экономического развития Союза (БССР). В довоенное время итоги переписи населения 1926 г. постоянно публиковались в самых различных идеологических материалах советской власти в качестве обоснования выбранного политического курса [12].

Перепись населения 1926 г. является уникальным мероприятием по статистическому обследованию населения советской Беларуси. Она стала одной из четырёх демографических переписей довоенного периода БССР, в материалах которой запечатлены особенности жизни населения в годы Новой экономической политики. Материалы переписи представляют также интерес для изучения истории белорусской государственности. Несмотря на то, что в современной отечественной исторической науке наметился явный крен в сторону изучения вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны и её значения для нынешнего поколения, статистические сведения о развитии белорусского населения 20-х и 30-х гг. XX в. остаются важными в понимании тех тенденций, которые влияли на ход развития советской Беларуси до и после войны.

Список используемых источников

1. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения в БССР 17-го декабря 1926 г. – Минск: издание ЦСУ БССР, 1927. – 27 с.
2. *Приборович, А. А.* Статистические формы учёта населения БССР во время Всесоюзной городской переписи 1923 года / А. А. Приборович // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2021. – № 1. – С. 3–10.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Инструкция по переписи населения БССР 17 декабря 1926 года / СССР, БССР, ЦСУ. – Минск: Профтехшкола, 1926. – 15 с.
4. Стэнаграма дакладу кіраўніка ЦСУ БССР тав. Праферансава на пасяджэнні СНК БССР 21 лістапада 1928 г. па пытанні аб выніках дэмаграфічнага перапісу 1926 г. – Мінск: выданне Кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнай нарады БССР, 1928. – 19 с.
5. *Михайловский, В. Г.* Всесоюзная перепись населения / В. Г. Михайловский. – Москва: Изд. ЦСУ СССР. – С. 46.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Наставление о том, как писать ответы на вопросы личного листка / СССР, БССР, ЦСУ. – Минск: Типография Профтехшколы, 1926. – 6 с.
7. *Воробьев, Н. Я.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. / Н. Я. Воробьев. – Москва: Госстатиздат, 1957. – 111 с.
8. *Приборович, А. А.* Опыт научного осмысления значимости результатов Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. в работах отечественных и зарубежных исследователей / А. А. Приборович // Вестник

ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2024. – № 1. – С. 3–11.

9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Наставление к заполнению семейной карты / СССР, БССР, ЦСУ. – Минск: Типография Профтехшколы, 1926. – 4 с.

10. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Наставление к заполнению владённой ведомости / СССР, БССР, ЦСУ. – Минск: Типография Профтехшколы, 1926. – 4 с.

11. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Правила заполнения «Поселённого списка домохозяйств» / СССР, БССР, ЦСУ. – Минск: Типография Профтехшколы, 1926. – 2 с.

12. Сидорцов, В. Н. Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборovich. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 192 с.

(Дата подачи: 24.02.2025)

Е. А. Раховская

Белорусский государственный университет, Минск

A. Rakhouskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 27-789.32

ЖЕНЩИНЫ В ФРАНЦИСКАНСКОМ ДВИЖЕНИИ: ДУХОВНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ XIII–XV ВВ.

WOMEN IN THE FRANCISCAN MOVEMENT: SPIRITUAL AND SOCIAL PRACTICES OF THE 13TH–15TH CENTURIES

Статья посвящена роли женщин в францисканском движении XIII–XV вв. Особое внимание уделяется становлению и развитию Ордена святой Клары. Выделяются основные формы взаимоотношения францисканцев с женщинами, вопросы участия последних в экономической жизни церкви через пожертвования. Статья раскрывает сложную динамику взаимодействия женщин и церковных институтов на примере Францисканского ордена, показывая их значительное, хотя и опосредованное влияние на духовную и социальную сферу средневековой жизни.

Ключевые слова: нищенствующие ордена; францисканцы; женское монашество; святая Клара.

The article is devoted to the role of women in the Franciscan movement of the 13th–15th centuries. Particular attention is paid to the formation and development of the Order of St. Clare. The main forms of relations between Franciscans and women, the issues of women's participation in the economic life of the church through donations are highlighted. The article reveals the complex dynamics of interaction between women and church institutions using the example

of the Franciscan Order, showing their significant, albeit indirect, influence on the spiritual and social sphere of medieval life.

Keywords: mendicant orders; Franciscans; female monasticism; Saint Clare.

Женщины вплоть до недавнего времени были лишены возможности реализовать свои моральные потребности, интеллектуальные и физические способности вне религиозных институтов. Христианские богословы долгое время пытались совместить в одной системе ценностей грешницу Еву и святую Марию. Непоследовательное и противоречивое восприятие женщин теологами породило двойственность женского образа и противоречивое отношение общечеловечности к ним. Образ Девы Марии, ставший объектом массового поклонения с XII в., предлагал женщинам несколько моделей поведения, часто противоречащих друг другу: сохранение девственности, материнство, опосредованное властвование через влияние на мужчин. Религиозные активности требовали от женщин покорности, но одновременно с этим давали им общественное признание и возможность проявить себя [1, с. 62–63, 69].

История становления и функционирования Францисканского ордена теснее чем какого-либо другого связана с присутствием женщин в религиозной сфере Европы. Параллельно с основной ветвью Ордена формировалась и его женская ветвь, основанная святой Кларой Ассизской. Орден кларисс стал примером того, как женщины могли вносить значительный вклад в развитие духовных движений. Исследование различных аспектов взаимодействия церковных институтов с женщинами позволяет глубже понять не только религиозную историю, но и социальные аспекты жизни в средние века.

Изучение роли женщин в францисканском движении и монашеской жизни средневековой Европы опирается на широкий круг научных работ, посвященных истории нищенствующих орденов, положению женщин в обществе, христианской философии. Работы Ж. Дюби [2], Дж. Беннетт [3], Е. Мишаненковой [1] на сегодняшний день являются фундаментальными трудами в области гендерных исследований. Одним из ключевых направлений в историографии является изучение Ордена святой Клары: сборник «Святая Клара Ассизская: ранние документы» содержит не только основной массив источников по теме, но и обширный список исследований [4]. В контексте истории европейского монашества авторы традиционно рассматривают роль Клары Ассизской в утверждении идеалов радикальной бедности и борьбе за автономию женской монашеской общины, например Л. П. Карсавин и Дж. Мурман [5; 6]. Другим важным аспектом является выявление мировоззрения святого Франциска. Жак Ле Гофф в своей биографии святого поднял вопрос о влиянии куртуазной культуры на восприятие им женского начала [7]. Наконец, значительная часть исследований, посвященных критике нищенствующих орденов, затрагивает вопросы взаимодействия с женщинами и нарушения обета безбрачия (К. Эрикссон, П. Ситтья) [8; 9].

Таким образом, историография охватывает основные вопросы женского участия в истории францисканского движения, однако традиционно в большинстве случаев каждый аспект рассматривается самостоятельно. Ощущается недостаток исследований, выстраивающих стройную систему всевозможных форм взаимодействия монахов и женщин, а также оценивающих роль различных факторов, влиявших на это взаимодействие.

Целью данного исследования является определение роли женщин в становлении и функционировании Францисканского ордена в XIII–XV вв. В исследовании использованы исторические источники трех групп: орденское законодательство, литературное наследие средневковых авторов, комплекс дарственных грамот францисканцам Великого Княжества Литовского. К первой группе относятся устав Ордена францисканцев и Устав святой Клары, постановления Римским пап, оказавшие непосредственное влияние на процесс становления женской ветви францисканского ордена. Среди литературных источников особое место занимают агиографические произведения, отражающие теологические взгляды на женщин во францисканской среде. Третья группа (документы из архива Виленского соборного Капитула) позволяет выявить размеры владений виленских францисканцев в XIV–XV вв., полученных от светских дарителей, включая женщин.

История женской ветви Францисканского ордена – ордена Бедных Кларисс – началась после того, как дворянка Клара Оффредуччи присоединилась к францисканскому движению и приняла монашеский постриг в 1211 (1212) г. [10, с. 996, 1000]. Ее принятие в мужскую общину приравнивало бы францисканцев к еретикам, как это произошло с конгрегациями бегиннок, совместными общинами катаров и вальденсов на рубеже XII–XIII вв. [11, с. 106].

Возможно, если бы Клара не нашла последовательниц, она стала бы бенедиктинкой, но приток женщин, разделявших идеалы Франциска, положил начало женскому отделению ордена. Обители клариссинок возникали по всей Италии, с 1219 г. они уже появились во Франции и Испании, в 1230-е гг. Клара снарядила миссии в Богемию, Германию, Бельгию, Англию и даже в Сирию [11, с. 108].

В 1216 г. монах августинец Жак де Витри описал образ жизни людей обоего пола, которые отказались от своего имущества и стали называть себя «меньшими братьями» и «меньшими сестрами»: «днем они отправляются в города и деревни, посвящая себя деятельной жизни, чтобы обращать в свою веру других; ночью они возвращаются в свои уединенные места, чтобы предаться размышлениям. Женщины живут недалеко от городов в различных приютах. Они не принимают подношений, но живут трудом своих рук» [12, р. 578–580]. Эти отрывки не дают определенного представления о жизни Клары и ее спутниц: вели ли они активную проповедническую и апостольскую деятельность, бродили ли по улицам города.

В более поздних записках одного из последователей Франциска из Перуджи рассказывается, что послушать проповеди братьев приходило множество женщин и девушек, которые сокрушались, что не могут оставаться с монахами, и тогда францисканцы основали для них затворнические монастыри [4, р. 406–407].

В 1219 г. серией указов папы Римского Гонория III все женские объединения, связанные с францисканцами, были подчинены бенедиктинскому уставу, но с усилением строгости в вопросах собственности. Создание женского ордена, полностью идентичного по своей организации францисканской мужской общине, представлялось невозможным, так как для женщин в XIII в. была доступна только оседлая, замкнутая общинная жизнь, запрещавшая пастырское служение, что исключало францисканские идеи миссионерства, проповеди и прошения милостыни [11, с. 107].

Последовательницам Клары оставалось только «проповедовать» личным примером и жить в нищете, уровень которой еще предстояло определить. Традиционно католическая церковь не поощряла нищенствование монахинь, так как оно ассоциировалось с маргинальностью и проституцией. Однако всю жизнь Клара боролась с Римской курией за «привилегию бедности». Ее основной целью было добиться полного отказа от имущества и богатых пожертвований. И хотя идеал абсолютной бедности был основой Францисканского мужского ордена, то Клара требовала этого для закрытого локализованного женского сообщества, что подразумевало гораздо более тяжелые условия жизни. Существование без стабильной формы дохода и возможности даже просить милостыню, как это делали монахи, ставило бы монахинь в полную зависимость от щедрости других, поэтому увещевания Клары казались немыслимыми [11, с. 106–107].

В определенной степени эта борьба успешно завершилась принятием устава Ордена святой Клары в 1253 г. за два дня до её смерти [10, с. 942–960]. В истории церкви это был первый устав, написанный женщиной. Клара смогла воплотить и реализовать на практике те идеи, которые для монахинь ранее были под строгим запретом: функции непосредственного управления, относительная свобода передвижения, принцип соблюдения бедности [11, с. 109]. Утверждение этого устава стало исключением из правил – он был предназначен лишь для монастыря возле церкви Сан Дамиано. Церковные власти продолжили курс на изоляцию женской монашеской общины от мира. Все контакты монахинь с внешним миром, даже с францисканскими монахами и капелланами строго контролировались и ограничивались, однако благодаря стараниям Клары не запрещались полностью [10, с. 950, 956–959].

В своем завещании Клара называет Франциска «наши единственные утешение и поддержка», «основатель, учитель и помощник в служении Христу», тем не менее сам Франциск благоволел перед бедностью кларис-

синок, которая была строже, чем его собственная, оставляя монахинь один на один с божьим провидением [4, р. 59]. В то время, как после смерти основателя Ордена францисканцы всё более отходили от его первоначальных замыслов, принимая одну смягчающую правила папскую буллу за другой, Клара оставалась настойчива в своей борьбе. В 1247 г. Фома Челанский, описывая падение нравов в Ордене, указывал францисканцам на их обязательства оставаться рядом с Кларой и ее последовательницами. Возможно, этим он надеялся напомнить братьям Ордена об первоначальных ценностях его основателя. В эти годы Клара выражала путь истинной францисканской бедности для всех: и для монахинь, и даже для монахов [4, р. 415–419].

Монахини по уставу святой Клары 1253 г. были обязаны иметь инспектора из Ордена францисканцев, капеллана с помощником-клириком и двух братьев францисканцев для помощи в ведении домашнего хозяйства [10, с. 959]. Самому Франциску биографы не единожды приписывают слова о необходимости заботы братьев о «бедных дамах», однако эта необходимость вступает в конфликт с добродетелью целомудрия и превращается в еще одно испытание для монахов. Безбрачие, как и послушание, и нищенствование, было закреплено в уставах Ордена. Первая редакция устава, не утвержденная буллой, но выражавшая идеалы самого Франциска, содержала статью «О предупреждении разврата». Она предусматривала самое суровое наказание за нарушение обета безбрачия – отлучение от Ордена и лишение сана монаха [13, с. 97, 135]. Запрет францисканцам посещать все женские монастыри без особого разрешения Святого Престола был подтвержден буллами папы Григория IX в 1230 г. и папы Николая III в 1279 г.

Во «Второй легенде» Фомы Челанского есть эпизоды, которые показывают, как монахам Ордена следует вести себя с женщинами: избегать свободного общения с ними, а лучше вообще не смотреть на женщин и ограничиваться духовными беседами во время исповеди [10, с. 427–429]. В одном эпизоде Франциск говорит братьям, что посещать с проповедью «святых служанок Христовых» положено тем, братьям, которые делают это неохотно, а не тем, которые сами вызываются на эту миссию. Францисканцам приписывалось всегда остерегаться искушения, контактируя с женщинами даже с монахинями. Сам святой Франциск однажды вместо проповеди клариссинкам совершил акт публичного покаяния, посыпав голову пеплом [10, с. 503–505]. Этот мотив продолжается в «Большой легенде» Бонавентуры и через предостережения о том, что даже взгляд на женщину является «причиной смерти многих», и через эпизоды борьбы Франциска с плотскими искушениями [10, с. 564–566].

С другой стороны, в мировоззрении Франциска прослеживаются явные отголоски рыцарской культуры, в которой он был воспитан. В его Ордене была принята рыцарская терминология и рыцарские ритуалы. Биографы называли Франциска «отважнейшим воином Иисуса Христа», монахов орде-

на – «воинами» и «рыцарями» [10, с. 66, 201, 230]. Куртуазное воспитание побуждало Франциска почитать женщин на расстоянии, представлять их Дамами, чтобы прославлять по канонам провансальской литературы. В обращении с клариссинками Франциск оставался рыцарем, называя сестер «мои госпожи», – именно так было принято в песнях трубадуров и рыцарских романах. Женское начало ценилось святым через аллегории «Леди Бедность» и «бедные Дамы» [14, р. 85].

Францисканцам запрещалось иметь какие-либо отношения или разговоры с женщинами, если только они не касались духовных вопросов [13, с. 97, 135]. Однако, взяв на себя пасторские функции, монахи нищенствующих орденов на регулярной основе принимали исповеди и становились личными духовниками, что приводило к тесному взаимодействию со множеством женщин. Для средневекового духовенства было обычной практикой обращаться к женам, чтобы те повлияли на своих мужей и склонили их к определенному поведению. Например, при дворе великого князя литовского Гедимина францисканские монахи получали доступ к информации о скрытых намерениях и дипломатических играх князя через женщин, приближенных к княгине [15]. Также и будущий первый виленский епископ, монах францисканец Андрей Ястржембец имел большое влияние при Краковском дворе, являясь секретарем и духовником королевы Елизаветы, матери будущей королевы Ядвиги. Андрею приписывают и заслугу склонения Ядвиги к браку с Ягайло [16, s. 36–48].

Такие тесные контакты с противоположным полом, обусловленные к тому же и присвоением монахами функций клириков, использовались противниками нищенствующих орденов для их критики. Английский священник Джон Уиклиф в своих трактатах «О церкви» и «О богохульстве» особенно критиковал непристойное поведение францисканцев: по его словам, они соблазняли женщин во время исповеди. Немецкий каноник Конрад Мегенбергский также обвинял нищенствующих монахов в использовании исповеди в качестве прикрытия для греха [8, р. 124–125].

Женщины не только принимали участие в религиозной жизни, но и вносили значительные пожертвования на поддержку францисканских монастырей, что подтверждается документами Виленского Капитула. Начиная с конца 1420-х гг. землевладельцы и мещане Великого Княжества Литовского регулярно одаривали францисканские монастыри. В большинстве случаев в качестве дарителей выступают не только мужчины, но и их жены (Матей Волох с женой Доротой, Александр Мунтхольт с женой Еленой, Мартин Мацейович с женой, Васьо Сакович с женой Милохной, Ян Конюх с женой Маргаритой) [17, s. 113, 190, 192, 202, 209]. А одно из двух наиболее крупных пожертвований за период XV в. (имение со всеми землями, водами, зависимым населением) было сделано в 1452 г. Магдаленой – вдовой господина Ягинта [17, s. 240–241].

Таким образом, женщины не только следовали духовным наставлениям, но и оказывали влияние на церковь через пожертвования, политические связи и личное участие в монастырской жизни. Взаимодействие францисканцев с женщинами было строго регламентировано: становясь духовниками женщин, монахи опасались близкого контакта, который мог привести к нарушению обетов. Всё больше даже в монахинях видели не столько «святых сестер», сколько очередное искушение. С другой стороны, францисканцы, исполняя пасторские функции, решали духовные задачи Ордена и получали возможности приобщиться к политическим и дипломатическим процессам через опосредованное женское влияние на мужчин.

Орден святой Клары стал примером того, как женщины могли повлиять на развитие духовных движений. Во многом именно Клара Ассизская основала монастырскую (оседлую) форму францисканской бедности, в то время как Франциск и братья представляли странствующую форму религиозной жизни. Мобильность или ее отсутствие стали решающим фактором в форме выражения нищенствования. Эти обстоятельства демонстрируют вклад, который своим примером и самим существованием внес Орден кларисс в сохранение жизнеспособности францисканского идеала, который Римская курия постепенно заключала в стены монастырей, пытаясь вписать в привычные церковные институты.

Женщины участвовали в поддержке францисканских монастырей не только как монахини, но и как благотворительницы. Они активно влияли на развитие монашеских общин через финансовую и имущественную помощь. Дарственные грамоты Великого Княжества Литовского свидетельствуют, что женщины жертвовали монастырям значительные средства, земельные владения и имущество, зачастую наравне со своими мужьями или даже самостоятельно.

Так, в становлении Францисканского ордена не последнюю роль сыграли женщины, что свидетельствует о том, что они, даже оставаясь вне церковной иерархии, оказывали влияние на религиозные институты как через духовное участие, так и через материальную поддержку. Стремление христианской церкви контролировать взаимодействия между полами, двойственный образ женственности и куртуазная традиция создавали сложную динамику отношений францисканцев с женщинами, где сочетались духовное руководство, почитание на расстоянии, ограниченный диалог и институциональные запреты.

Список использованных источников

1. *Мишаненкова, Е. А.* Средневековье в юбке / Е. А. Мишаненкова. – Москва: АСТ, 2022. – 368 с.
2. История женщин на Западе: в 5 т. / под общ. ред. Ж. Дюби [и др.]; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. – Санкт-Петербург: Алетей, 2009. – Т. 2: Молчание Средних веков. – 512 с.

3. The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe / ed. J. M. Bennett and R. M. Karras. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 626 p.
4. The Lady: Clare of Assisi: early documents / ed. R. J. Armstrong. – New York; London; Manila: New City Press, 2006. – 461 p.
5. Карсавин, Л. П. Очерки религиозной жизни в Италии XII – XIII вв. / Л. П. Карсавин. – Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова, 1912. – 900 с.
6. Moorman, J. A History of the Franciscan Order from its origins to the year 1517 / J. Moorman. – Oxford: the Clarendon press, 1968. – 655 p.
7. Le Goff, J. Saint Francis of Assisi / J. Le Goff. – London; New York: Routledge, 2004. – 159 p.
8. Erickson, C. The Fourteenth-Century Franciscans and their Critics / C. Erickson // Franciscan Studies. – 1975. – Vol. 35. – P. 107–135.
9. Szittyá, P. Kicking the habit: The campaign against the friars in a fourteenth-century encyclopedia / P. Szittyá // Defenders and critics of Franciscan life / ed.: M. F. Cusato, G. Geltner. – Leiden; Boston: BRILL, 2009. – P. 159–175.
10. Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская писания и биография / [Пер. О. Седаковой и др.]; под общ. ред. А. Вичини. – Кайшядорис: Типография им. А. Якштаса, 1996. – 1060 с.
11. Садченко, В. Н. Проявление феминизации в женском монашеском движении XIII в.: св. Клара и орден кларисс / В. Н. Садченко // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. – 2010. – № 3. – С. 101–113.
12. Francis of Assisi: early documents: in 3 vol. / ed.: J. Regis [et al.]. – New York; London; Manila: New City Press, 1999. – Vol. 1: The Saint. – 624 p.
13. Франциск Ассизский. Сочинения / ред. В. Л. Задворный. – Москва: Изд-во францисканцев – братьев меньших конвентуальных, 1995. – 288 с.
14. Dalarun, J. Francois et Claire. Masculin/Feminin dans l'Assise du XIIIe siecle / J. Dalarun // Medievales. – 1997. – № 16. – P. 83–95.
15. Послания Гедимины / подг. и пер. В.Т. Пашуто. И. В. Шталь. – Вильнюс: Минтис, 1966. – URL: http://pawet.net/library/history/bel_history/_miscellany/y_tg/Послания_Гедимины.html (дата доступа: 13.02.2025).
16. Staich, W. Chrzczciele Litwy / W. Staich. – Wilno: Wyd. OO. Franciszkanow, 1935. – 55 s.
17. Codex dyplomatyczny katedry i diecezji wilenskiej: 2 t. / wyd.: ks. J. Fijalek, W. Semkowicz. – Krakow: Pol. Akadem. Umiejetnosci, 1932. – T. 1. – 290 s.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

Д. О. Рубисов

Белорусский государственный университет;
Национальный исторический архив Беларуси, Минск

D. O. Rubisov

Belarusian State University;
National Historical Archives of Belarus, Minsk

УДК 322(474/476ВКЛ)(091)+271.22(470+571)-772(474/476ВКЛ)-9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ МИТРОПОЛИТОВ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.

TRANSFORMATION OF RELATIONS BETWEEN ORTHODOX METROPOLITANS AND SECULAR POWER IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE FIRST HALF OF THE XV CENTURY

Статья посвящена изменениям в положении высшей церковной иерархии Православной церкви в ВКЛ в первой половине XV в. Основное внимание уделяется основным стратегиям политики митрополитов во взаимоотношениях с великими князьями литовскими для достижения сохранения единства Киевской митрополии, а также изменениям статуса митрополитов в Великом Княжестве Литовском на протяжении первой половины XV в. Автор приходит к выводу, что к концу первой половины XV в. Православная митрополия потеряла политический вес и интерес для светской власти Великого Княжества Литовского, а статус митрополитов претерпел значительные изменения.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; Киевская митрополия; духовная иерархия Великого Княжества Литовского; Православная церковь; церковная история; великий князь литовский.

The article examines the changes in the position of the highest ecclesiastical hierarchy of the Orthodox Church in the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the 15th century. It focuses on the key political strategies of the metropolitans in their relations with the Grand Dukes of Lithuania aimed at preserving the unity of the Kyivan Metropolis, as well as the transformation of the metropolitans' status within the Grand Duchy during this period. The author concludes that by the end of the first half of the 15th century, the Orthodox Metropolis had lost its political significance and appeal to the secular authorities of the Grand Duchy of Lithuania, while the status of the metropolitans underwent significant changes.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Kyiv Metropolitanate; spiritual hierarchy of the Grand Duchy of Lithuania; Orthodox Church; church history; Grand Duke of Lithuania.

На протяжении первой половины XV в. статус высшей церковной иерархии Православной церкви в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) и её взаимоотношения с великими князьями подверглись существенным трансформациям. Эти изменения были обусловлены как кризисными явлениями, затронувшими христианский мир Западной и Восточной Европы

в первой половине XV в., так и переориентацией светской власти ВКЛ на взаимодействие с Католической церковью.

В историографии значительное внимание роли и положению митрополитов как в ВКЛ, так и в Великом Княжестве Московском (далее – ВКМ) уделяли дореволюционные церковные историки, такие как митрополит Макарий (Булгаков) [9] и проф. Е. Е. Голубинский [5], которые анализировали церковную политику преимущественно через призму церковной иерархии, с акцентом на личности митрополитов. В последние десятилетия XX – начале XXI в. в российской историографии проблематику взаимоотношений церковной иерархии и светской власти в ВКМ активно разрабатывали С. Н. Борисов [4] и Е. И. Малето [8]. В украинской и польской историографии исследованию роли митрополитов и их взаимодействию с великими князьями литовскими и польскими королями были посвящены труды А. Мироновича [16] и И. Скочиляса [15]. В белорусской историографии данный вопрос рассматривался в работах А. В. Любого [7] и Ю. Ю. Афанасенко [3].

Проблема трансформации взаимоотношений светской власти и высшей церковной иерархии, а именно митрополитов всея Руси, отражена в различного рода письменных источниках. В первую очередь это касается нарративных источников таких как Псковская и Никоновская летописи. Кроме того, данная проблема раскрывается в обширном корпусе актовых документов, посланий и постановлений соборов.

Сложные отношения между князьями северо-восточных княжеств, в первую очередь ВКМ и Княжества Тверского, и киевскими митрополитами Киприаном (1375–1406) и Фотием (1408–1431) в российской историографии были показаны Н. С. Борисовым [4]. Однако подробный разбор взаимоотношений киевских митрополитов с великим князем литовским Витовтом и королем польским Ягайло остался за рамками исследования. Более подробно данный вопрос рассматривался в работе А. Мироновича [16].

Стоит отметить, что стремление сохранить целостность Киевской митрополии проявлялось в политике митрополитов Киприана и Фотия в их отношениях с ВКЛ и Королевством Польским. При этом основная стратегия в отношениях с великим князем литовским и королем польским включала стратегию уступок, а также «давления», основанных на авторитете Константинопольского патриарха, с которым были связаны митрополиты.

В результате окончательного утверждения митрополита Киприана в 1389 г. главой всех епархий Киевской митрополии за границами его влияния оставалась Галицкая митрополия. До 1391 г. предстоятелем Галицкой митрополии являлся митрополит Антоний. Однако после смерти Антония сама митрополия в скором времени попала под влияние киевского митрополита. В результате стараний митрополита Киприана польскому королю Ягайло не удалось поставить своего кандидата в галицкие митрополиты.

Во многом главным рычагом в политике «давления» митрополита Киприана на польского короля служил Константинопольский патриарх, которому Киприан жаловался на неправомерную деятельность кандидата Ягайло на Галицкую митрополию. Уже с 1407 г. польский король был вынужден признать юрисдикцию «*metropolitanus Kioviensis et Haliciensis totiusque Russiae*». Митрополит Киприан именовал себя Галицким митрополитом уже с 1401 г., исполняя в начале XV в. также и святительские функции (назначение новых епископов) над галицкими епархиями [15, с. 211].

Однако митрополит Киприан использовал в отношении польского короля не только политику «давления». Так, попытку заключения церковной унии в 1396 г. можно трактовать как уступку киевского митрополита, сделанную Ягайло и Витовту во избежание конфликта со светской властью. Важно отметить, что этот тезис существовал и ранее в историографии, в частности в трудах М. Грушевского [6, с. 510].

Кроме того, стратегию уступок митрополит Киприан проводил и в отношении неугодных великому князю Витовту епископов. Под давлением великого князя митрополит Киприан в 1404 г. снял с кафедры тверского епископа Ефимия. По сведениям Никоновской летописи, причиной этого стали его отношения с татарами [12, с. 192]. Кроме того, как отмечает А. Миرونвич, с подачи Витовта митрополит Киприан посвятил попа Ивана Гоголя на Владимиро-Волынскую кафедру в 1404 г., а также заменил сторонника митрополита Пимена – смоленского епископа Киприана, посвятив на смоленскую кафедру Носона [16, с. 149–150].

После смерти Киприана великий князь Витовт послал в Константинополь своего кандидата в митрополиты – полоцкого архиепископа Феодосия. В то же время московская сторона передала решение вопроса избрания нового митрополита непосредственно Константинополю, где 1 сентября 1408 г. был избран грек Фотий на Киевскую митрополию. В 1409 г., практически ровно через год, митрополит Фотий прибыл в Киев [5, с. 361]. Возможно, во время пребывания на территории ВКЛ Фотий смог убедить великого князя Витовта принять его в качестве митрополита для ВКЛ [8, с. 65]. Вероятно, Фотий уговорил князя, пойдя на некоторые уступки. В частности, из окружного послания Витовта известно: «И мы не хотѣли были того принять Фотіа митрополита: и онъ нялся паки здѣ у насъ быти, церковь строити. И приняли было есьмо его на митрополию Кіевскую: и онъ тутю, на Кіеву, въ насъ не живаль, но больши пусто учинил» [2, с. 36].

По мнению Е. Е. Голубинского, скорее Фотий мог обещать чаще приезжать в ВКЛ, нежели перенести свою резиденцию обратно в Киев [5, с. 362]. На территории ВКЛ митрополит пробыл несколько месяцев и уже в 1410 г. прибыл в Москву.

Сохранение единства Киевской митрополии являлось также одной из целей нового киевского митрополита Фотия, который, пользуясь поддержкой

Константинопольского патриарха, отстаивал его интересы [4, с. 139–140]. Однако удержать единство митрополиту не удалось. Сложившаяся ситуация в Католической церкви вполне способствовала началу переговоров об объединении церквей на Констанцском соборе (1414–1418). В этом отношении митрополит Фотий оказался вне рамок политической борьбы в ВКЛ.

Важно отметить, что в историографии сложились различные точки зрения на причины разрыва отношений между Витовтом и Фотием. Традиционной можно считать позицию, согласно которой недовольство великого князя литовского вызвала политика митрополита Фотия, направленная на поддержку возвышения Москвы [16, с. 168; 8, с. 71–72]. Однако, по словам Н. С. Борисова: «Балансируя на шатком основании общерусской митрополии, Фотий избегал открытых выступлений в поддержку московских князей» [4, с. 140].

Предлогом для разрыва отношений между митрополитом Фотием и Витовтом послужили, как отмечает Е. Е. Голубинский, «наговоры» на Фотия великому князю литовскому со стороны бежавших в ВКЛ противников митрополита [5, с. 363–364]. Как повествует Никоновская летопись: «от начала митрополиты всеа Русии стол имеяху Киев, ныне ж Киев ни во что же положиша и вся из него преносят в Москву, и се ныне Фотей митрополит все узорочие церковное и сосуды преносят на Москву и весь Киев и всю землю пусто сотвори тяжкими пошлинами и даньми великими и неудобь носимыми» [12, с. 223].

Разрыв отношений между Витовтом и Фотием в первую очередь предполагал создание в ВКЛ отдельной церковной структуры. Во главе её стал митрополит Григорий Цамблак, избранный на Новогрудском соборе в 1415 г. Возможно, в планах Витовта митрополия могла не ограничиваться только ВКЛ и коронными епархиями, но также являться инструментом влияния на северо-восточные княжества [8, с. 73]. Известны, например, послания Витовта и митрополита Григория, адресованные тверскому князю [3, с. 117–122].

Как отмечает А. Миронович, разрыв отношений между великим князем Витовтом и митрополитом Фотием укрепил влияние светской власти на церковную иерархию [16, с. 171]. Однако основанная Литовская митрополия не просуществовала долго. По возвращении с Констанцкого собора митрополит Григорий Цамблак, вероятно, умер в 1419/1420 гг.

Основанием для восстановления Киевской митрополии послужили политические изменения в Восточной Европе. В 1420 году умер великий князь московский Василий I. Регентом при его малолетнем сыне Василии II и вдове Софье Витовтовне, согласно завещанию Василия I, стал великий князь Витовт [16, с. 176]. Для укрепления своего влияния с 1420 г. великий князь Витовт нормализует отношения с Фотием, который с этого момента вновь исполняет обязанности митрополита для литовских и галицких епархий.

Значительные изменения во взаимоотношениях митрополита и монарха ВКЛ произошли в конце 30-х – начале 50-х гг. XV в., после смерти и монарха, и иерарха. Великий князь Свидригайло направил своего кандидата на Киевскую митрополию на утверждение Константинопольскому патриарху – смоленского епископа Герасима. Короткий период предстоятельства митрополита Герасима продемонстрировал схожую с митрополитом Григорием Цамблаком политическую роль иерарха: посредника в переговорах о церковной унии между Востоком и Западом, вопрос о которой был поднят на Базельском соборе (1431–1449) [10, с. 158–159]. В этом отношении политика митрополита совпадала с политическим вектором светской власти, поскольку открытый вопрос о церковной унии позволял великому князю Свидригайло решать через наличие митрополита свои политические задачи [7, с. 196]. Однако предстоятельство митрополита оборвалось в результате конфликта с монархом. В итоге, как повествует Псковская летопись, митрополит был сожжён в 1435 г. в Витебске [11, с. 209].

В то же время основное качественное изменение в отношениях митрополита и великого князя произошло после смерти Герасима. Во многом причиной стало подписание киевским митрополитом Исидором акта Флорентийской церковной унии в 1439 г., а также последующие изменения в Восточной Европе, связанные с подписанием данного акта. Стоит отметить, что митрополит Исидор в 1437 г. был поставлен Константинопольским патриархом на Киевскую митрополию всея Руси. Недолго задерживаясь в своих западных епархиях, митрополит Исидор, при поддержке московского великого князя, уже в 1438 г. отправляется на Ферраро-Флорентийский собор, где подписывает акт унии между христианскими церквями.

Важно отметить, что, в отличие от пути на собор, обратный путь Исидора проходил через Польское королевство и ВКЛ. В 1440 г. митрополит Исидор, назначенный папой легатом и кардиналом, прибыл в подчинённые ему западные епархии. По дороге в ВКЛ он встретился в венгерской Буде с польским королём Владиславом и издал пастырское послание для всей подчинённой ему митрополии [7, с. 200].

Пребывание Исидора в ВКЛ вызывает споры в историографии, особенно в вопросе о том, насколько реально могло состояться принятие церковной унии в Княжестве. Во всяком случае, его позиция не совпадала с официальной позицией Рады ВКЛ, где главенствующую роль при малолетнем Казимире Ягеллончике играл виленский бискуп Матей – сторонник Базельского собора и противник папы Евгения IV [13, с. 125].

Более того, церковная уния не была принята в ВКМ. Митрополит Исидор был посажен под арест московским князем, а впоследствии бежал через Балтийское море в Западную Европу. Его бегство коренным образом изменило ситуацию в отношениях между светской властью и митрополией в Восточной Европе. В первую очередь изменения затронули статус митро-

полита в системе светской власти. В 1448 г. в Москве был избран митрополитом рязанский епископ Иона.

Избрание митрополита Ионы во многом стало переломным моментом в истории церкви в ВКЛ, где ещё несколько лет сохранялось влияние Исидора. Важно подчеркнуть, что, как отмечает Н. С. Борисов, новый митрополит Иона в большей степени являлся представителем интересов великих князей московских [4, с. 156–160]. При этом те изменения во взаимоотношениях светской власти и церковной иерархии в ВКЛ, которые последовали за собором 1448 г., ещё сохраняли международный статус митрополита.

Так, с окончанием войны между ВКЛ и ВКМ в 1446–1448 гг. и попытками Казимира Ягеллончика посадить своего кандидата в Москве, между Вильно и Москвой был подписан мирный договор в 1449 г. Результатом этого мирного договора стало также принятие московского митрополита Ионы в качестве митрополита для епархий ВКЛ [16, с. 180].

Окончательно московского митрополита Казимир Ягеллончик принял позже. 31 января 1451 г. великий князь и Рада ВКЛ в своей грамоте утвердили Иону новым митрополитом. Как подчёркивалось в тексте самой грамоты, этому постановлению предшествовали переговоры Казимира Ягеллончика с московским князем Василием II: «гадавшие и добръ смотривше съ нашимъ братомъ, великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ» [14, ст. 564].

Являлось ли это признание чисто светским актом – сказать сложно. В выданном Казимиром Ягеллончиком и Радой ВКЛ документе выражается наставление епископам признать власть митрополита Ионы: «Про то же князи наши, и епископы, и бояре, и орхимандриты, и игумены, и попове, и діякони, и иноци, и вси причетници церковнии, и вси посполитеи народы християнства рускаго, имѣйте и чтите его, и послушни будете въ духовныхъ правѣхъ того митрополита, отца нашего Ионы, какъ первобывшихъ митрополитовъ» [14, ст. 565]. Возможно, уже по факту признания Казимиром Ягеллончиком митрополита Ионы, свои исповедания передали епископы ВКЛ московскому митрополиту [1, с. 315].

С утверждением своей власти над литовскими епархиями митрополии Всея Руси митрополит Иона также утверждал новых епископов, лично посещал епархии в ВКЛ и ставил своих наместников [1, с. 316–319]. Однако можно предположить, что, начиная с митрополита Ионы, возможности и статус митрополичьей власти в ВКЛ значительно изменились [6, с. 416]. Так, Казимир Ягеллончик не стал следовать примеру Ягайло и передавать московскому митрополиту в управление Галицкую митрополию, о которой митрополит просил в своём обращении к Казимиру [1, с. 315–316].

Кроме того, как отмечает М. Булгаков, Казимир Ягеллончик в обход митрополита поставил своего кандидата, архимандрита Калиста, на Полоцкую кафедру [9, с. 29]. Как подчеркивает О. А. Абеленцева, послание, отправленное архимандритом Калистом к московскому митрополиту, фиксирует

сложившуюся в ВКЛ традицию постановления епископов, связанную с обязательством утверждения кандидатов непосредственно на территории литовских епархий, а также с одобрением кандидата королём и князьями [1, с. 318].

Митрополит Иона стал последним общим митрополитом для западных и северо-восточных епархий. В 1458 г. папа Римский и униатский патриарх Григорий Мамма поставили отдельного митрополита для Киевской митрополии – Григория Болгариновича. Однако, вероятно, из-за отсутствия поддержки новгородского и тверского епископов великий князь Казимир Ягеллончик не стал утверждать власть митрополита Григория Болгариновича в северо-восточных княжествах, как рекомендовалось папой Каликстом III и патриархом Григорием Маммой [10, с. 200].

С утверждением Григория Болгариновича митрополитом над епархиями ВКЛ и коронными епархиями Польши завершается не только долгий процесс разделения Киевской митрополии, но и заканчивается период особой политической роли митрополита в ВКЛ. Несмотря на переход Ягайло и Витовта в католичество, в первой половине XV века митрополиты сохраняли значительный вес в политической жизни Восточной Европы. В первую очередь это касалось взаимоотношений ВКЛ и ВКМ, в переговорах которых митрополиты зачастую выступали в роли медиаторов. При этом особую роль играли те высшие церковные иерархи, которые опирались на авторитет Константинопольского патриарха.

Со смертью митрополита Григория Болгариновича (1458–1473) в ВКЛ изменяется сама процедура избрания митрополитов. Прежде всего, преемники Григория в основном происходят из среды духовенства ВКЛ. Во второй половине XV века закрепляется новая для Княжества практика: митрополиты избираются на местных элекционных соборах, в которых наряду с духовенством участвуют и светские лица, включая князей. Возрастает значение института «ктиторства» монарха, поскольку каждый новый митрополит утверждается великим князем литовским. После смерти Григория Болгариновича Литовская митрополия возобновляет связи с Константинопольским патриархатом. Однако во второй половине XV в. утверждается принцип, согласно которому патриарх Константинополя является лишь последней инстанцией, утверждающей уже фактически выборного в ВКЛ митрополита.

Важно отметить, что политическая власть ВКЛ не всегда учитывала долгосрочные последствия сохранения самостоятельной православной митрополии. В ряде случаев монархи шли на компромиссы, жертвуя институтом независимого иерарха ради краткосрочных внешнеполитических выгод. Так, в 1410 и 1448 гг. династия Гедиминовичей-Ягеллонов предпочла ликвидировать самостоятельность митрополии в обмен на решение военных задач на западных границах ВКЛ.

Список использованных источников

1. *Абеленцева, О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 Отечественная история / О. А. Абеленцева; научный руководитель Ю. Г. Алексеев; Санкт-Петербургский институт истории. – Санкт-Петербург, 2002. – 402 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846–1853. – Т. 1. – 1846. – 419 с.
3. *Афанасенко, Ю. Ю.* Новогрудский собор 1415 г. в церковной политике великого князя Витовта / Ю. Ю. Афанасенко // *Studia Historica Europae Orientalis*: научный сборник / Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Кафедра историко-культурного наследия Беларуси. – 2015. – Вып. 8. – С. 91–122.
4. *Борисов, Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков / Н. С. Борисов. – Москва: Издательство МГУ, 1986. – 205 с.
5. *Голубинский, Е.* История Русской Церкви: в 2 т. / Е. Голубинский. – Т. 2. Ч. 1. Период второй, московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. – 1900. – 919 с.
6. *Грушевський, М.* Історія України-Руси: в 10 т. / М. Грушевський – Т. 5: Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII в. – Нью-Йорк: Видавниче Товариство «Книгоспілка», 1955. – 687 с.
7. *Любы, А. Ул.* Улада і канфесіі на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага ў перыяд падрыхтоўкі і заключэння Фларэнтыйскай уніі / А. Ул. Любы // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. Вып. 6 (11) / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2008. – С. 193–202.
8. *Малето, Е. И.* Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV – середине XV в. / Е. И. Малето. – Москва: Центрполиграф, 2018. – 223 с.
9. Митрополит Макарий (Булгаков) История Русской Церкви: в 12 т. / митрополит Макарий (Булгаков). – Санкт-Петербург: Типография Юлия Анд. Бограма, 1870. – Т. 6. – 396 с.
10. *Мончак, І.* Флорентійський екуменізм у Київській Церкві: Унійна ідея у помісній еклесіяльній традиції / І. Мончак. – Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2012. – 364 с.
11. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1841–1921. – Т. 4. IV. V Новгородская и Псковская летописи. – 1848. – 360 с.

12. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1841–1921. – Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью [продолжение под ред. С. Ф. Платонова]. – 1897. – 254 с.

13. Рубисов, Д. О. Взаимоотношения православной и католической конфессий на территории Великого Княжества Литовского в XV в.: роль соборного движения в отношении к унии / Д. О. Рубисов // Научные труды Республиканского института высшей школы: сб. науч. ст. / редкол.: В. А. Гайсёнок, И. Н. Сидоренко [и др.]. – Минск, 2024. – С. 121–128.

14. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией: в 39 т. – Санкт-Петербург, 1872–1927. – Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. – 1908. – 1472 с.

15. *Скочиляс, І.* Галицька (Львівська) єпархія XII–XVIII століть: організаційна структура та правовий статус / І. Скочиляс. – Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2010. – 832 с.

16. *Mironowicz, A.* Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów / A. Mironowicz. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2003. – 309 s.

(Дата подачі: 25.02.2025 г.)

Г. М. Рутіч

Республиканский институт высшей школы, Минск

G. M. Rutich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 372.83

СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

THE FORMATION OF SCHOOL SOCIAL STUDIES IN RETROSPECTIVE VIEW

В статье представлен исторический обзор становления обществоведения как учебного предмета в учреждениях общего среднего образования. Динамика развития и преподавания предмета указывает на особенности школьного обществоведческого образования как важного компонента формирования мировоззрения учащихся, которое в значительной степени зависит от государственной образовательной политики, определяющей содержательный и методологический аспект обществоведения.

Ключевые слова: система образования; предметы социально-гуманитарного цикла; школьное обществоведение; интегративный характер; учебные пособия; учебные программы; история учебного предмета; учебно-методический комплекс; методология обществознания.

The article presents a historical survey of the formation of social studies as an academic subject in institutions of general secondary education. The dynamics of the development and teaching of the subject points to the peculiarities of school social science education as an important component of the formation of students' worldview, which largely depends on the state educational policy, determining the substantive and methodological aspect of social studies.

Keywords: education system; social and humanitarian subjects; school social studies; integrative nature; textbooks; curricula; history of the subject; educational and methodological complex; methodology of social studies.

Глобальные экономические вызовы и социально-политические преобразования определяют стратегические задачи нашего государства, направленные на рост конкурентоспособности, стабильности и устойчивости всех сфер жизнедеятельности. Для решения этих задач необходимо создать экономическую модель, основанную на инновационных подходах, которые будут способствовать динамичному развитию и адаптации к изменяющимся условиям. При этом интеграция образовательных инициатив с экономическими и социальными стратегиями позволит эффективно реагировать на вызовы времени. Институциональной основой экономики выступает система образования [1, с. 2], доступная и качественная, которая учитывает развитие основных тенденций мирового образовательного пространства, отвечает принципам устойчивого развития и национальным интересам страны [2, с. 3].

Отметим, что система образования в Республике Беларусь, в первую очередь, рассматривается как институт социализации молодежи, который позволяет обучить и воспитать личность, сформировать ее мировоззрение, кругозор и широкую эрудицию [1, с. 12].

В то же время, как и во многих зарубежных странах, в Беларуси наблюдается кризис воспитания, который обострился в связи с политическими и социально-экономическими явлениями, изменением статуса и функции семьи. В молодежной среде наблюдаются новые жизненные стратегии: индивидуализм и прагматизм, складываются новые запросы, которые отражают бытие перманентно развивающегося современного мира. Кризис воспитания влечёт за собой угрозу формирования нежелательных черт возрастающей личности: социальная зависть, агрессивность, низкий уровень культуры общения, нетерпимость по отношению к противоположным взглядам и мнениям [1, с. 12]. Также очевидны проблемы: недостаточный уровень участия молодёжи в разнообразных формах общественно-политической жизни; отрицание молодыми гражданами основ семейной жизни; недостаточно сформированный у молодёжи уровень информационной безопасности в сети Интернет; проявление социально опасного и различных форм рискованного поведения молодежи [2, с. 28]. Для устранения данных противоречий в школах проводится целенаправленная работа.

Один из этапов (2021–2025 гг.) реализации Концепции образования до 2030 г. предусматривает на постоянной основе совершенствование учеб-

ных пособий, с целью обеспечения идеологического и воспитательного наполнения процесса обучения [1, с. 21], а также расширение круга материально-технических, творческих и правовых условий для удовлетворения запросов молодого поколения в самопознании и саморазвитии, формирования у молодежи современных компетенций, востребованных рынком труда и обществом [1, с. 30].

«Обществоведение» как предмет социально-гуманитарного цикла способствует формированию патриотизма, гражданского самосознания и ответственной социальной позиции, опыта конструктивного общения, сотрудничества и взаимопонимания [3, с. 2]. Интегративный характер предмета, построенный на базе таких наук, как социология, экономика, политология, юриспруденция, культурология, психология и философия, позволяет содействовать повышению уровня духовно-нравственной, политической и правовой культуры учащихся.

Возникает вопрос, как происходил процесс создания и совершенствования школьного образования в области обществоведения?

Г. Ф. Гурдина в своей работе предложила теоретическую периодизацию истории развития обществоведения в России, выделив четыре ключевых этапа, что позволило систематизировать эволюцию обществоведческой мысли, учитывая исторические и социально-политические контексты. Например, четвертый период (конец 1980-х – до настоящего времени) связан с трансформацией обществоведения в условиях постсоветского периода, включая переосмысление его роли и методологии в контексте глобальных изменений [4, с. 30].

В основе образовательной системы Советского Союза выступали постулаты марксистской идеологии, а составляющая обществоведческого курса определялась основными политическими концептами Коммунистической партии.

В постсоветском пространстве стала складываться новая система образования, в том числе обусловленная изменениями социально-политической системы и в Республике Беларусь. Необходимо указать на кардинальные изменения в технологиях, а также вхождение в повседневную жизнь компьютеров. Информатизация и цифровая трансформация общества потребовали от людей гибких компетенций. В рамках развития белорусской государственности вышеуказанные причины дают основание четвертый период истории развития предмета «Обществоведение» определить как конец 1980-х – конец 1990-х гг. и выделить пятый – 2000 г. – до настоящего времени.

С приходом советской власти до 1920-х гг. наметился процесс становления обществоведения как учебной дисциплины. Синтез таких дисциплин, как политэкономика, социология, история социализма, Советская Конституция, составили основу учебных планов.

Термин «обществоведение» впервые был напечатан в 1921 г. в программах для семилетней школы. Принципы построения курса основывались на социологическом понимании структуры общества. Однако уже с 1925 г. школы стали использовать новую программу по обществоведению.

С седьмого класса средней школы учащиеся стали изучать в 1937/1938 учебном году Конституцию СССР. И это был самостоятельный предмет. В середине 50-х гг. XX в. государство поставило в приоритет подготовку учащихся выпускных классов к производительному труду, что привело, в свою очередь, к уменьшению часов на предметы гуманитарного цикла. Поскольку общественные науки формировали коммунистическое мировоззрение учащихся, то им придавалось существенное значение. Курс «Конституция СССР» в 1958 г. был перенесён в десятый класс, его дополнили информацией из гражданского, трудового, колхозного, семейного и уголовного права.

Новые обществоведческие дисциплины: логика и психология – были введены в образовательные учебные планы в 1947/1948 учебном году, но в середине 1950-х гг. их исключили, объясняя такое решение перегрузкой учебных планов и отсутствием полноценных учебников, неподготовленностью большинства учителей [5, с. 155].

Учебник «Обществоведение» с одноимённым названием школьного курса для учащихся старших классов средних школ был издан в 1963 г. Его авторами стали А. Д. Боборыкин, Ю. А. Красин, В. В. Суходеев, О. Н. Писаржевский, А. М. Лушников. Редактором учебника был Г. Х. Шахназаров – заведующий отделом журнала «Политическое самообразование» [5, с. 157]. Разумеется, что в структуру и содержание обществоведения была положена Программа КПСС, основной целью которой было строительство коммунизма на 1961–1980 гг. [6].

В период «оттепели» и в последующее время обществоведение рассматривалось как способ воспитания молодежи в духе коммунистической идеологии и морали, поэтому после решений съездов, пленумов ЦК в учебные программы вносились изменения.

В 1980-е гг. два новых курса: «Основы советского государства» и «Этика и психология семейной жизни» – дополнили обществоведение. В условиях перестройки произошли изменения, а также переоценка идеологических стереотипов прошлых лет. В преподавании обществоведения обозначились недостатки, связанные с отрывом от существующей действительности, а также недооценка серьёзности назревавших проблем [4, с. 32]. В конце 1980-х гг. стало понятным, что содержание обществоведения устарело и не отражает реальную социальную жизнь.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев дал следующую оценку ситуации: «Обществоведы не предложили пока ничего цельного. Политэкономия социализма застряла на привычных понятиях, оказалась

не в ладах с диалектикой жизни. Отстают от потребностей общественной практики философия и социология. Основательная перестройка предстоит исторической науке» [7, с. 10].

Целые поколения советских людей изменили мировоззренческую и ценностную доктрину. Ожидание перемен во всех сферах деятельности человека оказало влияние на проявление интереса к экономической науке, а также социологии. На конференциях и в печати стали публично обсуждаться актуальные социальные и экономические проблемы.

Пленум ЦК КПСС в феврале 1988 г. поставил вопрос о перестройке средней и высшей школы, указал партийным организациям задачи по её реализации. По-прежнему обращали внимание на приоритет коммунистического воспитания, гуманизацию и демократизацию образования. Особое внимание уделялось политической и правовой культуре молодежи [8, с. 12].

В условиях формирования многопартийности в конце 1980-х годов было предложено провести деидеологизацию образовательного процесса.

Программа общеобразовательной школы выделяла 370 ч на изучение обществоведческих дисциплин в 8–10 классах. Из этого объема 63 % (234 ч) отводилось на изучение истории, 18 % (68 ч) – на обществоведение, 9 % (по 34 ч) предусматривалось для изучения основ Советского государства и права, этики и психологии семейной жизни [8, с. 17]. Однако содержание многих учебников концептуально устарело и не могло отвечать запросам общества, например, «Основы правовых знаний» под редакцией С. С. Алексеева, а также «Советское право» под редакцией Н. А. Сыроедова. Попытка модернизировать обществоведение в 1986–1987 гг. с учётом новых политических реалий, как и пособие Ф. М. Бурлацкого, Ю. А. Красина, А. А. Галкина, Э. П. Плетнёва, не дали положительных результатов и не смогли преодолеть «отрыв от жизни», сложности в преподавании возникали и у педагогической общественности [8, с. 21].

Переход к новому этапу реформы системы образования ознаменовал окончание «брежневской эпохи», а также смену политического руководства страны. В условиях перестройки советского обществоведения решающее значение приобретало решение проблем с кадрами.

Стоит отметить, что в этот период менялась парадигма общественного сознания и первостепенными стали выступать идеи гуманизма, демократии, вариативности образования, гласности, плюрализма.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов под руководством Л. Н. Боголюбова в лаборатории изучения обществознания ИСМО РАО разрабатывался новый курс обществоведения, который был призван отражать актуальные явления и процессы в контексте изменяющейся геополитической обстановки.

В сфере социально-гуманитарного образования А. Т. Кинкулькин и Л. Н. Боголюбов обладали значительным опытом, что позволило им

привлечь методические и педагогические знания таких специалистов, как А. Ю. Лазебникова, Л. Ф. Иванова, Э. Н. Егорова и Е. И. Жильцова. В лабораторию также успешно интегрировались молодые специалисты, такие как И. Н. Сухолет и Ю. Е. Соколов. В результате был создан новый научный коллектив, которому была поставлена задача оперативно разработать программу курса по обществоведению для старшей школы. Первое учебное пособие для учащихся «Основы современной цивилизации», подготовленное под редакцией Л. Н. Боголюбова и А. Ю. Лазебниковой, было опубликовано в начале 90-х годов [9, с. 80]. Однако тираж нового учебного пособия оказался небольшим.

Несмотря на использование простых методических приёмов, содержание учебника кардинально отличалось от издания, подготовленного под редакцией Г. Х. Шахназарова по методологическим подходам к отбору материала и его интерпретации в условиях изменившейся общественно-политической жизни.

Одновременно Л. Н. Боголюбов (руководитель), А. Ю. Лазебникова, Л. Ф. Иванова, Е. И. Жильцова, Э. Н. Егорова, А. И. Матвеев приступили к разработке курса для учащихся 8-х и 9-х классов. Вместе с тем необходимо было пересмотреть собственные взгляды и оценки, марксистско-ленинские установки, развенчать сложившиеся стереотипы, убедить консервативную педагогическую среду в необходимости и практической значимости нового курса.

В 1992 г. было выпущено новое учебное пособие «Человек и общество» для восьмиклассников, которое было издано в Минске на белорусском и русском языках.

В середине 90-х гг. для учащихся 8–9 классов вышло учебное пособие «Введение в обществознание», тематические разделы [9, с. 83] которого стали основополагающими для предмета. Они позволяли обеспечить связи с другими предметными областями, например, историей, географией, литературой, а также актуализировать ранее полученные знания. Отметим, что коллектив авторов обосновал и практически показал реализацию совершенно нового подхода к планированию освоения содержания учебного курса. На выполнение учебного плана по обществоведению на базовом уровне отводилось 34 урока в год. Учебник содержал только 15–16 параграфов [9, с. 83]. Данный подход давал возможность педагогам по-новому организовывать учебный процесс, проводить практикумы, работать с источниками, приобщать учеников к творческим заданиям и проектам.

Постепенно менялся, с учётом экспериментальной деятельности, методический аппарат учебников, который включал когнитивные задания, опирался на социальный опыт учащихся, позволял анализировать актуальные вопросы. К сожалению, в учебниках почти не было иллюстраций, однообразными были шрифты.

На рубеже веков, как оказалось, весьма сложно было отстаивать интегративный подход к отбору и структуре содержания курса по обществоведению, что могло разрушить комплексное получение обществоведческих знаний, а также понимание учащимися взаимообусловленности различных сторон жизни общества.

В 2004 г. в России был принят Государственный образовательный стандарт основного и среднего образования. Лаборатория во главе с Л. Н. Боголюбовым привлекла новых специалистов и позволила модернизировать учебники и учебно-методические комплексы, начиная с пятого класса под общим названием «Обществознание».

Современная линейка учебников, созданная в 2011 г. под руководством Л. Н. Боголюбова, продолжает активно применяться в образовательном процессе. Учебные материалы, разработанные коллективом лаборатории под его руководством, успешно реализовали инновационную методологическую модель преподавания обществоведения, что подтверждает их актуальность и эффективность. Н. Ю. Басик, Е. И. Жильцова, Т. Е. Лискова посвятили диссертационные исследования важным компонентам изучения нового интегрированного курса о человеке. А. Ю. Лазебникова успешно защитила первую докторскую диссертацию в 2001 г., где объектом исследования стали методологические и методические проблемы изучения школьного обществознания.

Основные принципы (интегральности, преемственности по уровням образования, концентризма, системности) школьного обществознания, а также теоретические основы предмета нашли отражение у сотрудников лаборатории в ряде монографий, например, Л. Н. Боголюбова, Н. И. Городецкой, О. А. Котовой, А. Ю. Лазебниковой [9, с. 89].

Общая методика по преподаванию обществознания в школе под руководством Л. Н. Боголюбова была издана в 2008 г.

Большое внимание характеристике и анализу системы обществоведческого образования, а также перспективам его развития в школах России на современном этапе было придано в работах Е. Е. Вяземского, Т. И. Тюляевой, С. И. Козленко, И. А. Протасовой и др. Н. В. Кузнецова рассмотрела обществоведческое образование в ракурсе практического формирования самоопределения учащихся.

Подготовка преподавателей обществознания и в целом развитие системы общественных наук нашли отражение в монографиях Т. А. Булыгиной.

Объектом исследования Л. Н. Боголюбова стало развитие школьного обществоведения на протяжении 50 лет советского периода, что стало предметом ряда публикаций в журнале «Обществознание в школе».

Несомненно, все работы представляют большое научное, практическое и педагогическое значение. Однако определение общих закономерностей становления обществоведения необходимо осуществлять по сегодняшний день.

В школах Республики Беларусь с 1992/1993 учебного года преподавался учебный курс «Человек и общество», который был разработан авторским коллективом под руководством Л. Н. Боголюбова. В рамках образовательной области «Обществознание» Министерством образования в 1999 г. был принят Стандарт «Человек и общество». Переход к изучению курса «Человек. Общество. Государство» (в экспериментальном варианте «Человек и мир. Гуманистика») начался в 1999/2000 учебном году. Предполагалось, что данный курс займёт ведущее место в системе школьного образования, обеспечивая мировоззренческую направленность каждого звена образовательного процесса [10, с. 153], так как являлся интегрированным курсом комплекса наук о человеке и обществе, в частности, психологии, социологии, политологии, экономической теории, этики, религиоведения, культурологии и правовой культуры.

В 1993 г. В. Н. Гирина защитила диссертацию по методике преподавания обществоведения. Основным объектом её исследования стал процесс формирования у учащихся 8–9 классов основополагающих знаний по проблеме человека в рамках курса «Человек и общество» [11, с. 3].

В 2008/2009 учебном году был введён новый учебный предмет «Обществоведение», что потребовало существенной переработки теоретической и экспериментальной частей исследования, которую провела Е. Т. Земнова во время изучения в средних школах курса «Человек. Общество. Государство» [12, с. 5].

Образовательный стандарт 2018 г. при изучении учебного предмета «Обществоведение» определяет приоритеты, связанные с формированием на третьей ступени у обучающихся системы социально-гуманитарных знаний о человеке, обществе и государстве во всём многообразии их взаимодействий, получением опыта творческой деятельности, развитием эмоционально-ценностных отношений, необходимых для успешной социализации выпускника и конструктивной коммуникации в современном мире [13, с. 126].

Таким образом, следует сказать, что преподавание учебного курса «Обществоведение» продолжает свое развитие с целью поиска такой модели социально-гуманитарного образования, которая будет отвечать современным вызовам и социальным запросам, актуализировать диапазон жизненных задач в различных областях деятельности и побуждать к конструктивному диалогу, мотивировать учащихся к продолжению образования на протяжении всей жизни. Важно подчеркнуть значимость учебных пособий, которые по-прежнему остаются основным источником знаний, следовательно, могут стать предметом исследовательского анализа. Данные аргументы определяют дальнейшие тенденции развития современного школьного обществоведческого образования в Беларуси.

Список использованных источников

1. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.11.2021 № 683 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100683> (дата обращения: 09.01.2025).
2. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 № 57 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100057> (дата обращения: 09.01.2025).
3. Учебная программа по учебному предмету «Обществоведение» для IX–XI классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, с русским языком обучения и воспитания (базовый уровень): [утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 19.08.2024 № 105 // Национальный образовательный портал. – URL: <https://adu.by/ru/homeru/obrazovatelnyj-protsess-2023-2024-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmety-v-xi-klassy/obshchestvovedenie.html> (дата обращения: 14.10.2024).
4. Гурдина, Г. Ф. Преподавание обществоведческого знания в России: исторический аспект / Г. Ф. Гурдина // Студенческий вестник: электрон. научн. журн. – 2020. – № 2(100). – URL: <https://studvestnik.ru/journal/studherald/100> (дата обращения: 19.01.2025).
5. Тимофеева, Е. Г. Государственная политика в сфере обществоведческого образования советской молодёжи: исторический опыт 50–60-х гг. XX в. / Е. Г. Тимофеева // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2004. – № 3. – С. 154–159. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-obschestvovedcheskogo-obrazovaniya-sovetskoy-molodezhi-istoricheskiy-opyt-50-60-h-gg-xx-v/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).
6. Тюленева, В. А. Роль первых советских учебников обществознания в постиндустриальном обществе / В. А. Тюленева // Материалы XIII Междунар. студ. науч. конф. «Студенческий научный форум». – URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018024722> (дата обращения: 05.01.2025).
7. Горбачёв, М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира / М. С. Горбачёв. – Москва: Политиздат, 1988. – 63 с. – URL: <https://litlife.club/books/267065/read?page=63> (дата обращения: 02.02.2025).
8. Костюченко, И. Ю. Модернизация гуманитарного образования в условиях перестройки / И. Ю. Костюченко // Государственное управление. Электронный вестник. – Вып. № 34. – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-gumanitarnogo-obrazovaniya-v-usloviyah-perestroyki/viewer> (дата обращения: 02.02.2025).

9. Лазебникова, А. Ю. Как создавалось современное школьное обществознание / А. Ю. Лазебникова, Л. Ф. Иванова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2018. – Т. 2, № 1(47). – С. 79–90. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-sozdavalos-sovremennoe-shkolnoe-obschestvoznanie/viewer> (дата обращения: 28.12.2024).

10. Козикова, И. А. Источники правовых знаний школьников: приоритеты и возможности использования в учебно-воспитательном процессе / И. А. Козикова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. – 2004. – № 2–3 (18). – С. 152–156. – URL: <http://libr.msu.by/handle/123456789/14499> (дата обращения: 19.10.2024).

11. Гирина, В. Н. Формирование базовых знаний по проблеме человека в курсе «Человек и общество» VIII–IX класс: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / В. Н. Гирина; Моск. гос. пед. ин-т. – Москва, 1993. – 23 с. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000128524?page=17&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 20.12.2024).

12. Корзюк, А. А. Навуковая школа даследванняў у галіне тэорыі і метадыкі навучання гісторыі ў Рэспубліцы Беларусь / А. А. Корзюк // Весці БДПУ. Серыя 2. – 2010. – № 4. – С. 3–6. – URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/765> (дата обращения: 19.10.2024).

13. Об утверждении образовательных стандартов общего среднего образования: [утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 26 декабря 2018 г. № 125 // Национальный образовательный портал. – URL: <https://adu.by/ru/homeru/obrazovatelnyj-protsess-2023-2024-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/obrazovatelnye-standarty-obshchego-srednego-obrazovaniya.html> (дата обращения: 20.10.2024).

(Дата подачи: 21.02.2025 г.)

А. Ф. Самусік

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. F. Samusik

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 37(476)(091)“15-17”

АДЛЮСТРАВАННЕ ГІСТОРЫІ АЙЧЫННАЙ АДУКАЦЫІ Ў МЕМУАРНАЙ ЛІТАРАТУРЫ XVI–XVIII СТАГОДДЗЯЎ

ILLUSTRATION OF THE HISTORY OF NATIONAL EDUCATION IN THE MEMOIR LITERATURE OF THE XVITH–XVIIITH CENTURIES

Навуковы артыкул прысвечаны нераспрацаванай у гістарыяграфіі тэме апісання ў мемуарах XVI–XVIII ст. працэсу навучання іх складальнікаў у айчынных ды замежных адукацыйных асяродках. Прыведзены адпаведныя ўспаміны М. Гусоўскага, Ф. Еўлашоўскага, І. В. Руцкага, М. Форбек-Летава, І. Яўлевіча, І. Турчыноўскага, Б. і М. К. Радзівілаў, І. Завішы, М. Матушэвіча, І. Быкоўскага, Ю. У. Нямцэвіча. Іх аналіз дазваляе ўдакладніць гісторыю асобных навучальных устаноў, вызначыць спецыфіку развіцця тутэйшай школьнай справы ў час Контррэфармацыі ды ў перыяд пашырэння ў краіне ідэі эпохі Асветніцтва, а таксама раскрыць сутнасць «гранд тураў» шляхетнай моладзі з Беларусі.

Ключавыя словы: адукацыя; мемуары; «навука руская»; езуіты; пратэстанты; правааслаўная брацкая школа ў Магілёве; замежныя адукацыйныя паездкі; езуіцкі калегіўм у Брэсце; піярскі калегіўм у Віцебску; грамадзянска-патрыятычнае выхаванне.

The scientific article is devoted to the undeveloped topic in historiography of the description in memoirs of the 16th – 18th centuries of the process of their compilers' education in domestic and foreign educational environments. The relevant memoirs of M. Gusovsky, F. Evlashovsky, I. V. Rutsky, M. Forbek-Letov, I. Yaulovich, I. Turchynovsky, B. and M. K. Radziwill, I. Zavisha, M. Matuszewicz, I. Bykovsky, Y. U. Nemtsevich are given. Their analysis allows us to clarify the history of individual educational institutions, determine the specifics of the development of local school affairs during the Counter-Reformation and during the period of the expansion of the ideas of the Enlightenment era in the country, as well as to reveal the essence of the “grand tours” of noble youth from Belarus.

Keywords: education; memoirs; “Russian science”; Jesuits; Protestants; Orthodox fraternal school in Mogilev; foreign educational trips; Jesuits collegium in Brest; Piarists collegium in Vitebsk; civic and patriotic accomplishment.

Адукацыя на тэрыторыі Беларусі пачала хутка развівацца ў XVI ст. Пад уплывам эпохі Адраджэння ў грамадстве пашыралася ідэя аб тым, што толькі яна здольна дапамагчы чалавеку раскрыць уласныя прыроджаныя здольнасці. Умацаванне гуманістычнага светапогляду спрыяла секулярызацыі паўсядзённага жыцця ды адкрыла шлях да развіцця спецыяльнай культуры. Адчувала гэта і тагачасная айчынная літаратура. Панаваўшы ў школах граматыка-рыгарычны тып навучання прадугледжваў шматлікія самастойныя пісьмовыя практыкаванні. У выніку, вучні прывучаліся выкладаць уласныя думкі на паперы, а шмат хто працягваў гэта рабіць і ў сталым

узросце. Папулярнасць набылі: эпістальны жанр, складанне гаспадарчых, паліталагічных, панегірычных і гераічна-эпічных твораў, пераклад трактатаў антычных мысліцеляў. Павышаная цікавасць у грамадстве да злобадзённых праблем і актыўная грамадзянская пазіцыя асобных прадстаўнікоў шляхты ды мяшчан садзейнічала з’яўленню мемуарыстыкі.

Зразумела, што практычна ўсе, хто браўся за пяро з мэтай апісання ўласнага жыцця, пачыналі са свайго дзяцінства, а значыць не маглі абыйсці пытанні, звязаныя з вучобай. На жаль, якраз гэты аспект успамінаў ніколі прадметна не аналізаваўся ў гістарыяграфіі. Разам з тым, азначаны мікраўзровень асабістага сталення часам дазваляе лепш зразумець стан адукацыйнай справы у той ці іншы час, як на тэрыторыі ўсёй краіны, так і ў канкрэтным горадзе. Менавіта гэтым тлумачыцца актуальнасць і навуковая навізна дадзенага даследавання.

Першым тут можна прывесці ўрывак з «Песні пра зубра» М. Гусоўскага, які наконт свайго навучання ў дзіцячыя гады адзначаў наступнае:

Свет даўніны вывучаў я па кнігах славянскіх,

Граматах рускіх, кірыліцай пісаных вязкай... [1, с. 58].

Сама паэма была складзена на лацінскай мове, і яе аўтар выдатна валодаў красамоўнымі прыёмамі. Гэта праява таго, што М. Гусоўскі атрымаў адукацыю ў каталіцкай школе, але азначаны фрагмент сведчыць і аб другім баку яго вучобы – па творах, напісаных на царкоўнаславянскай і старабеларускай мовах. Такі варыянт засваення пачатковых ведаў, акрамя іншага, тлумачыцца нешматлікасцю навучальных устаноў у тагачаснай Беларусі. Пацвярджае гэта і дзённік Ф. Еўлашоўскага, які нарадзіўся ў праваслаўнай шляхецкай сям’і ў Ляхавічах у 1546 г. Наконт сваёй пачатковай адукацыі ён пісаў: «А в пятом року почато ме бавить наукою русской, кгда ж в тых часех в тэй нашей строне не было еще иных наук...». Лівонская вайна адарвала яго ад кніг. Толькі ў 20-гадовым узросце ў час свайго знаходжання ў Вільні ён вырашыў працягнуць вучобу. На той момант Ф. Еўлашоўскі ўжо стаў кальвіністам і лагічна было чакаць, што ён будзе вучыцца ў адзінаверцаў у сталічнай гімназіі. Але, адпаведна ўспамінаў, ён абмежаваўся наведваннем збора і прыватнымі ўрокамі. Першы напрамак апісаны так: «Мел великую утеху, слушаючи слова божого во зборе хрестиянским за министров ученых Вендрокгорского и Костеницкого». А другі мемуарыст здолеў ажыццявіць праз знаёмства з кн. Я. Макавецкім, які нягледзячы на сваё каталіцкае веравызнанне дапамог маладому пратэстанту ў засваенні асноў матэматыкі і рахункаводства: «Ме барзей в тэ то личбы вправил...» [2, с. 32–33, 69]. Такім чынам, дзённік Ф. Еўлашоўскага ўскосна сведчыць аб заняпадзе Віленскай кальвінскай гімназіі пасля смерці кн. М. Радзівіла Чорнага ў 1565 г.

Аднаўленне яе адбылося па ініцыятыве кн. М. Радзівіла Рудогі ў 1577 г., але мясцовыя езуіты рабілі ўсё магчымае каб пераманіць адсюль вучнёўскую моладзь. У тым ліку і для гэтага яны арганізавалі ў горадзе публіч-

ныя дыспуты са сваімі супернікамі. Наколькі моцнае ўздзеянне апошнія аказвалі на «розум і сэрца» прысутных сведчыць прыклад І. В. Ручкага, якога па асабістаму прызнанню надзвычай моцна ўразіла красамоўства езуітаў (згадвае іх палеміку з праваслаўным багасловам Васіліям з Астрога), у выніку чаго ён вырашыў пасля заканчэння Віленскай кальвінскай школы ў 1590 г. адправіцца за мяжу, дзе змяніць веравызнанне і ўступіць у ордэн (у далейшым ён усё ж адмовіўся ад сваёй задумы і стаў уніятам, дасягнуўшы пасады кіеўскага мітрапаліта) [3, с. 11].

Таксама езуіты запрашалі пратэстантаў да сабе на вучобу. Лютэранін М. Форбек-Летавы ва ўласных мемуарах пісаў, што з прапанавай паступіць у Віленскі калегіўм звярнуўся да яго езуіт Грушэўскі, які, праэкзаменаваўшы юнака, сказаў: «Абцяю святарскім словам, што за паўгода навучу цябе больш, чым у школах, да якіх ты хадзіў усе гэтыя гады (*Віленская лютэранская школа, прыватны рэпетытар нямецкай мовы ў Кенігсбергу, курс медыцыны ў гімназіі Гданьска.* – А. С.). Што ж да рэлігіі, гарантую, спакой ад мяне будзеш мець». Аб сваім навучанні ў езуітаў (завяршыў яго ў 1610 г.) М. Форбек-Летавы пісаў наступнае: «Вымушаны прызнаць, што старанна і добрабычліва яны вучаць, моладзь даглядаюць, нават калі тая не жадае, частымі рэпетыцыямі развіваюць здольнасці, каб чамусьці навучыць. Па методыцы вучаць, не абцяжарваюць рознымі лекцыямі моладзь, як у іншых школах прынята... Што ж рэлігіі датычыцца, праўда, ад гэтага прафесара не меў я ціску, але ад ксяндза Якуба Ортыўса Іспанца занадта...» [4, с. 32–33].

У сваю чаргу, становішча з праваслаўнай адукацыяй на ўсходзе Беларусі ў гэты час выдатна апісаў ва ўласнай аўтабіяграфіі І. Яўлевіч. Нягледзячы на тое, што сам ён быў родам з Магілёва распачаць сваё навучанне хлопчык быў вымушаны па-за яго межамі і толькі праз пэўны час вярнуўся ў родны горад, дзе ў рэшце рэшт аднавіла сваю працу брацкая школа, часова зачыненая па ініцыятыве ўніятаў. З гэтай нагоды ён пісаў наступнае: «Пачатак майго прывучэння да чытання мовай рускай быў у Шклове, а потым у Магілёве пад бакалярамі рознымі; з якіх адзначу адразу Стэфана нейкага, пасля яго Макарыя з Галоўчына, – гэта ў Шклове; у Магілёве – Цімафея Грыбача ды Паўла сталага чалавека, а пасля іх Канстанціна таксама; школа была спачатку на Максімаўскім двары (*дом аднаго з братчыка непадалёк ад Рыбнага кірмаша.* – А. С.); затым у Брацкім доме ў Астрозе пабудавана (*у 1626 г. пажар знішчыў Рыбны кірмаш з навакольнай часткай горада і брацтва ўзвяло новы школьны будынак* – А. С.)... Пасля Канстанціна быў Атанас Стрылецкі ды Фёдар Тарасовіч у той жа школе Брацкай бакаляр... Гэтыя два бакаляры ды памочнік іх часцяком, нейкі Ігнацій, чалавек сталы, вучылі мяне, адзін пачаткам латыні, а другі ўпраўляў мяне ў характар добры (*почырк.* – А.С.), да якога меў з натуры цяжкую руку». Пры гэтым, вядома, што І. Яўлевіч вучыўся ў Магілёўскай брацкай школе да 1630 г., пасля чаго ў 10-гадовым узросце з'ехаў на вучобу ў Кіеў. Адметна, што сярод настаўнікаў мясцовай

брацкай школы ён згадвае Саву Андрэевіча Магілёўчаніна, які вучыў яго лацінскай граматыцы. У 1632 г. юнак вярнуўся на Радзіму. Палічыўшы атрыманую ў Кіеве адукацыю недастатковай, ён шукаў дадатковыя магчымасці палепшыць узровень сваёй падрыхтоўцы: «Спачатку ў Буйнічах ў Сымона нейкага да пісання ўпраўляў руку, потым і ў узгаданых двух бакаляраў (*ве-рагодна маюцца на ўвазе А. Стрылецкі ды Ф. Тарасовіч. – А. С.*) і ў фары чагосьці няшмат, у нейкага Самуэля Літвіна, які там школу трымаў (*сведчыць аб наяўнасці ў Магілёве каталіцкай школы. – А. С.*)... патроху практыкаваўся ў лацінскай мове, а адтуль перайшоў да Савы Андрэевіча (які, прыехаўшы з Кіева, вучыў латыні ў Брацтве), пасля яго ў Касовіча, студэнта з Кіева...». Не бачачы магчымасці далейшага навучання ў Беларусі, у 1636 г. І. Яўлевіч зноў адправіўся ў Кіеў, дзе сярод настаўнікаў Кіева-Магілянскага калегіума яго зноў вучыў суайчыннік – Рафаэль Зажэцкі Магілёўчанін. Завяршыў жа сваё навучанне І. Яўлевіч засваеннем тэалогіі ды медыцыны з анатоміяй у Замоўскай акадэміі [5, с. 75–78 Дадатку].

Цікава, што асветныя ўзаемакантакты Магілёва і Кіева працягваліся і ў далейшым. Сведчаннем гэтага з’яўляюцца ўспаміны студэнта Кіева-Магілянскай акадэміі І. Турчыноўскага. Ва ўласнай аўтабіяграфіі ён піша, што ў час Паўночнай вайны ў 1710 г. адправіўся: «у Магілёў для вывучэння мовы лацінскай». Прыбыўшы ў горад, аднак, юнак быў вымушаны запісацца: «у школу пры царкве Святапакроўскай на Подале, дзе і перазімаваў...». Вясной 1711 г. І. Турчыноўскага залічылі ў тутэйшы езуіцкі калегіум, але хутка выгналі, калі даведаліся аб яго праваслаўным веравызнанні. З дадзенай інфармацыі можна зрабіць некалькі высноў. Па-першае, брацкай школы ў ранейшым выглядзе пры Богаяўленскім манастыры ў горадзе ўжо не існавала, а працавала толькі пачатковая царкоўнапрыходская школа, узровень выкладання ў якой яўна не адпавядаў патрэбам кіеўскага «акадэміка». Па-другое, мясцовыя езуіты абмяжоўвалі доступу ў свой калегіум праваслаўнай моладзі – мемуарысту было адказана ў працягу навучання, бо «ты дэ схізматык і ў схізматыкаў жывешь». Пры гэтым, згодна ўспамінаў І. Турчыноўскага, яго выпадак быў не адзінаковым. У 1711 г. у Шклове, дзе ён жыў у Благавешчанскім манастыры (быў рэгентам царкоўнага хору і даваў прыватныя ўрокі), з’явілася яшчэ два выхадцы з Кіева, якія таксама жадалі: «у Оршы альбо Магілёве хадзіць да школ, але іх не прынялі, таму што яны набожныя (*такім чынам аўтар найменаваў праваслаўных. – А. С.*)». Разам яны на Пасху 1715 г. паставілі ў Шклове «дыялог з інтэрмедыйяй», на які сабралася шмат людзей рознага веравызнання. Прысутнічалі на ім і езуіты, якія неўзабаве дабіліся выгнання ўсіх трох кіеўскіх экс-выхаванцаў з горада. Пасля чаго І. Турчыноўскі вярнуўся на Ўкраіну [6, с. 325–327].

Шмат месца ў мемуарах займала і апісанне замежных адукацыйных падарожжаў. Так, будучы канюшы ВКЛ, кн. Б. Радзівіл у 1637 г. адправіўся ў Еўропу. У першыя два гады вандроўкі ён паспеў прыняць удзел у бітве

пры Трыбзэе, агледзеў шэраг крэпасцей і праслухаў лекцыі прафесара Альтынга ва ўніверсітэце Гронінгена. Потым высакародны юнак накіраваўся ў Парыж, дзе 7 месяцаў браў прыватныя ўрокі. Апошні князь апісваў наступным чынам: «Вучыўся ездзіць на кані ў Дэляфолі, асвойваў шпагу ў Сен-Анжэ, навучаўся танцам ў Дэ Нуаэ...» [7, с. 29–30]. Амаль уторыць яму будучы віленскі ваявода, гетман вялікі ВКЛ М. К. Радзівіл Рыбанька. У 1722 г. ён прыбыў у Парыж, дзе яго распарадак меў такі выгляд: «Гэтак гадзіны пастанавіў я: у панядзелак, аўторак, чацьвер, пятніцу ў палове шостаў уставаць, а шостаў ісьці на імшу да S-t Sulpice, адтуль на сёмую да манежа, там ездзіць буду да дзевятай, а дзевятай у станцыі maitre de Mathematique да дзесятай, ад дзесятай танцмістар да адзінаццатай, ад адзінаццатай фляйтціст да дванаццатай; у сераду і суботу, паколькі не ездзіў, фэхтмістар а манежавай хадзіў да мяне гадзіне... Па абедні час пакінуў на візыты, потым камэдыі, опэры, розныя *spektacula*, балі і вячэры ў паноў» [8, № 5, с. 41]. Як бачна, акцэнт на «шляхетныя» заняткі аказаўся вельмі ўстойлівым, а засваенне матэматыцы апошнім з іх – гэта хутчэй жаданне прадэманстраваць сваю прыхільнасць модным тады навацыям эпохі Асветніцтва.

Відавочна, што падобны «забаўляльна-адукацыйны» характар вандровак па Заходняй Еўропе задавальваў далёка не ўсіх з асяродддзя правячай эліты ВКЛ. Некаторыя абіралі для навучання «Рыцарскія акадэміі», дзе акрамя вайсковых прадметаў яны праходзілі і агульнаадукацыйны курс. Так, будучы маршалак надворны ВКЛ, стараста мінскі І. Завіша і троцкі ваявода кн. Ё. Т. Агінскі у 1717 г. паступілі ў падобную элітарную навучальную ўстанову ў Дрэздэне. Адпаведна «Натацыі» першага з іх заняткі тут адбываліся наступным чынам: з шостаў да восьмай гадзіны раніцы юнакі вывучалі геаметрыю, механіку і вайсковую архітэктур у маёра Герра; з дзевятай па дзесятую гадзіну ішла лекцыя па архітэктур грамадзянскай капітана Лефенгольца; з дзесятай да дванаццатай гадзіны кадэты практыкаваліся ў фехтаванні ў барона Герыка; пасля абеду з двух да чатырох гадзін яны займаліся простым маляваннем, а потым яшчэ дзве гадзіны ўдасканальваліся ў перспектывным малюнку тушшу ў прыдворнага мастака Абфельштата (Апельштата) [9, с. 372–373].

Узрастанне папулярнасці замежных адукацыйных падарожжаў тлумачыцца не толькі тым, што ў дадзены час гэта было агульнапрынятай практыкай, але і састарэласцю праграм айчынных езуіцкіх школ. Сітуацыю ў іх у 1720-я гг. апісаў будучы брэсцкі кашталян М. Матушэвіч, які: «на пятым годзе жыцця ўмел чытаць і пісаць» і пасля навучання ў прыходскай школе ў Камянцы быў аддадзены пад апеку брэсцкіх езуітаў. У выніку вучобы юнак быў здольны: «цалкам без памылак увесць Альвар (*лацінская граматыка*. – А. С.) працываць», але нейкіх карысных для жыцця ведаў ён тут так і не атрымаў. Затое, яго мемуары насычаны згадкамі пра «нядбайных» настаўнікаў, а таксама скаргамі на занадта жорсткія пакаранні з боку адказ-

ных за дысцыпліну інспектараў – адзін тутэйшы выхаванец, не вытрымаўшы здзекаванняў, «наўмысна сабе утапіў», а двое іншых збеглі са школы. Адлюстравана ў гэтых успамінах і змяненне стаўлення грамадства да езуітаў – калі бацька М. Матушэвіча даведаўся, што яго сыну прапанавалі ўступіць у ордэн, ён тэрмінова забраў таго з калегіўма, адвёз у Гданьск, дзе накупіў «кніжак для чытання» і загадаў яму займацца самаадукацыяй [10, с. 3–5].

Знайшоў сваё адлюстраванне ў мемуарах і працэс удасканалення айчыннай адукацыйнай справы пад уплывам эпохі Асветніцтва. Сведчаннем поспехаў у гэтай справе членаў піярскага ордэну з’яўляюцца ўспаміны паэта ды філосафа І. Быкоўскага, які так апісаў свае вучнёўскія гады: «Я, наведваючы школу езуітаў у Мінску ад Інфімы аж да Рыторыкі ведаў Альвар на памяць, хача яго і не разумеў. Як зараз мяркую, то шкада было і маёй працы, і тых пяці год, што страціў без карысці ў час той адукацыі. У 1765 г. брат мой старэйшы Раман завёз мяне ў Віцебск і змясціў у канвікце ў ксяндзоў піяраў. Там прабываў паўтары гады з куды большай карысцю, чым пяць год у Мінску ў езуітаў, тут і французскую мову троху вывучыў» [11, с. 474]. Станоўча адклікаўся аб гэтым ордэне і ўжо згаданы кн. М. К. Радзівіл Рыбанька – піяр Цэзары два гады вучыў яго розным навукам і па прызнанню самаго магната: «я, і дзісь што ўмею, дык зь інструкцыяў яго» [8, № 4, с. 23].

Першай дзяржаўнай навучальнай установай у Рэчы Паспалітай стала Варшаўская Рыцарская школа (1765). Сярод яе выхаванцаў быў ад’ютанат Т. Касцюшкі ў час паўстання 1794 г. пісьменнік Ю. У. Нямцэвіч, які паступіў сюды пасля заканчэння Брэсцкага езуіцкага калегіўма. Пра сваё знаходжанне тут у 1770–1777 гг. ён успамінаў наступным чынам: «Навука і навывкі не былі першай карысцю для выхаванцаў... Былі непараўнальна даражэй правілы маральнай чысціні, павягі, любові да Айчыны, непрыманне ўсяго, што прыносіла агіду, якія нам наш правадыр кн. Адам Чартарыйскі ўліваў у сэрцы і розумы» [12, с. 32].

У цэлым, падводзячы агульную выснову прааналізаваным успамінам XVI–XVIII стст., становіцца відавочным значэнне іх аналізу для лепшага разумення спецыфікі эвалюцыі айчыннай школьнай справы ў азначаны перыяд. Так, якраз яны пацвярджаюць факт заняпаду Віленскай кальвінскай гімназіі ў канцы 1560-х – пачатку 1570-х гг., Магілёўскай брацкай школы ў сярэдзіне 1620-х гг. і канчатковага знікнення апошняй у час Паўночнай вайны. Таксама дзякуючы ім вядома аб існаванні яшчэ і ў першай палове XVI ст. альтэрнатыўнай заходнееўрапейскай педагогіцы «навукі рускай». Цікаваць маюць і неаднаразовыя згадкі асветніцкіх узаемакантактаў праваслаўнага насельніцтва Магілёва з Кіева-Магілянскім калегіўмам (акадэміяй). Утрымліваюць тагачасныя дзённікі і важную інфармацыю аб шляхах ажыццяўлення прадстаўнікамі правячай эліты ВКЛ так званага «гранд тура», калі традыцыйныя для шляхты ваенныя практыкаванні ды засваенне прыдворнага этыкету ў асобных выпадках маглі дапаўняцца

сапраўднымі школьнымі прадметамі. У сваю чаргу, аповяд сучаснікаў аб арганізацыі вучэбна-выхаваўчага працэсу ў XVIII ст. сведчыць не толькі аб паспяховым укараненні ў айчынный адукацыі ідэй эпохі Асветніцтва, але і аб адпаведных зменах у светапоглядзе мясцовага грамадства. Такім чынам, не выклікае сумненняў, што мемуары хоць і суб'ектыўныя па свайму характару, але з'яўляюцца надзвычай важнымі гістарычнымі крыніцамі, вывучэнне якіх дазваляе зменшыць колькасць «белых плям» у нашай мінуўшчыне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Гусоўскі, М.* Песня пра зубра / М. Гусоўскі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1980. – 183 с.
2. *Еўлашоўскі, Ф.* Успаміны / Ф. Еўлашоўскі // Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. / уклад. А. Ф. Коршунаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – С. 31–122.
3. *Турук, Ф.* Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский (1613–1637) и его значение в истории униатской западной русской церкви / Ф. Турук. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – 41 с.
4. *Vorbek-Lettow, M.* Skarbec pamięci. Pamiętnik Lekarza króla Władysława IV / M. Vorbek-Lettow; oprac. E. Galos [i inn.]. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. – 229 s.
5. *Голубев, С. Т.* История Киевской духовной академии. Период до-Могилянскій / С. Т. Голубев. – Киев: Унив. тип., 1886. – 235 с., 121 с. Прил.
6. *Лукашевич, П. А.* Автобиография южно-русского священника 1-й половины XVIII ст. / П. А. Лукашевич // Киевская старина. – 1885. – № 2. – С. 318–332.
7. *Радзівіл, Б.* Аўтабіяграфія / Б. Радзівіл; укл. У. Сіўчыкаў. – Мінск: Радыёла-плюс, 2009. – 212 с.
8. Дзярынюш Князя Міхала Казімера Радзівіла, Ваяводы Віленскага, Гетмана Вялікага В. К. Літ. // Спадчына. – 1995. – № 4. – С. 18–47; № 5. – С. 37–57.
9. *Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy, wojewody mińskiego, 1666–1721* / wydane przez J. Bartoszewicza. – Warszawa: Druk. Gazety Polskiej, 1862. – LXXIII, 440 s.
10. *Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego: 1714–1765: w 4 t.* / wydał A. Pawiński. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1876. – T. 1. – XL, 267 s.
11. *Mikulski, T.* Ze studiów nad Oświeceniem. Zagadnienia i fakty / T. Mikulski. – Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1956. – 555 s.
12. *Niemcewicz, J. U.* Pamiętniki czasów moich / J. U. Niemcewicz. – Paryż: Druk. L. Martinet, 1848. – 420 s.

(Дата падачы: 10.02.2025)

С. Ф. Свилас, В. А. Певзнер

Белорусский государственный университет, Минск

S. Svilas, V. Pevzner

Belarusian State University, Minsk

УДК 37.014.24(510:460)

СОТРУДНИЧЕСТВО ИСПАНИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В XXI В.

CONTRIBUTION OF SPANISH-CHINESE COOPERATION TO THE PROCESS OF INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION

В статье раскрывается содержание взаимодействия Испании и Китая в образовательной сфере в тесной взаимосвязи с политическим диалогом и торгово-экономическим сотрудничеством. Рассмотрены предпосылки и условия двухстороннего сотрудничества в образовании, выделены его платформы, механизмы и формы. Особое внимание уделено деятельности таких структур, как Испано-китайский совет, Институты Сервантеса и Конфуция, Испанская служба интернационализации образования, Китайский форум и Национальный центр по повышению квалификации преподавателей испанского и португальского языков. Дана оценка эффективности и перспективам совместных усилий, направленных на подготовку кадров для глобального рынка.

Ключевые слова: Испания; Китай; международное сотрудничество; интернационализация образования; Институты Конфуция; Институты Сервантеса; Культурные центры.

The article reveals the content of interaction between Spain and China in the education sphere in close interrelation with political dialogue and trade and economic cooperation. The article considers the prerequisites and conditions of bilateral cooperation in education, highlights its platforms, mechanisms and forms. Special attention is paid to the activities of such structures as the Spanish-Chinese Council, the Institutes of Cervantes and Confucius, the Spanish Service for the Internationalisation of Education, the China Forum and the National Centre for the Professional Development of Teachers of Spanish and Portuguese. The effectiveness and prospects of joint efforts aimed at training for the global marketplace are assessed.

Keywords: Spain; China; international cooperation; internationalisation of education; Confucius Institutes; Cervantes Institutes; Cultural Centres.

Интернационализация образования является закономерным процессом в условиях усиления глобализации. Оно играет ключевую роль в развитии всех сфер общественной жизни. Являясь одним из прав человека, образование способствует реализации и других его прав. Велика роль образования в выстраивании международных отношений, экономической и культурной дипломатии. Испано-китайское сотрудничество в образовательной сфере не только укрепляет двухсторонние отношения, развивает мобильность студентов и преподавателей, расширяет их компетенции, но и стимулирует подготовку квалифицированных специалистов для глобального рынка в самых разных отраслях.

В Китае зарегистрировано примерно 600 испанских компаний, объем товарооборота между странами в 2023 г. составил более 50 млрд евро (Испания занимает пятое место среди стран-членов ЕС по этому показателю), прямые испанские инвестиции в экономику Китая достигли 4,8 млрд евро, а китайские – более 11 млрд евро [1].

Культурная составляющая взаимодействия Испании и Китая проявляется прежде всего во взаимном интересе к языкам и культурам друг друга, что неоднократно подчеркивалось премьер-министром Испании (с июня 2018 г.) П. Санчесом. В Китае действуют два Института Сервантеса (в Шанхае и Пекине), в Испании – восемь Институтов Конфуция, непрерывно растет обмен туристами. За последние пять лет численность владеющих испанским языком на китайском рынке труда увеличилась на 25 % [2].

В немногочисленной историографии по теме испано-китайских отношений отметим прежде всего монографию бывшего директора Института Сервантеса в Пекине Инмы Гонсалес Луи «Испано-китайские отношения» (2013). В основу публикаций этого эксперта положены документы внешнеполитического ведомства Испании и его структур, культурного центра Института Сервантеса и аналитического центра Real Instituto Elcano [3].

Документальную базу исследования составила информация, подчеркнутая на сайтах Института Сервантеса, Института Конфуция, Испанской службы интернационализации образования (SEPIE), Испано-китайского совета, Министерства науки и инноваций Испании, Министерства экономики Испании, Исследовательского центра глобальных стратегических вопросов, аналитического центра Real Instituto Alcano, аналитического центра Cátedra China, а также в журнале международных отношений Comillas. Методологию исследования составили нарративный, историко-ретроспективный, институциональный, структурно-функциональный, анализа документов, статистический методы.

Актуальность темы обусловлена результативностью сотрудничества Китая и Испании в образовательной сфере, необходимостью изучения их опыта в продвижении своих языков и культур за рубежом через образовательные программы, высшие учебные заведения и сеть международных культурно-образовательных центров.

Дипломатические отношения между КНР и Испанией были установлены в 1973 г. и изначально имели более сильную экономическую составляющую по сравнению с культурной. Двустороннюю торговлю и инвестиции симулировало вступление Китая в ВТО (2001 г.) [4], однако складывались и благоприятные предпосылки для культурного сотрудничества: в 1978 г. состоялся первый официальный визит короля Испании (1975–2014) Хуана Карлоса I и королевы Софии в Пекин, который продемонстрировал взаимное уважение к культурным достижениям двух народов и содействовал культурному обмену [5].

Еще одно значимое событие произошло в 1980 г., когда Хуан Антонио Самаранч (1920–2010), будучи главой Международного олимпийского комитета (1980–2001), способствовал признанию Олимпийского комитета Китайского Тайбэя, вошедшему в состав МОК двадцатью годами ранее, Китайской Народной Республикой. Тем самым Тайвань вернулся в олимпийское движение, что было невозможно во время правления Мао Цзэдуна (1949–1976) [6]. Вместе с тем, тайваньским спортсменам не разрешалось использовать название, флаг и гимн своей страны. Учет интересов Китая испанской стороной в такой области, как спорт, является важной составляющей подхода Мадрида к развитию культурного сотрудничества с Китаем.

В 1989 г., во время событий на площади Тяньаньмэнь, Испания придерживалась умеренной позиции, выступая против принятия жестких санкций, которые могли бы привести к изоляции Китая от мирового сообщества. Год спустя министр иностранных дел Испании (1985–1992) Фернандес Ордоњес стал первым высокопоставленным дипломатом из стран-членов ЕС, посетившим Китай после введения санкций [7, р. 104].

Таким образом, Испания и Китай активно выстраивали фундамент для своих отношений на политическом и экономическом уровнях для дальнейшей реализации своих интересов уже в культурной сфере.

Началом активизации двухстороннего культурного сотрудничества стало создание Испано-китайского совета (2004 г.) при поддержке Министерства иностранных дел Испании и Европейского союза. Одним из ключевых направлений деятельности этой структуры является публичная дипломатия, привлечение общественности, в том числе молодежи и студентов, для активизации сотрудничества. Цель Совета заключается в реализации совместных возможностей не только на двухстороннем, но и на глобальном уровне [8].

История Совета начинается с подписания Меморандума о его уставе (2003). В Пекине был проведен первый форум этой структуры (2004), на котором обе стороны «на основе взаимного уважения и готовности перенимать опыт друг друга» обсудили вопросы развития сотрудничества и обменов в области культуры, образования, науки и техники. Комитет по культуре определил области, представляющие общий интерес, а также способы расширения участия гражданского общества. Форум прошел под лозунгом «Тридцать лет испано-китайских отношений: от незнания к партнерству во имя общего будущего. Дружественное сотрудничество между Китаем и Испанией в XXI веке» [9].

Форумы проводятся на постоянной основе и поочередно, однако после восьмого форума в 2015 г. встречи на официальном уровне были приостановлены в связи с пандемией COVID-19. Девятый форум состоялся в сентябре 2024 г. под девизом «К следующим пятидесяти годам отношений между Испанией и Китаем: совместная работа для создания устойчивого

будущего». Участники форума выделили три перспективных инициативы: развитие сотрудничества на местном уровне; укрепление общих интересов, гуманитарных и культурных обменов, консолидация общественного мнения на дружеские отношения; содействие устойчивому развитию через постоянное обогащение бесприоритетного сотрудничества [10].

Ключевым моментом в развитии сотрудничества двух стран в образовательной сфере стало открытие первого Института Сервантеса (Пекин, 2006). Он является главной платформой, на которой происходит продвижение испанского языка и распространение испанской культуры. В 2018 г. Институт Сервантеса в Китае получил право на выдачу диплома DELE о владении испанским языком, проведение сертификационных экзаменов и внедрение их во всех авторизованных центрах через NEEA (Национальный орган по экзаменам в области образования). Со времени введения экзамена в 2023 г. было сдано почти 60 300 тестов, что является показателем высокого спроса на испанский язык. Пятью годами ранее китайские власти разрешили внедрять его в качестве первого иностранного языка в школьную и университетскую учебные программы [11].

В свою очередь, во время визита председателя КНР (2003–2012) Ху Цзиньтао в Испанию (2007) был открыт Институт Конфуция в Мадриде. Как и у Института Сервантеса, его важнейшая цель – распространение национального языка и культуры посредством различных мероприятий, начиная с предоставления языковых курсов до организации культурных мероприятий (конференции, презентации книг, выставки и т. д.). Институт Конфуция углубил свое сотрудничество с такими культурными организациями, как Музей Прадо, культурный центр La Casa Encendida, Институт Сервантеса в Пекине, Китайский культурный центр в Мадриде. В 2024 г. в Испании действовали восемь Институтов Конфуция [12].

Одной из форм развития межкультурного обмена являются международные программы обмена, которые дают возможность китайским студентам получить европейский диплом, параллельно совершенствуя испанский или английский язык (в зависимости от выбора языка обучения), погружения и обогащения в культурной составляющей.

В качестве продвижения за рубежом образовательных и исследовательских программ испанских университетов выступает Испанская служба интернационализации образования (SEPIE). Это автономный орган, подчиняющийся Министерству университетского образования и выполняющий функции Национального агентства по развитию и внедрению программы ERASMUS+ в Испании. Кроме того, SEPIE является единым централизованным посредником между 87 испанскими университетами и правительствами, частными и государственными учреждениями зарубежных государств. Одна из основных функций указанной службы – продвижение испанской системы высшего образования на международном уровне [13].

На 2021/2022 учебный год SEPIE выделила 6 мест для студентов китайских университетов, которые хотят продолжить обучение в бакалавриате в испанских университетах. Несмотря на небольшое количество мест, подчеркнем полное финансирование такого обучения, а также расходов на питание и проживание, покрытия медицинской страховки [14].

С 2015/2016 по 2022/2023 учебный год в Испании наблюдался значительный рост числа иностранных студентов (77,1 %). В 2022/2023 учебном году более 12,5 тыс. китайских студентов проходили обучение в этой стране (увеличение за год на 3,8 тыс.) [15]. Отметим, что до пандемии COVID-19 в Испании обучалось около 10 тыс. студентов из Китая. Растущий с каждым годом интерес китайских студентов к получению испанского диплома связан во многом с эффективной работой испанского правительства по предоставлению информации абитуриентам о возможностях обучения в различных регионах Испании в формате программ на ежегодной выставке международного образования CASIE. Значимую роль также играют соглашения между испанскими и китайскими университетами, число таких документов превысило 500 [16, p. 6].

В марте 2023 г. состоялась встреча глав правительств обеих стран П. Санчеса и Ли Цяна, в ходе которой стороны приняли План сотрудничества в области образования до 2026 г. [17]. В декабре 2024 г. между министерствами образования двух стран был подписан Меморандум о взаимопонимании, который предусматривал создание механизма мониторинга Плана сотрудничества (периодические консультации на министерском уровне с целью поощрения и поддержки мобильности студентов, предоставление стипендий, обмен и партнерство между высшими учебными заведениями, повышение квалификации преподавателей, цифровизация образования) [18]. Подписание соглашений такого рода подтверждает взаимный интерес Мадрида и Пекина к налаживанию контактов и интенсивному развитию взаимодействия в данной области.

В свою очередь, Министерство образования КНР при поддержке SEPIE и в соответствии с исполнительным планом, предоставило 10 стипендий для обучения испанских студентов на 2025/2026 учебный год. Стипендии предназначены для прохождения программ бакалавриата, магистратуры, докторантуры либо участия в «Общей стипендиальной программе». Участники «Общей стипендиальной программы» не имеют право подавать заявку на продление стипендии, так как она предназначена для абитуриентов, заинтересованных в изучении китайского языка и не имеющих базовых знаний о нем. Студенты, уже получившие степень бакалавра на испанском языке и желающие продолжить обучение в Китае, не принимаются [19].

Среди китайских студентов востребованы специальности, связанные с изучением испанского языка. По данным декана факультета испаноязычной филологии Университета иностранных языков в Пекине Чан Фулян,

ежегодно 6 тыс. студентов зачисляются для изучения испанского языка в 106 университетах. Спрос на изучение испанского языка вызвал дефицит преподавателей, и для решения этой проблемы в мае 2021 г. в Пекинском университете иностранных языков были созданы Китайский форум по повышению квалификации преподавателей испанского и португальского языка, а также Национальный центр повышения квалификации преподавателей испанского и португальского языков. Церемонию открытия, организованную Школой испанского и португальского языков при указанном университете (создана в 1959 г.), посетили около 300 экспертов, преподавателей и студентов из университетов и исследовательских центров со всего Китая [20]. Интерес к изучению испанского языка прежде всего связан с возможностью трудоустройства, расширением «языкового туризма» (посещением страны с целью изучения языка как основной), привлечением иностранных инвестиций.

По данным Института Сервантеса, в 2001 г. численность испанских студентов в КНР составляла более 1500 человек, причем с каждым годом этот показатель увеличивался. По последним обнаруженным данным (за 2018 г.), почти 35 тыс. студентов из Испании получали высшее образование в Китае [21, р. 34]. Такой стремительный рост объясняется тем, что китайский язык пользуется спросом на рынке труда, а дипломы о высшем образовании, полученные в КНР, признаются в Испании по двухстороннему межправительственному соглашению.

Таким образом, Испания и Китай, активно взаимодействующие в экономической сфере, заинтересованы в распространении своих языков, а также культурных ценностей посредством образования. Сотрудничество проявляется в различных формах: развитие образовательных программ, подписание соглашений в образовательной сфере, укрепление сети культурных центров. Продвижение образовательных программ способствует ежегодному росту как испанских студентов в Китае, так и китайских студентов в Испании. Важную роль играет также деятельность культурных центров в изучении двух из шести официальных языков ООН через их преподавание и проведение мероприятий культурного характера для погружения в языковую среду. Проведение испано-китайских форумов на постоянной основе укрепляет диалоговую площадку для продвижения и принятия образовательных инициатив. В целом, Испания и Китай демонстрируют результативность сотрудничества в образовательной сфере, подтверждая стремление к активному участию в процессе интернационализации образования.

Список используемых источников

1. Spain and China commit to building a more balance economic and trade relationship // Ministerio de economía, comercio y empresa. – URL: <https://comercio-gob-es.translate.google/en-us/notasprensa/2024/paginas/viaje-oficial->

republica-popular-china.aspx?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=rq/ (date of access: 17.02.2025).

2. Sánchez felicita al Cervantes por su apertura en Shanghái: «España se convierte en el primer país con dos centros culturales en China» // Instituto Cervantes. – URL: <https://cervantes.org/es/sobre-nosotros/sala-prensa/notas-prensa/sanchez-felicita-cervantes-su-apertura-shanghai-espana> (fecha de acceso: 17.02.2025).

3. Las relaciones hispano-chinas. Historia y futuro / X. Ríos, J. B. Antolín, E. B. Obiols, I. G. Puy [et al.]. – España: Catarata, 2013. – 453 p.

4. Las Relaciones entre España y China: Evolución y Desafíos en el Siglo XXI // CEINASEG. – URL: <https://ceinaseg.com/las-relaciones-entre-espana-y-china-evolucion-y-desafios-en-el-siglo-xxi/> (fecha de acceso: 17.02.2023).

5. Una mirada a la historia de las relaciones bilaterales España – China en su 50 aniversario // Cátedra china. – URL: <https://www.catedrachina.com/single-post/una-mirada-a-la-historia-de-las-relaciones-bilaterales-espan-a-china-en-su-50-aniversario> (fecha de acceso: 17.02.2023).

6. Cincuenta años de relaciones diplomáticas entre España y China // Real Instituto Elcano. – URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/cincuenta-anos-de-relaciones-diplomaticas-entre-espana-y-china/> (fecha de acceso: 18.02.2023).

7. Ríos, X. Las relaciones entre España y China: Una nueva era? / X. Ríos // *Comillas Journal of International Relations*. – 2019. – № 16. – P. 102–117.

8. La Fundación // La Fundación Consejo España China. – URL: <https://spain-china-foundation.org/la-fundacion/> (fecha de acceso: 18.02.2025).

9. El I Foro España China // La Fundación Consejo España China. – URL: <https://spain-china-foundation.org/foro/i-foro-pekín-2003/> (fecha de acceso: 18.02.2025).

10. El IX Foro España // La Fundación Consejo España China. – URL: <https://spain-china-foundation.org/foro/ix-foro-pekín-2023/> (fecha de acceso: 18.02.2025).

11. García Montero viaja a China la próxima semana para reforzar los lazos culturales e impulsar el español en ese país // Instituto Cervantes. – URL: <https://cervantes.org/es/sobre-nosotros/sala-prensa/notas-prensa/garcia-montero-viaja-china-proxima-semana-reforzar-lazos> (fecha de acceso: 20.02.2025).

12. Quienes somos // Instituto Confucio de Madrid. – URL: <https://confuciomadrid.es/quienes-somos/> (fecha de acceso: 20.02.2025).

13. Internacionalización de la Educación Superior española // SEPIE. – URL: <http://sepie.es/internacionalizacion/que-hacemos.html#> (fecha de acceso: 21.02.2025).

14. Becas para Estudiantes Chinos en Universidades españolas // SEPIE. – URL: <https://www.becas.com/servicio-espanol-para-la-internacionalizacion-de-la-educacion-sepie/becas-estudiantes-chinos-universidades-espanolas> (fecha de acceso: 21.02.2025).

15. El número de estudiantes universitarios extranjeros matriculados en el curso 2022–23 ascendió a 180.563, un 6,1% más que el año anterior // Ministerio de Ciencia, Innovación y Universidades. – URL: <https://www.ciencia.gob.es/Noticias/2024/Noviembre/estadisticas-universidades-internacionalizacion.html> (fecha de acceso: 22.02.2025).

16. Ficha país China // Oficina de Información Diplomática. – 2024. – P. 1–9.

17. Convocatoria de Becas del Gobierno Chino 2025–2026 // SEPIE. – URL: http://sepie.es/doc/internacionalizacion/becas/china/2024/convocatoria_de_becas_del_gobierno_chino_2025.pdf (fecha de acceso: 23.02.2025).

18. Pedro Sánchez se reúne en Pekín con el primer ministro chino, Li Qiang, y ambos países firman cuatro acuerdos de colaboración // La Moncloa. – URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2023/310323-sanchez-china-primer-ministro-li-qiang.aspx> (fecha de acceso: 24.02.2025).

19. España y China acuerdan reforzar la cooperación en educación superior // La Vanguardia. – URL: <https://www.lavanguardia.com/sociedad/20241202/10163141/espana-china-acuerdan-reforzar-cooperacion-educacion-superior-agenciaslv20241202.html> (fecha de acceso: 24.02.2025).

20. A China le encanta la lengua española // Cátedra china. – URL: <https://www.catedrachina.com/single-post/a-china-le-encanta-la-lengua-española> (fecha de acceso: 24.02.2025).

21. El español en el mundo 2023: anuario del Instituto Cervantes // Instituto Cervantes. – 2023. – P. 11–449.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

С. О. Сидорова

Белорусский государственный университет физической культуры,
Минск

S. Sidorova

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 658.8(091)«18/19»(476)

УСЛУГИ И ТАРИФЫ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

THE SERVICES AND TARIFFS OF POSTAL AND TELECOMMUNICATIONS INSTITUTIONS IN BELARUS DURING THE LATE 19TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

В данной статье рассматривается развитие почтовых и телеграфных услуг и изменение тарифов на услуги связи на территории Беларуси в конце XIX в. – начале XX в. Этот период характеризуется значительными технологическими достижениями и преобразованиями в сфере коммуникаций в Российской империи. Особенно заметной стала почтово-телеграфная реформа, проведенная в 1884–1885 гг. На основе архивных документов и материалов периодической печати проведен анализ тарифной политики и видов предоставляемых услуг, подчеркивается роль почтово-телеграфных учреждений в социально-экономическом развитии белорусских губерний. В исследовании также отмечается влияние модернизационных преобразований в Российской империи на развитие услуг связи на территории Беларуси.

Ключевые слова: почтовые и телеграфные услуги; Российская империя; Всемирный почтовый союз; тарифная политика; инфраструктура связи.

This article examines the development of postal and telegraph services and tariff changes in Belarus during the late 19th century and the beginning of the 20th century. This period witnessed significant technological advancements and transformations in communications in the Russian Empire, particularly in the form of postal and telegraph reform carried out between 1884 and 1885. Based on archival documents and periodicals, the article analyzes tariff policies and the types of services offered, highlighting the role of postal and telegraph institutions in the socio-economic development of Belarusian provinces. The study also emphasizes the impact of these modernization transformations on communication services in Belarus within the Russian Empire's context.

Keywords: postal and telegraphic services; Russian Empire; Universal Postal Union; tariff policy; communications infrastructure.

В конце XIX – начале XX в. учреждения связи на территории Беларуси способствовали развитию торговых отношений, позволяя пересылать образцы товаров, отслеживать изменения на рынке и поддерживать культурные и социальные связи. Во многом, благодаря процессам модернизации и вступлению Российской империи в 1874 г. в Почтовый союз, который

с 1878 г. переименован во Всемирный почтовый союз, к концу XIX в. на территории белорусских губерний сформировался четкий перечень видов почтовой корреспонденции. Вся почтовая корреспонденция подразделялась на внутреннюю и международную и была двух видов: простая и страховая. К простой корреспонденции относились письма (как простые, так и заказные), открытые письма (открытки), бандероли (для пересылки печатных изданий) и посылки. Посылки делились на два вида: ценные (страховые) и без цены (простые).

Страховая корреспонденция включала денежные пакеты, узлы «со звонкой монетой» и ценные бумаги. К концу XIX в. возросла интенсивность пересылки по почте ценных бумаг, которые зачастую использовались в качестве альтернативы наличным деньгам в торговых и частных отношениях. При получении страховой корреспонденции клиент получал особый документ – «почтовую расписку». Почтово-телеграфное ведомство несло ответственность за утрату, недостачу или повреждение страховой корреспонденции. В случае обнаружения такого рода проблем адресант или адресат обязаны были в течение определенного срока (для внутренней корреспонденции – двух лет, для международной – одного года) обратиться в ближайшее учреждение связи с соответствующим заявлением. Если почтовое отправление не было найдено, государство выплачивало получателю сумму, на которую оно было застраховано.

После реформирования отрасли связи в 1884–1885 гг. была введена новая услуга – прием корреспонденции с наложенным платежом. Эта операция позволяла отправителям получать от адресатов определенную сумму денег за отправленные письма и посылки непосредственно в почтовых отделениях.

В 1897 г. упростили механизм денежных переводов. С этого времени пересылался только бланк перевода, а не денежные средства. Как показывает статистика, такая форма значительно повысила показатели денежных переводов. Так, с 1897 по 1912 г. количество почтовых операций по всей империи увеличилось в 24,3 раза (с 1,7 до 43 млн), а сумма переводов возросла в 28 раз [1, с. 1048–1049].

Стоит отметить, что в послереформенные годы Главным управлением почт и телеграфов принималось множество постановлений и циркуляров, которые не всегда были согласованы между собой, что создавало путаницу в почтовом обслуживании. В связи с этим, 9 января 1909 г. утверждаются новые правила, которые упорядочили терминологию и процедуру оказания почтовых услуг. Согласно данным правилам, корреспонденцию стали называть почтовым отправлением, закрытое письмо – письмом, открытое письмо – почтовой карточкой, денежный пакет и открытый ценный пакет – открытым письмом с объявленной ценностью, закрытый ценный пакет – закрытым письмом с объявленной ценностью, денежный узел или

узел – посылкой с вложением звонкой монеты. Отправителям разрешалось указывать на конвертах «спешное», «срочное» или «в собственные руки». После приема все почтовые отправления записывались в протокольные книги. В качестве сопроводительных документов при передаче корреспонденции использовались «карты» и «реестры», куда вносились все необходимые данные. Выдавать страховую корреспонденцию разрешалось по паспортным книжкам.

Телеграммы, или депеши, принимались в почтовых и телеграфных учреждениях ежедневно, включая выходные и праздничные дни, в строго определенное время, которое устанавливалось для каждого учреждения отдельно. Отправителю выдавалась квитанция, а содержание телеграммы оставалось в тайне. Однако, если в тексте обнаруживалось что-то, противоречащее законодательству или нормам морали, такая телеграмма могла быть отклонена.

Со второй половины XIX в. на территории Беларуси активно строились железные дороги, что способствовало быстрому развитию почтовых перевозок по железной дороге. Это, в свою очередь, привело к увеличению объемов пересылаемых бандеролей, в том числе тиражей газет, журналов и книг. Почтово-телеграфное ведомство разрешило учреждениям связи выступать посредниками между клиентами и редакциями периодических изданий. Благодаря этому, пользователи услуг крупных учреждений связи могли оформить подписку на газеты и журналы прямо на месте.

В результате реформы почтовой и телеграфной служб, проведенной в 1884–1885 гг., были внесены изменения в тарифы на услуги и введены знаки почтовой оплаты. Это позволило создать эффективную систему расчетов, упростив работу почтово-телеграфных служащих, а также облегчив доступ населения к услугам.

В конце XIX в. доходы от пересылки почтовой корреспонденции складывались из двух видов сборов: весового и страхового. Весовой сбор взимался с отправлений, вес которых превышал определенный лимит. Страховой сбор рассчитывался в зависимости от объявленной стоимости почтового отправления. Для каждого вида корреспонденции устанавливались свой предельный вес и ценность.

Оплата простых и заказных писем, а также бандеролей как внутри страны, так и за границу, осуществлялась весовым сбором и с помощью почтовых марок (знаков почтовой оплаты), которые наклеивали на лицевой стороне бандероли или на штемпельный конверт. В Российской империи существовала система франкирования корреспонденции (форма предварительной оплаты почтового сбора). Так, в обращении использовались 15 видов почтовых марок номиналом от 1 коп. до 7 руб.; пять видов штемпельных конвертов номиналом от 5,5 коп. до 20,5 коп.; пять видов бланков для открытых писем стоимостью от 0,25 коп. до 8 коп.; бланки для закрытых

писем трех видов номиналом от 5,5 коп. до 10,5 коп.; бандероли двух видов по цене 1,25 коп. и 2,5 коп. [2, с. 38].

Отправление закрытого простого письма обходилось в 7 коп. За отправку заказного закрытого письма приходилось дополнительно платить 7 коп. за заказ. Стоимость открытого письма составляла всего 3 коп. Для простого бандерольного отправления взималась плата в размере 2 коп. за каждые 13 г. За отправку заказного бандерольного отправления взималась дополнительная плата в размере 7 коп. за заказ. Посылки оплачивались по весу по тем же тарифам, что и письма [3, с. 106–107].

Получение почтовых знаков также было сопряжено с определенными сложностями, поскольку не в каждом населенном пункте имелось почтовое отделение, где можно было приобрести знаки почтовой оплаты. В регионах, где не было почтовых отделений, жители, покупая марки у частных лиц, обычно переплачивали за каждую единицу. Учитывая эти обстоятельства, ГУПТ определило, что только местное окружное почтово-телеграфное руководство имело право давать частным лицам разрешение на продажу марок при условии 0,25 коп. надбавки за одну [4, л. 9].

Однако, стоит отметить, что в Российской империи тарифные ставки на почтовые услуги были несколько выше, чем в других европейских странах. Отправка открытого письма обходилась на 88 % дороже, чем в Австро-Венгрии, и на 50 % дороже, чем в Германии. Закрытые письма на территории Российской империи также были одними из самых дорогих. В конце XIX в. стоимость 1 фунта хлеба (0,45 кг) на территории Беларуси составляла от 5 до 7 коп. [5, с. 45]. Соответственно, отправка одного закрытого письма за 3 коп. обходилась почти в стоимость двух буханок хлеба. Рассмотрим уровень заработной платы некоторых категорий населения в конце XIX в. Рабочие на предприятиях в белорусских губерниях получали в среднем за сутки 50 коп., в то время как оплата за отправку закрытого письма составляла 12 % от суточного заработка. Для простого населения такие расходы были непосильными и почтовые услуги оставались недоступной роскошью.

В пределах Российской империи (за исключением княжества Финляндского) за отправку телеграммы взималась «подепешная» плата в размере 15 коп. за каждую телеграмму. Стоимость «пословной» платы варьировалась от 1 до 10 коп. за слово, в зависимости от региона, где она отправлялась. Если перед адресом телеграммы адресант ставил отметку «срочная», то она отправлялась немедленно, без очереди, и плата за нее утраивалась. Существовала также возможность заранее оплатить ответ получателя телеграммы, который не должен был превышать десяти слов. Если же ответ предполагал использование большего количества слов, то количество оплаченных слов указывалось на самой телеграмме. Такая услуга называлась «телеграмма с оплаченным ответом». Если же телеграмма отправлялась

в местность, где не было телеграфных учреждений, то за ее доставку почтой необходимо было заплатить 7 коп. Стоимость доставки с эстафетой определялась почтовыми тарифами. Для извещения получателя о доставке телеграммы уплачивался взнос в размере платы за десять слов [6, л. 10].

Тарифы на пересылку газет и журналов были довольно простыми и включали в себя три ставки: 1 руб. 50 коп. за пересылку экземпляра журнала, который выходил не чаще одного раза в неделю; 2 руб. – для изданий, выходивших до трех раз в неделю; 3 руб. – для изданий, которые выходили более трех раз в неделю. Подписка на газеты и журналы была недешевой, что в свою очередь объясняло небольшое количество подписчиков среди белорусского населения. В 1886 г. плата за пересылку газет и журналов была установлена в размере от 10 % до 18 % от подписной цены изданий [7, л. 33]. В этот же год было произведено упорядочение пересылки по почте приложений к периодическим изданиям. Согласно предыдущим правилам, редакции имели право отправлять вместе с основным изданием различные собственные приложения в счет платы за пересылку. Однако, эти правила не устанавливали максимальное количество приложений и их общий предельный вес. Предельная норма общего веса издания с приложением была установлена в размере не более 12 фунтов, что составляло примерно 5,4 кг.

В 1905 г. в связи с увеличением популярности железнодорожного транспорта для пересылки корреспонденции вводится новый тариф на отправку посылок железнодорожным транспортом: а) в пределах одной губернии или области стоимость составляла 5 коп. серебром за один фунт (0,45 кг); б) при отправке из одной губернии или области в другую – от 5 до 35 коп., в зависимости от расстояния [8, с. 55]. Также в 1905 г. ввели ограничение – плата за сохранение посылок в почтово-телеграфных учреждениях. Она составляла 10 коп. за каждый день хранения после истечения семидневного срока. С 1908 г. плата снизилась до 5 коп.

Прием и выдача пакетов, узлов, посылок и заказной корреспонденции в учреждениях связи осуществлялись с 8.00 до 14.00, а также для заказной корреспонденции дополнительно выделяли не менее двух часов вечером. Это дополнительное время руководств почтово-телеграфных округов устанавливало для каждого учреждения отдельно. Прием и выдача простой письменной корреспонденции осуществлялись с 8.00 до 20.00 вечера. При этом прием телеграмм и продажа знаков почтовой оплаты были доступны круглосуточно. За год насчитывалось всего пять праздничных дней, когда учреждения не работали, и 29 дней (не считая воскресенья), когда работали в течение двух часов.

Почтовые ящики обычно размещались в почтовых и телеграфных учреждениях, а также рядом или внутри магазинов и аптек. Однако, их количество не соответствовало потребностям населения. Так, в Минске в 1895 г. насчитывалось 18 почтовых ящиков, в Могилеве было установлено толь-

ко 12. Для Минска это очень маленький показатель, на один почтовый ящик приходилось почти 5000 жителей города. Всего почтовых ящиков в белорусских губерниях в 1906 г. насчитывалось 1131, что составляло лишь 5 % от общего количества в Российской империи. Население белорусских городов было недовольно таким положением. В частности, в 1910 г. жители Гомеля выражали недовольство тем, что почтовые ящики располагались только вдоль главных улиц города и часто были переполнены корреспонденцией [9, с. 3; 10, с. 3]. Нежелание руководства почтово-телеграфных округов устанавливать дополнительные почтовые ящики можно объяснить тем, что для этого потребовалось бы увеличить штат сотрудников, которые могли бы обслуживать эти ящики. Однако, в то время не хватало почтальонов даже для того, чтобы доставлять корреспонденцию на дом. При конторах высших классов можно было воспользоваться услугой абонентского ящика.

Внутренняя миграция, а также промышленный рост городов приводил к увеличению почтово-телеграфной корреспонденции. Однако, основными потребителями услуг связи являлись жители крупных городов. С 1896 по 1906 г. количество отправленной почтовой корреспонденции в Беларуси увеличилось в 2,2 раза (общее количество – 117 964 761). Объем международной корреспонденции также продолжал расти: количество писем и периодических изданий увеличилось в 3,1 раза, денежных переводов – в 2,4 раза, бандерольных отправок – в 4 раза. Количество отправленных телеграмм составило 1 441 330, а полученных – 1 874 108, что в два раза больше, чем за предыдущие десять лет [11, л. 40]. Востребованность услуг связи в обозначенный период времени свидетельствовала о социально-экономической активности местного населения, повышении уровня образования, усилении коммуникаций между регионами Российской империи и расширении международных связей.

Необходимо отметить, что, несмотря на рост популярности услуг почтово-телеграфных учреждений в конце XIX – начале XX в., работа учреждений связи в белорусских губерниях вызывала критику как со стороны клиентов, так и со стороны высшего руководства почтово-телеграфного ведомства. Одной из основных проблем для клиентов учреждений связи была долгая доставка корреспонденции или ее потеря. Кроме того, почтово-телеграфные служащие нередко пользовались чужими периодическими изданиями. Так, жители Гомельского уезда жаловались, что почтово-телеграфные чиновники пользовались их газетами, а открытки с красивыми изображениями оставляли себе [12, л. 45–46; 13, л. 43].

В ряде случаев критические замечания, опубликованные в местных газетах, не соответствовали действительности. В связи с этим Главное управление почт и телеграфа приняло решение о проведении тщательной проверки местными почтово-телеграфными органами критических замечаний, опубликованных в прессе. В случае необходимости публиковались разъяснения

и опровержения недостоверной информации, в том числе в ведомственном издании «Почтово-телеграфный журнал» [14, с. 5–6].

Кроме того, клиенты сами нередко указывали неверный адрес на почтовой корреспонденции или не указывали его вовсе. В результате почтальоны не могли доставить корреспонденцию адресату и возвращали ее в учреждения связи на хранение. Еще одной проблемой, вызывавшей задержку корреспонденции, являлось неправильное ее направление, обусловленное отсутствием индексации населенных пунктов и большим количеством однотипных названий населенных пунктов. Имел место и человеческий фактор, когда корреспонденция случайно уничтожалась по вине почтово-телеграфных служащих, что было связано с загруженностью или неопытностью служащих почтово-телеграфных учреждений. Во многом, это было обусловлено стремлением правительства Российской империи к максимальной прибыли при минимальных затратах.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в перечень почтово-телеграфных операций вносились некоторые изменения, направленные на их совершенствование в соответствии с требованиями времени. После проведенной реформы 1894–1895 гг. почтово-телеграфные учреждения стали функционировать по единым правилам и тарифам, которые оставались неизменными вплоть до начала Первой мировой войны. Несмотря на стабильность тарифной политики почтово-телеграфного ведомства, сравнение стоимости услуг связи с ценами на основные продукты питания и уровнем заработной платы населения Беларуси в тот период позволяет сделать вывод о фискальных приоритетах правительства Российской империи. Тем не менее популярность услуг связи в белорусских губерниях продолжала расти, что подтверждается статистическими данными.

Список использованных источников

1. *Яворский, Н. Д.* Статистика почтовой корреспонденции / Н. Д. Яворский // Почтово-телеграф. журн. Отд. офиц. – 1894. – Октябрь. – С. 1048–1049.
2. *Радченко, К. Г.* Справочная книжка почтовых правил для удобства корреспондентов в Москве: с прил. почтового плана г. Москвы, геогр. карты стран, вошедших во Всемир. почтовый союз и рис. / сост. К. Г. Радченко. – Москва: [б. и.], 1897. – 182 с.
3. Памятная книжка Витебской губернии на 1901 год / изд. Витеб. губ. стат. ком. – Витебск: Губерн. тип., 1900. – Разд. паг.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1890. Оп. 1. Д. 3.
5. *Шыбека, З. В.* Минск сто гадоў таму / З. В. Шыбека. – Мінск: Беларусь, 2007. – 304 с.
6. Национальный исторический архив (НИАБ). – Ф. 2619. Оп. 1. Д. 2.
7. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1890. Оп. 1. Д. 3.

8. Почтово-телеграфная статистика за 1905 год: с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за тот же год / Гл. упр. почт и телеграфов. – Санкт-Петербург: Тип. М-ва внутр. дел, 1907. – [4], XXVII, 57 с.

9. Хроника // Полес. жизнь. – 1910. – 15 окт. – С. 3.

10. Почтовый ящик // Полес. жизнь. – 1910. – 8 окт. – С. 3.

11. *Сидорова, С. О.* Развитие почтово-телеграфной связи на территории Беларуси (80-е гг. XIX в. – 1914 г.): диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.02 / С. О. Сидорова. – Минск, 2020. – 160 л.

12. НИАБ. – Ф. 2919. Оп. 1. Д. 10.

13. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 7.

14. *Глембоцкий, А. О.* Почтово-телеграфное дело в России / А. О. Глембоцкий // Почтово-телеграф. эхо. – 1906. – № 1. – С. 8–9; № 7. – С. 3–4.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

Е. А. Сидорович

Белорусский государственный университет, Минск

E. Sidorovich

Belarussian State University, Minsk

УДК 94(460)

«КАНТИГИ О СВЯТОЙ МАРИИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА ЧУЖОГО В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОРОЛЕВСТВА КАСТИЛИИ И ЛЕОН

THE “CANTIGAS DE SANTA MARIA” AS A HISTORICAL SOURCE FOR THE RECONSTRUCTION OF THE IMAGE OF THE OTHER IN THE SOCIAL SPACE OF THE KINGDOM OF CASTILE AND LEON

В статье рассматривается образ мусульман в сборнике песен «Кантиги о святой Марии», созданном в скриптории Альфонсо Мудрого. Автор анализирует представления о мусульманах в тексте, обращая внимание на особенности дихотомии «свой – чужой», а также приходит к выводу о том, что культурные и исторические аспекты формировали представление о «чужом» в литературе. Результаты анализа помогают более глубоко понять специфику восприятия и представлений о мусульманах в средневековом кастильском обществе, а также предоставляют возможность дальнейшей корреляции с еще одной группой религиозных меньшинств – евреями.

Ключевые слова: Кантиги о святой Марии; Альфонсо X; Королевство Кастилия и Леон; чужой; Реконкиста; мусульмане.

This article examines the portrayal of Muslims in the collection of songs “Cantigas de Santa Maria” created in the scriptorium of Alfonso the Wise. The author analyzes the depictions of Muslims in the text, paying attention to the peculiarities of the dichotomy “us”– “them”. The study is based on a discursive approach to the text and includes an analysis of cultural and historical aspects forming the representation of the “other” in literature. The results of the analysis help to better understand the specifics of perception and representations about Muslims in medieval Castilian society, as well as provide an opportunity for further correlation with another group of religious minorities – Jews.

Keywords: Cantigas de Santa Maria; Alfonso X; Crown of Castile and Leon; other; Reconquista; Muslims.

Вторую половину XIII в. в Королевстве Кастилия и Леон часто медиевисты приравнивают к раннему Возрождению [1, с. 173], учитывая активность Альфонсо X Мудрого (1252–1284) в законотворчестве, литературе и научной деятельности. Однако в это же время была установлена относительно стабильная граница между христианскими королевствами и Гранадским эмиратом [2, с. 187], что, в свою очередь, сказалось на общественных отношениях в тех сообществах, где социальная структура была достаточно эклектичной: помимо представителей титульной веры – католицизма – прямыми субъектами государственной власти стали инорелигиозные меньшинства, которые воспринимались христианским большинством как «чужие». Исследовательское внимание к Королевству Кастилии и Леон среди прочих государств на Пиренейском полуострове объясняется именно размером так называемой контактной зоны, поскольку почти вся Андалусия была включена именно в это христианское королевство, а также историографическими пробелами, так как концепция *convivencia*, или сосуществования христиан, мусульман и евреев, изучена в основном на примере Королевства Арагон [2; 3; 4] или Кордовского эмирата [5; 6; 7]. Принимая во внимание тот факт, что Королевство Кастилия и Леон и Королевство Арагон – государства с разным политико-географическим контекстом, считаем, что обращение к «Кантигам о святой Марии» Альфонсо X предоставляет возможность восстановить отношения к «чужим» для более полного понимания социокультурного фона региона. Поэтому в качестве объекта данного исследования выступают мусульмане Королевства Кастилия и Леон, а предметом является их образ в социальном пространстве данного государства.

Цель нашего исследования заключается в реконструкции образа мусульманина как «чужого» в социальном пространстве Королевства Кастилии и Леона. Для ее достижения был использован сборник песен «Кантиги о святой Марии» [8] – литературный памятник XIII в., написанный на португальско-галисийском диалекте с музыкальной и изобразительной частями. Визуальная составляющая носит комплементарный характер при интерпретации отношения к представителям меньшинств, поскольку миниатюры ярко передают атмосферу и особенности эпохи. Данное произведение включает 427 различных сюжетов, объединенных темой воспевания

чудес Девы Марии, и позволяет реконструировать кастильское социальное пространство при Альфонсо X [9, р. 117], поскольку герои этих песен представляли различные группы общества Королевства Кастилии и Леона, включая и инорелигиозные элементы – евреев и мусульман. Знакомство с подобными текстами ставит перед современными историками ряд интерпретационных вопросов, ведь изучение литературных источников может дать ценное понимание исторического фона, на что в свое время обратил внимание немецкий медиевист Г. В. Гетц [10]: такое произведение может предоставлять свидетельства определенных событий и отношения к ним [11, р. 99–108]. Особый интерес вызывают те места произведений, где акцентируются пороки и недостатки субъектов. Однако при работе с нарративом стоит помнить, что объективность предоставляемой информации очень чувствительна к ее религиозному контексту и интерпретационной вариативности. Поэтому в нашем случае он нуждается в сопоставлении с другим источником данного периода – сборником законов «Семь партий», который восстанавливает юридический контекст эпохи Альфонсо Мудрого.

Кроме общих научных методов исследования во время изучения данного исторического источника был использован дискурс-анализ, который позволил определить контекст, в котором было создано данное произведение, в том числе и идеологические ценности эпохи Альфонсо Мудрого. Также с помощью контент-анализа мы установили количественные показатели частоты упоминания мусульман в песнопениях. Сравнительный анализ с главным законодательным источником данного периода – «Семь партий» – предоставил возможность подтвердить определенные предположения относительно способов включения иноверцев в социальное пространство средневекового кастильского общества.

В эпоху Высокого и Позднего Средневековья приверженцы ислама, проживающие на Пиренейском полуострове, занимали определенную часть общественного сознания христиан. Кастильцы, вернувшие часть андалусских земель, где доминировало мусульманское население, столкнулись с чужой культурой, языком и религией [12, р. 301]. Это в свою очередь вызвало коллективный и индивидуальный страх, трансформировавшийся затем в недоверие [13]. Политические же амбиции Альфонсо Мудрого, оформленные еще во времена успешных военных кампаний его отца Фернандо III (1217–1252) [14, р. 107], определили персональное отношение монарха к мусульманам как «врагам по вере» [15, р. 602] не без влияния постановлений IV Латеранского собора [16]. Следовательно «Кантиги о святой Марии» как каталог исторических и повседневных эпизодов предоставляют нам сюжеты, коррелирующие с религиозной политикой эпохи Альфонсо.

Следует обратить внимание на то, что телеология этого средневекового литературного памятника носила не только культурный, но и дидактический характер. В условиях того времени было необходимо воспитывать

общество в духе христианской добродетели и продемонстрировать силу католицизма как истинной веры. Таким образом, мусульманин для Альфонсо X играет дуальную роль: политический соперник в регионе и религиозный враг. Данное утверждение отчасти противоречит созданному в испанской историографии образу мудрого монарха, который организовал скрипториум, где работали последователи разных религий, что в свою очередь якобы подразумевает торжество толерантности к «другим» [17, р. 182–186; 18, р. 164]. Согласно бихевиоральной интерпретации Б. Катлоса концепции *convivencia*, использование научных и культурных наработок меньшинств, а также сотрудничество с ними в средневековых христианских королевствах логически объясняется максимизацией выгоды, а не веротерпимостью [4].

И. Альбертом и А. Бэгби в 1970-х гг. была предпринята попытка систематизации образов иноверцев [18, р. 164], представленных в письменных источниках эпохи правления Альфонсо Мудрого, а также их сравнение между собой [19]. Они выделили образы *завоевателей, предателей, язычников, жестоких захватчиков в плен*. Однако эта классификация работает только для мусульман-мужчин, проживающих за пределами Пиренейского полуострова, в то же время по тексту можно обнаружить неучтенные исследователями типы персонажей.

Если мы обратимся к самим сюжетам «Кантиг о святой Марии», где участвуют мусульмане, то обнаружим, что их количество составляет 44 эпизода из 427. Р. Заид [20] предложил разделить их на следующие группы: 1) конверсия мусульман в христианство, 2) духовное превосходство христиан над мусульманами, 3) темпоральное физическое мусульманское преобладание в регионе.

Первый кластер сюжетов с мусульманами – истории об их крещении. В юридическом пространстве эпохи Альфонсо Мудрого [21] имело место четкое осознание того, что кастильцы обязаны ненасильственно обращать приверженцев ислама в лоно католицизма, поскольку этого требовали центристские силы унификации социума средневекового государства [22, р. 343]. В кантиге 28 [23, р. 48–49] мы можем наблюдать за осадой мусульман Константинополя, который решает защитить сама святая Мария: она с небес расправляет свою мантию и тем самым спасает христианский город от катапульта. Возглавлявший войско султан сначала считал это проявлением магических заклинаний, попросил помощи у пророка Мухаммеда и, не получив ее, увидел в небе образ Богородицы. Осознав слабость своей веры, он незамедлительно решил стать христианином, чтобы не продолжать жить во грехе. В начале текста песни этот герой характеризуется как «хитрый мавр», «толстогубый», «последователь лжепророка». На миниатюре его крещение изобразили как процесс раскаяния в прежних заблуждениях, ведь султан в купели находился со смущенным выражением лица [24].

46 кантига [23, р. 73] рассказывает историю мусульманина-пирата, у которого после очередного ограбления оказалась икона святой Марии. Образ был настолько прекрасным, что мавр часто любовался ею, не веря при этом в святость Богородицы. Заметив мироточение иконы, герой находит священника и совершает конверсию. Стоит обратить внимание, что на миниатюрах персонаж изменяется антропологически: от классического араба с темными волосами и оливковой кожей до более светлого западноевропейского типажа.

В кантиге 167 [23, р. 236] мы можем узнать историю мусульманки из Борхи, у которой умер младенец. Пройгнорировав осуждение близких, она положила его перед иконой святой Марии. Спустя три дня ребенок ожил, и женщина в благодарность решает креститься. Визуально ее облик также меняется: посветлели волосы и черты лица стали более европейскими.

Согласно действующему законодательству эпохи Альфонсо мусульманин-раб, перешедший в христианство, освобождался автоматически и переходил в статус свободного [22, р. 486]. В 192 песне [23, р. 267–268] мы можем наблюдать за подобным сюжетом: плененному слуге-мусульманину является святая Мария и убеждает его креститься, после чего правовой статус героя меняется, и его дальнейшая жизнь в нарративе характеризуется положительно как праведная. Само пленение в кантиге имеет дуальную природу: по тексту метафорически раскрывается, что его душу удерживает сам дьявол, а на физическом уровне его бросает в тюрьму хозяин-христианин. Тем самым путем крещения этот мусульманин освобождается духовно и телесно.

Следовательно, путем перехода в христианство в сюжетах «Кантиг о святой Марии» происходит своего рода демаргинализация мусульман: они теряют черты «чужих», уподобляются идеальной для эпохи Альфонсо вестготской внешности и начинают характеризоваться положительными эпитетами. Кастилия выступала как прямой наследник Вестготского королевства и восприняла не только законодательство раннесредневекового государства, но и социокультурный код его элиты. В данном случае антропологическое подобие вестготам, а не более распространенному средиземноморскому типу, имеет идеологический подтекст. Примечательно, что в случае, где героиней эпизода является мусульманка, ее изменения во внешности более разительны. Если принять во внимание отсутствие каких-либо отрицательных эпитетов или характеристик этой героини, в отличие от мусульман-мужчин, то можно предположить, что именно женщины-иноверки полностью принимались христианским обществом и не подвергались стигматизации. Этот же тезис находит подтверждение в 205 кантиге, где мусульманка вместе со своим сыном на руках остается жива после обрушения башни во время осады города благодаря силе молитвы христиан, которые несмотря на демаркацию «своих» и «чужих» просят о ее спасении у святой

Марии [23, р. 288–289]. Если мы обратимся к сборнику законов «Семь партид», то не обнаружим наказания за сексуальную связь христиан-мужчин с иноверками. Сохранение межрелигиозной границы юридически охранялось лишь в случае контактов мусульман-мужчин и христианок [22, р. 491]. Эту юридическую практику подтверждает 186 кантига, где оговоренную женщину в связи с мусульманином приговаривают к сожжению на костре, однако благодаря вмешательству девы Марии она остается невредима [23, р. 259–260].

Если в «Семи партидах» демонстрируется стремление суверена к культурной сплоченности государства, поскольку там четко прописано, что у мусульман ошибочное вероисповедание и они последователи лжепророка [22, р. 343], то в «Кантигах» это находит выражение в идее религиозного и этического превосходства христианства. В 181 кантиге король Марокко одерживает победу над врагами, прибегая к образу святой Марии. А в 183 песне Богородица наказывает мусульманских рыбаков за осквернение своей иконы, и лишь после признания ими ошибки им вновь разрешается ловить рыбу [23, р. 253–255]. Несмотря на то, что А. Кастро интерпретировал данные сюжеты как проявление толерантности [16], необходимо помнить, что в условиях централизации государства было важно продемонстрировать образ унифицированного общества [1, р. 176]. Поэтому неудивительно, что большинство мусульман по сюжету песен находятся за пределами Королевства Кастилии и Леона: либо в Египте, либо в Марокко, либо в Византии. По мнению М. Гарсия-Ареналь, внимание к северной Африке в средневековой кастильской литературе оказало влияние на формирование испанского империализма в XVI в. и обоснование включения этой территории в сферу испанского влияния [25, р. 152]. Тем не менее, в пяти кантигах (167, 186, 192, 212, 358) речь идет именно об отдельных мусульманах, проживающих на христианской территории Пиренейского полуострова. Игнорирование их общинности в данном произведении также объясняется стремлением показать в большей степени унифицированное по вере кастильское общество, идеальное в представлении Альфонсо X. В данных песнях они предстают в образе свободных женщин, слуг богатых христианок и профессиональных ремесленников.

И, наконец, некоторые песни неизменно подчеркивают, что физическое превосходство мусульман над христианами носило темпоральный характер, и объясняют причины этой преходящей силы. Так, в 99 песне [23, р. 148] благодаря святой Марии мусульмане оставляют захваченный христианский город, хотя на миниатюрах заметно их преимущество в вооружении. В кантиге 348 [23, р. 499] повествуется о монархе, испытывающем финансовые трудности для продолжения войны против иноверцев: во сне Богородица явилась ему с известием, что вмешательство Иисуса Христа вскоре решит данную проблему. Здесь мусульманин предстает как грабитель

и политико-религиозный враг. Кроме того, в 169 кантиге [23, р. 238–239] описывается мудехарское восстание и его последствия: вооруженные силы мусульман-предателей, поддерживаемые Гранадским эмиратом, уничтожаются благодаря вмешательству Богородицы. Исходя из логики авторов этих песнопений, физическое превосходство врагов имеет ограниченный срок действия – рано или поздно они будут окончательно побеждены и изгнаны. В целом причины военного противостояния с мусульманами в «Кантигах» сохраняются неизменными со времен мосарабской литургической традиции: христиане некогда Вестготского королевства наказываются за несправедную жизнь [26]. Это в свою очередь делает образ мусульман еще более неоднозначным: с одной стороны, они выступают как враги по вере, а с другой – как орудие божественного гнева в назидание христианам.

Таким образом, «Кантиги о святой Марии» являются ценным литературно-изобразительным источником, способствующим глубокому изучению социального пространства XIII в. в Королевстве Кастилии и Леона, а также отношения к «чужим». Мусульмане здесь предстают как политические и религиозные враги, грабители, слуги, мастера и субъекты божественного наказания христиан. Их описания сопровождаются преимущественно эпитетами с отрицательной коннотацией. Во время правления Альфонсо X на юридическом уровне было закреплены положения о добровольном переходе мусульман в католичество. Примеры из «Кантиг» иллюстрируют последствия такого ненасильственного перехода: эти персонажи, подвергаясь духовному или сверхъестественному воздействию, проходят обряд крещения, после чего изменяются визуально, приближаясь к идеальному образу вестготской элиты, что объясняется идеологически. Также в сюжетах прослеживается превосходство христианства над исламом, что сопряжено с одной стороны дидактической составляющей этого произведения, а с другой – убеждением о скорейшем завершении Реконкисты. Проведённое исследование позволяет установить дальнейшие корреляции в отношении второй группы «чужих» – евреев, включая аспекты гендерного разделения, а также идеологический базис внутренней политики завершающего этапа Реконкисты и раннего периода испанского колониализма.

Список использованных источников

1. Bagby, A. I. The Moslem in the Cantigas of Alfonso X, El Sabio / A. I. Bagby // Kentucky Romance Quarterly. – 1973. – Vol. 20. – P. 173–207.
2. Варьяш, И. И. Переживание контактов в средневековой Испании / И. И. Варьяш // Испанский альманах. Вып. 1. Власть, общество и личность в истории. – Москва: Наука, 2008. – С. 187–194.
3. Nirenberg, D. Communities of Violence: Persecution of Minorities in the Middle Ages / D. Nirenberg. – Princeton University Press, 2015. – 320 p.

4. *Catlos, B. A.* Contexto y convivencia en la Corona de Aragón: propuesta de un modelo de interacción entre grupos etno-religiosos minoritarios y mayoritarios / B. Catlos // *Revista d'Història Medieval*. – 2001. – № 12. – P. 259–268.
5. *Dozy, R.* Histoire des Musulmans d'Espagne jusqu' à la conquête de l'Andalousie / R. Dozy. – Leide: E. J. Brill, 1861. – 382 p.
6. *Fernandez-Morera, D.* The Myth of the Andalusian Paradise: Muslims, Christians and Jews under Islamic Rule in Medieval Spain / D. Fernandez-Morera. – Intercollegiate Studies Institute, 2016. – 376 p.
7. *Menocal, M. R.* The Ornament of the World: how Muslims, Jews and Christians created a culture of tolerance in Medieval Spain / M. R. Menocal. – Back Bay Books, 2003. – 315 p.
8. Cantigas de Santa María. – Modo del acceso: <https://web.archive.org/web/20041013090228/http://perso.club-internet.fr/brassy/PartMed/Cantigas/CSMIDI.html>. – Fecha del acceso: 20.03.2024.
9. *Moreta Velayos, S.* La sociedad imaginada de las Cántigas / S. Morena Velayos // *Studia histórica. Historia Medieval*. – 1990. – № 8. – P. 117–138.
10. *Goetz, H. W.* “Vorstellungsgeschichte”: menschliche Vorstellungen und Meinungen als Dimension der Vergangenheit. Bemerkungen zu einem jüngeren Arbeitsfeld der Geschichtswissenschaft als Beitrag zu einer Methodik der Quellenauswertung / H. W. Goetz // *Vorstellungsgeschichte: Gesammelte Schriften zu Wahrnehmungen, Deutungen und Vorstellungen im Mittelalter* // A. Aurast, S. Elling, B. Freudenberg. – Bochum: Winkler, 2007. – P. 3–18.
11. *Kempshall, M.* Rhetoric and the Writing of History, 400–1300 / M. Kempshall. – Manchester: Manchester University Press, 2011. – 640 p.
12. *Hinojosa Montavlo, J.* Musulmanes en los reinos cristianos: una desconfianza permanente / J. Hinojosa Montavlo // *Cristianidad e Islam en la Edad Media Hispana / XVIII semana de estudios medievales*, Nájera, del 30 de julio al 3 de agosto de 2007; coordinadores José Ignacio de la Iglesia Duarte, Esther López Ojeda. – Logroño: Instituto de Estudios Riojanos, 2008. – P. 299–354.
13. *Сидорович, Е. А.* Восприятие мудахара христианами средневековых королевств Испании / Е. А. Сидорович // *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов*. – Вып. 26. – Минск: Четыре четверти, 2021. – С. 94–95.
14. *Echevarria Arsuaga, A.* Los mudejares de la Corona de Castilla / A. Arsuaga Echevarria. – Granada: Editorial Universidad de Granada, 2021. – 304 p.
15. Las siete partidas del muy noble rey Don Alfonso el Sabio / ed. G. López. – T. 2. – Madrid, 1843. – 954 p.
16. Concilium Lateranense IIII – Documenta (1215) / Documenta Catholica Omnia. – URL: https://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/1215-1215,_Concilium_Lateranense_IIII,_Documenta,_LT.pdf (date of access: 04.02.2025).

17. *Castro, A.* La realidad histórica de España / A. Casto. – México: Edit. Porrúa, 1962. – 479 p.
18. *Albert, I.* Some Characterizations of the Moor in Alfonso X's «Cantigas» / I. Albert, A. I. Bagby // The South Central Bulletin. – 1970. – Vol. 30. – № 4. – P. 164–167.
19. *Albert, I.* Alfonso X, el Sabio compara moros y judíos / I. Albert., A. I. Bagby // Romanische Forschungen. – 1970. – 82 Bd. – H. 4. – P. 578–583.
20. *Zaid, R.* The Muslim / Mudejar in the Cantigas of Alfonso X, el Sabio / R. Zaid // Sharq Al-Andalus. – 1987. – № 4. – P. 145–152.
21. *Coma, X.* «Кантиги о святой Марии» как часть политического проекта Альфонсо X Мудрого: связь с «Семью Партидами» / X. Сота // Проблемы истории и культуры Средневекового общества. Материалы XL всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (9–11 ноября 2020 г.) – Санкт-Петербург, 2021. – С. 494–499.
22. *Las Siete Partidas del Sabio Rey Don Alfonso el IX* / ed. G. López. – T. 3. – Barcelona: Imprenta de Antonio Bergnes, 1844. – 568 p.
23. *Fidalgo Francisco, E.* Traducción al Castellano de las Cantigas de Santa María de Alfonso X el Sabio / E. Fidalgo Francisco. – Alicante, 2022. – 604 p.
24. Cantigas de Santa María, Codice rico: Patrimonio nacional. – URL: <https://rbme.patrimonionacional.es/s/rbme/item/11337#?c=&m=&s=&cv=21&xywh=-498%2C1199%2C4519%2C2507> (fecha del acceso: 20.03.2024).
25. *García-Arenal, M.* Los moros en las Cantigas de Alfonso X el Sabio / M. García-Arenal // Al-qantara: Revista de estudios árabes. – 1985. – Vol. 6. – P. 133–152.
26. *Сидорович, Е. А.* Литургический гимн «Tempore belli» как исторический источник изучения арабского вторжения на Пиренейский полуостров / Е. А. Сидорович // Лістападаўскія сустрэчы-XV: матэрыялы міжнар. навук. выкладчыцка-студэнц. канферэнцыі ў гонар акад. М. М. Нікольскага і У. М. Перцава, Мінск, 15 лістапада 2023 г./ БДУ, Гістарычны фак., Каф. Гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў; рэдкал.: І. А. Еўтухоў (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2024. – С. 239–247.

(Дата подачы: 17.02.2025)

К. В. Стволыгин

Белорусский государственный университет, Минск

K. V. Stvolysin

Belarusian State University, Minsk

УДК 355.2(470)(091)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

HISTORICAL EXPERIENCE OF STAFFING THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN EMPIRE

В статье отражены результаты изучения тесно коррелирующих ключевых проблем комплектования вооруженных сил Российской империи: увеличение численности вооруженных сил в мирное время и увеличение численности военно-обученного резерва. Особое внимание в статье уделено анализу причин, обуславливающих данные проблемы. меры по устранению данных причин в процессе военных реформ. Содержание статьи тесно связано с современными проблемами комплектования вооруженных сил Республики Беларусь, в частности с проблемой выбора преимущественного способа их комплектования.

Ключевые слова: комплектования вооруженных сил; рекрутская повинность; воинская повинность; военно-обученный резерв.

The article reflects the results of studying closely correlated key problems of staffing the armed forces of the Russian Empire: increasing the number of armed forces in peacetime and increasing the number of military-trained reserves. Particular attention in the article is paid to the analysis of the reasons causing these problems. measures to eliminate these reasons in the process of military reforms. The content of the article is closely related to modern problems of staffing the armed forces of the Republic of Belarus, in particular, with the problem of choosing the preferred method of their staffing.

Keywords: recruitment of armed forces; conscription; military service; military-trained reserve.

Первая четверть XXI в. наглядно демонстрирует две тесно коррелирующие между собой значимые тенденции. Во-первых, действие правовых норм, относящихся к области международного права, в том числе и призванных регулировать международные вооруженные конфликты, перестает быть безусловным. Во-вторых, усиливается роль угроз вооруженного решения международных проблем, и не только угроз, но и их реализации на практике. Пока данные тенденции сохраняют свою актуальность, наличие боеспособных вооруженных сил в государстве, стремящимся быть максимально независимым, жизненно необходимо. Относительно боеспособности вооруженных сил важно зафиксировать следующую особенность вооруженных конфликтов XXI в. – расчеты на то, что современные войны будут вестись в короткие сроки компактными армиями, состоящими в основном из профессионалов-добровольцев с использованием только высокотехнологичных вооружений, перестали быть очевидными. В который раз в воен-

ной истории набирает свою актуальность проблема оптимального способа комплектования вооруженных сил: воинская повинность или контрактная система. Данные обстоятельства побуждают вновь обратиться к историческому опыту решения тесно коррелирующих ключевых проблем комплектования вооруженных сил Российской империи: увеличению численности вооруженных сил и военно-обученного резерва. Отражение этого опыта является целью данной статьи.

Выбор рассматриваемого в статье периода (1874–1913 гг.) связан с коренным реформированием системы комплектования вооруженных сил Российской империи, обусловленным значительными изменениями в ее политической, социально-экономической сферах. Отечественная историография уделяла перманентное внимание освещению соответствующего опыта. Наиболее информативными представляются работы Р. А. Фадеева, А. Ф. Редигера, Н. Н. Головина, П. А. Зайончковского, А. А. Керсновского, С. В. Байдарова, М. Н. Зуева и др. Вместе с тем, ряд проблем комплектования вооруженных сил России, в контексте современных реалий, нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

С исключительно военной точки зрения даже в мирное время желательно иметь максимально возможную численность вооруженных сил, укомплектованных хорошо обученным личным составом, другими словами, профессиональную армию, способную решать все возложенные на нее задачи как в мирное, так и в военное время без дополнительного привлечения значительных людских ресурсов. В качестве примера таких армий ссылаются на вооруженные силы Великобритании и США традиционно комплектуемые армии на контрактной основе. При этом в расчет не берутся не только географическое расположение этих стран, их экономические возможности, но и исторический опыт. 1-я мировая война потребовала от Великобритании перехода к обязательному призыву на военную службу не только добровольцев, но и всех здоровых мужчин. Сходная ситуация сложилась в те годы и в США. Во время Второй мировой войны мобилизация мужчин в возрасте с 18 до 26 лет в США была практически всеобщей [1, с. 20–21].

Эффективность решения проблемы увеличения общей численности вооруженных сил Российской империи иллюстрируют следующие факты. В периоды создания регулярной армии Петром I, существования рекрутской повинности, а затем и всеобщей воинской повинности численность российской регулярной армии составляла: в 1680 г. 164 тыс. чел., в 1725 г. – 210 тыс., в 1764 г. – 226 тыс., в 1850 г. – 1 118 тыс., в 1897 г. – 1 133 тыс., в 1913 г. – 1 320 тыс. человек. Как следует из этих данных рост численности вооруженных сил не был существенно связан с изменением системы их комплектования. Так, например, почти за 50 лет (с 1850 по 1897 г.), из которых почти половина приходится на комплектование вооруженных сил с использованием воинской повинности, вооруженные силы увеличи-

лись всего на 15 тыс. чел. (1,3 %), а с 1850 по 1913 г. – на 202 тыс. чел. (15,3 %) [2]. Если сравнивать результативность разных систем комплектования вооруженных сил России до начала Первой мировой войны, используя в качестве критерия их численность, то самой эффективной показала себя рекрутская повинность – со времени введения рекрутской повинности до перехода к комплектованию армии и флота путем всесословной воинской повинности численность вооруженных сил России увеличилась как минимум на 900 тыс. чел., более чем в 5 раз.

Численность вооруженных сил любой страны во многом зависит от общей численности ее населения. Однако эта зависимость не носит тотального характера. Государство с небольшим по численности населением может иметь значительную по численности наемную армию при условии наличия необходимых материальных средств на ее содержание. В Российской империи общая населения позволяла иметь огромную армию вне зависимости от способа ее комплектования, не прибегая к привлечению иностранных наемников. Так доля военных к общей численности населения России с 1850 по 1913 г., несмотря на значительное увеличение численности вооруженных сил, уменьшилась с 2 % до 0,8 % [3]. Однако при таком соотношении доли военных к общей численности населения в начале XX века в России, перешедшей к комплектованию вооруженных сил путем считавшейся более прогрессивной воинской повинности, начиная с 1905 г., наметилась устойчивая тенденция к нежелательному сокращению численности армии и числа новобранцев ежегодно пополняющих ее ряды. Как следствие остро встал вопрос некомплекта армии, доходившего, например, в 1909 г. в среднем до 47 тыс. чел. в месяц, что составляет 4 % штатного состава [4, л. 21].

Решение обозначенной выше проблемы потребовало существенного реформирования системы комплектования вооруженных сил, завершившийся принятием в 1912 г. нового устава о воинской повинности, заменившего устав о воинской повинности 1874 г. Как писал тогда Б. А. Энгельгардт, докладчик по военным вопросам в Государственной Думе: «Исходной причиной закона 1912 г. являлась неудовлетворительность комплектования русской армии и хронический некомплект её в мирное время. Поэтому, этот закон преследовал прежде всего цель – обеспечить нашей армии возможность исправного получения ежегодных пополнений, в размерах требуемых численностью армии» [5, с. 36].

В документе «Об изменении Устава о воинской повинности», подготовленным Главным управлением Генерального штаба № 66 от 14 января 1911 г., носящим гриф «Секретно» [6, л. 28–47], названы причины сложившейся негативной ситуации с комплектованием вооруженных сил. В числе основных причин, зафиксированных в данном документе, выделим следующие.

1. Вследствие роста вооруженных сил и постепенного сокращения сроков действительной службы непрерывно возрастал и контингент ново-

бранцев, ежегодно требовавшихся от населения для пополнения армии. За 35 лет, т. е. от момента вступления в силу устава 1874 г., число лиц, достигающих призывного возраста, возросло на 83 %, т. е. менее, чем в два раза, в тоже время контингент новобранцев, призываемых в армию, утроился. Это привело к тому, что исполнение воинской повинности в настоящее время ложится на население значительно более тяжелым бременем. В первые годы действия устава 1874 г. из пяти призывников в войска брали примерно одного новобранца, а ныне из тех же пяти берут два человека. Соответственно вдвое затруднился выбор новобранцев вполне годных для военной службы.

2. В армию поступает большое число новобранцев, не пригодных к военной службе по физическим качествам. Это число непрерывно возрастает. Таким образом 9 % новобранцев по прибытию их в войска сразу же возвращаются обратно. Кроме того, ежегодная убыль в армии по физической неспособности к службе, болезням и вследствие смерти колеблется от 4 до 5 % от списочного состава.

3. Широкие льготы по семейному положению, предоставляемые уставом 1874 г. Причем эта причина, по мнению составителей документа, ставится на первое место. В подтверждение этого в документе приводятся следующие данные. За последнее пятилетие лица, имеющие право на льготу по семейному положению, составляли около 45 % всех призывников. В этой связи необходимо отметить, что существенные льготы имели место и по другим основаниям, в частности по вероисповеданию. Так, начиная с 1874 г., от военной службы и от службы в ополчении, к примеру, освобождались меннониты [7, с. 193–199].

Военным министром генералом от кавалерии В. А. Сухомлиновым в мае 1910 г. были внесены предложения о необходимых преобразованиях в деле комплектования вооруженных сил [8, л. 22–26]. Так предлагалось:

- значительно сократить льготы по семейному состоянию призываемых;
- сократить льготы, связанные с получением образования или уже с полученным образованием;
- расширить прием в армию охотников, которыми могут быть все желающие в возрасте от 18 до 30 лет при условии физической годности и «непочтенности по суду»;
- внести изменения в постановку службы вольноопределяющихся, в частности увеличить срок их действительной службы с 1 года до 2 лет;
- увеличить уголовное наказание за уклонение от воинской повинности (до 2 лет тюремного заключения, сопровождаемого некоторых особых прав и преимуществ).

Предложения, внесенные Военным министерством, нашли свое частичное отражение в уставе «О воинской повинности», принятом в 1912 г.

В частности, призывной возраст стал единым – 20 лет; срок действительной службы был существенно снижен (в армии – с 6 лет до 3–4 лет в зависимости от рода войск, на флоте – с 7 до 5 лет); увеличился срок службы в запасе (в армии – с 9 лет до 13–15 лет в зависимости от рода войск, на флоте – с 3 до 5 лет) [9]. Однако устав 1912 г. оставил льготы по семейному положению без сколько-нибудь существенных изменений, несмотря на первостепенное значение, придаваемое их сокращению Военным министерством. Русский военный теоретик Н. Н. Головин (1875–1944) так охарактеризовал данную ситуацию: робкая попытка военного министерства затронуть этот вопрос, окончилась неудачей. Военное министерство в представленном им в Государственную Думу законопроекте предлагало не считать единственных сыновей при работоспособном отце льготными первого разряда. Такая поправка уменьшала число лиц, ежегодно зачислявшихся при призыве в ополчение II-го разряда, т. е. число лиц, фактически освобождавшихся в военное время от боевой службы – на 100 тыс.. Но Государственная Дума не согласилась с этим и остановила прежнее положение. По-прежнему льготные сразу же при призыве назначались в ополчение, что в случае войны предreshало самое несправедливое распределение тягот военной службы [10, с. 36–37].

В качестве основного фактора, обуславливающего описанное выше отношение к запросам Военного министерства, следует выделить экономические возможности России. Увеличение численности вооруженных сил государства, за исключением привлечения в этих целях наемников, неизбежно влечет сокращение числа работников, занятых в народном хозяйстве, а значит, также, как и содержание больших по численности вооруженных сил, негативно сказывается на государственной экономике. В 1910 г., когда назрела настоятельная необходимость пересмотра ряда положений устава о воинской повинности 1874 г. и, соответственно, разработки и принятия нового аналогичного устава, Советом Министров России было зафиксировано следующее требование – все поступившие предложения по изменению устава 1874 г. могут быть утверждены лишь при условии, что Военное министерство приложит все старания к уменьшению бремени, возлагаемого преобразованием на Государственное казначейство, путем соразмерного сокращения издержек по другим частям военного бюджета [11, л. 25–26].

Решение проблемы увеличения численности военно-обученного резерва в Российской империи зависело, прежде всего, от следующих факторов: системы комплектования вооруженных сил; общей численности лиц, находящихся на действительной службе; сроков действительной службы и службы в запасе; системы подготовки лиц, находящихся в запасе; экономического потенциала государства. Оценивая решение данной проблемы в целом в период проведения военных реформ второй половины XIX – начала XX в. следует отметить положительную динамику. Переход к рекрутской повинности, в последующем к воинской повинности безусловно способствовал

увеличению военно-обученного резерва. Этому же способствовало сокращение сроков действительной службы при одновременном увеличении сроков службы в запасе.

В системе подготовки военно-обученного резерва первоначальную ступень занимала подготовка военнослужащих запаса. Основной формой этой подготовки выступали учебные сборы, которые проводились: ежегодно с офицерами запаса; с рядовыми, унтер-офицерами запаса и вольноопределяющимися – два раза, за все время пребывания их в запасе (каждый раз по 6 недель). Военнослужащие запаса, проживавшие за Уралом, на Дальнем Востоке и в Средней Азии на учебные сборы не призывались [12, с. 17]. Важнейшим направлением деятельности военного и морского ведомств была также подготовка государственного ополчения, направленная главным образом на обучение несению охранной и караульных служб. В качестве итога прилагаемых усилий по созданию военно-обученного резерва России к началу Первой мировой войны приведем следующие данные. На действительной службе состояло 1 300 тыс. чел., в запасе вполне обученных – 3 100 тыс., слабо обученных 800 тыс., в ополчении обученных – 500 тыс. [13, с. 227].

В современных условиях наиболее оптимальным представляется комплектование вооруженных сил преимущественно на основе воинской обязанности (призыва). Это позволяет иметь не только большие по численности армию и военно-обученный резерв, но и сократить материальные затраты на их содержание.

Сроки военной службы по призыву, с одной стороны, должны быть максимально короткими, чтобы не лишать народное хозяйство трудовых ресурсов, с другой – позволять призывнику в полном объеме освоить военно-учетную специальность.

Необходима продуманная и всесторонне обоснованная минимизация отсрочек от призыва на срочную военную службу, службу в резерве.

Успешное решение проблем комплектования вооруженных сил, наличия достаточного военно-обученного резерва во многом определяется эффективностью военно-патриотического воспитания граждан.

Список использованных источников

1. *Стволыгин, К. В.* Отказы от военной службы вследствие убеждений и альтернативная гражданская служба в России / К. В. Стволыгин. – Минск: БГУ, 2020. – 247 с.
2. Численность российской регулярной армии с 1680 по 1913 годы / История войн и военных конфликтов. – URL: <http://www.warconflict.ru/rus/new/?action=shwprd&id=1483> (дата обращения: 07.02.2025).
3. Численность российской регулярной армии с 1680 по 1913 годы / История войн и военных конфликтов. – URL: <http://www.warconflict.ru/rus/new/?action=shwprd&id=1483> (дата обращения: 07.02.2025).

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1294.
5. Головин, Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне: в 2 т. / Н. Н. Головин. – Париж: Т-во объединённых издателей, 1939. – Т. 1. – 211 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1294.
7. Стволыгин, К. В. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи: монография / К. В. Стволыгин. – Минск: РИВШ, 2010. – 248 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1294.
9. Новый закон о воинской повинности: Точный текст выс. утв. 23 июня 1912 г., одобр. Гос. советом и Гос. думой, закона об изменении Устава о воин. повинности. – Неофиц. изд. – Кронштадт: изд. тип. т-ва «Кронштадт. вестн.», [1912]. – 83 с.
10. Головин, Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне: в 2 т. / Н. Н. Головин. – Париж: Т-во объединённых издателей, 1939. – Т. 1. – 211 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1294.
12. Зуев, М. Н. Подготовка военно-обученного резерва в России: 1876–1914 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / М. Н. Зуев; [Место защиты: Сев.-Зап. акад. гос. службы]. – Санкт-Петербург, 2008. – 27 с.
13. Комплектование и устройство вооруженной силы [Текст] / сост. А. Редигер; испр. и доп. Д. Филатьев. Комплектование армий. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Ник. воен. акад., 1913-, 1913. – VI, 263 с.

(Дата подачи: 17.02.2025 г.)

М. А. Сузько

Республиканский институт высшей школы, Минск

M. Suzko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94:2(476)

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

REVIVAL AND DEVELOPMENT OF ORTHODOX BROTHERHOODS IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

В настоящей статье анализируется деятельность православных братств на территории Беларуси в разные исторические эпохи, особый акцент сделан на роли и позиции братств во второй половине XIX – начале XX в. Проанализирована роль данных религиозных объединений, которые способствовали духовно-нравственному становлению населения, обогащали жизненный опыт молодежи, повышали уровень образованности детей, что в целом оказало благоприятное воздействие на укрепление традиционных ценностей белорусского общества.

Ключевые слова: православные церковные братства; Православная церковь; религиозные объединения; вероисповедание.

This article analyzes the activities of Orthodox brotherhoods in Belarus in different historical periods, with special emphasis on the role and position of the brotherhoods in the second half of the 19th – early 20th centuries. The role of these religious associations, which contributed to the spiritual and moral development of the population, enriched the life experience of young people, increased the level of education of children, which generally had a beneficial effect on strengthening the traditional values of Belarusian society, is analyzed.

Keywords: Orthodox church brotherhoods; Orthodox Church; religious associations; religion.

Многие явления духовной сферы жизни имеют циклический характер развития, это в некоторой степени относится и к истории православных братств на территории Беларуси. Братства неоднократно появлялись на белорусских землях, в определенные периоды становились заметным явлением духовной и культурной жизни общества, а затем сворачивали свою деятельность, чтобы вновь возродиться.

Православная церковь имеет сложную организационную структуру как и любая другая церковная организация. Все члены церкви разделены на два больших разряда. Первый из них составляют клирики – люди, которые призваны совершать церковное служение: проповедовать, совершать таинства. По сути, в христианской церкви клиром является духовенство. Второй разряд членов церкви, более многочисленный, составляют миряне. Они также

вовлечены в церковную жизнь, участвуют в богослужении своими молитвами, в церковном управлении, в распоряжении церковным имуществом.

Современный исследователь, автор монографии и иных научных работ о православных братствах, Ф. А. Дорофеев предложил цельное определение феномена церковных братств. В соответствии с ним под братствами в наиболее общем смысле понимается самоуправляющаяся организация мирян в рамках какой-либо религии, созданная при конкретном храме с религиозными, политическими, социально-бытовыми и иными целями, закрепленными в уставе или традиции [1, с. 40]. Православные церковные братства рассматриваются как «общества лиц разных сословий для взаимной помощи в нуждах мирских и духовных». Их идейной основой была и остается христианская любовь – главный принцип нравственных отношений между людьми. Членом братства мог стать любой православный независимо от социального статуса, имущественных отношений, национальной принадлежности и т. д.

Православные братства играли важную роль в истории Беларуси. Являясь объединениями, основанными, главным образом, по религиозному принципу, братства в то же время активно участвовали в политической, социальной и культурной жизни общества.

Обратимся к основным вехам истории создания православных братств на территории Беларуси. Практика создания братств у восточных славян уходит корнями в глубокую древность. Первое известное на белорусских землях братство было создано в Полоцке в XII в. В первой волне появления братств видится продолжение традиций раннехристианских общин как самоуправляемых организаций. Традиции братского движения не прерывались и в последующие столетия, хотя не всегда деятельность братств была активной и заметной в жизни общества в целом.

Совершенно новый этап братского движения начался со второй половины XVI в., когда религиозно-культурная атмосфера на восточнославянских землях Речи Посполитой стала быстро меняться. Это было связано с пробуждением конфессионального самосознания широких масс населения. В это время получают распространение протестантские движения, развернулась религиозная полемика, возникло стремление к обновлению внутри самих православных общин. Светские лица и представители духовенства пытались повысить уровень религиозной культуры и просвещения населения. В это же время среди верующих католического вероисповедания развернулась Контрреформация, которая сопровождалась активизацией миссионерской деятельности и пропаганды в отношении верующих иных конфессий [2, с. 342]. Это вызвало соответствующую реакцию православного клира и мирян, формирования многочисленных братств, основной задачей которых являлась защита своей веры. Именно в это время братства становятся не просто околицерковными объединениями, а полноценными

общественно-политическими организациями, которые имели устав и четко сформулированные задачи деятельности.

На первый план в это время выходит благотворительная деятельность. Многие братства обзаводятся богадельнями, приютами, госпиталями. Члены братств были особенно активны и в просветительской деятельности. Они проявляли большую активность в области образования и открывали школы, в учебных программах которых новые педагогические тенденции сочетались с религиозным воспитанием в духе восточнославянской традиции, а также с воспитанием уважения к собственному культурному наследию. В этих школах обучались дети шляхты, священников, мещан, других сословий и социальных групп. Белорусские православные братства активно выступали против католицизма, церковной унии и протестантизма, были сторонниками равноправия всех христианских конфессий [3, с. 45]. Одним важным направлением деятельности братств являлось книгопечатание. Члены братств не просто финансировали книгопечатание, а разрабатывали целостные издательские программы и многое другое. Одним из самых известных было Виленское братство при Троицком монастыре, просветительская деятельность которого затрагивала и белорусские земли.

Начиная с 20-х гг. XVII в. влияние братств на церковную и общественную жизнь неуклонно падало, причиной чему был переход большей части православной шляхты и мещан в Католическую церковь, что подрывало социальную базу братств и ограничивало возможности их деятельности, в том числе благотворительность, и распространение, утверждение духовного просвещения [4, с. 256]. В этот период меняется и положение Православной церкви на белорусских землях в целом. Среди населения Беларуси начинает распространяться униатство. Быстрое распространение униатской церкви на белорусских землях можно объяснить тем, что она имела действенную поддержку со стороны власти. Существенным было и то, что униатское духовенство приложило большие усилия, чтобы новая церковь по своей обрядности не очень отличалась от православной и была тесно связана с повседневной жизнью простого народа. В литургической храмовой службе униатские священники пользовались польским, церковнославянским, белорусским и даже латинским языками. Данная ситуация существовала до разделов Речи Посполитой и вхождения белорусских земель в состав Российской империи.

Третья волна истории братского движения начинается на территории Беларуси только во второй половине XIX в. Либеральные реформы, начало которым положила отмена в России крепостного права в 1861 г., вызвали всплеск социальной активности братств. Наиболее широкий размах братское движение приобрело с 1864 г., когда были утверждены «Основные правила для учреждения православных братств» (Полное собрание законов 1864 г.). В конце XIX – начале XX в. наблюдалась активизация деятельности

церковных организаций, их деятельность нередко выходила за пределы религиозной области. В рассматриваемый период роль православных братств и их общественно-политическая значимость были особенно велики. Братства уже тогда имели свои уставы, печати, органы самоуправления. Большинство средств православных братств складывались из членских взносов и пожертвований со стороны частных лиц, монастырей, государственных и земских организаций.

Активная роль православных церковных братств в общественно-политической и культурной жизни страны во второй половине XIX – начале XX в. было закономерным явлением. Она было вызвано целым комплексом причин социально-экономического, политического, религиозного и культурного характера. Главной среди них была отмена крепостного права в 1861 г., которая создала все условия для воскрешения традиционной формы братств в новых общественно-политических условиях. На территории Беларуси открывались новые и восстанавливались ранее существовавшие православные братства, целью которых были укрепление позиций Православной церкви, предотвращение ополячивания и окатоличивания белорусского населения. Возрождение братского движения было поддержано властями Российской империи, что во многом объяснялось реакцией на восстание 1863–1864 гг.

В развитии белорусских братств во второй половине XIX – начало XX в. периода можно выделить три этапа, исследованных и охарактеризованных современным белорусским историком С. М. Восовичем [5, с. 16]. Первый этап охватил период с начала 60-х гг. до начала 70-х гг. XIX в. Для него характерно возрождение братской деятельности в основном под воздействием политических причин после восстания 1863–1864 гг. и ослабления позиций Католической церкви в Беларуси. В указанный период ломались сословные границы. Идеи земства (местного самоуправления) с привлечением к активной социальной работе представителей разных сословий были созвучны целям братств.

Второй этап длился с середины 70-х гг. до начала 80-х гг. XIX в. Деятельность братств в начале 70-х гг. стала несколько ослабевать. С начала 80-х гг. начался очередной подъем братского движения. В 1884 г. вышли новые правила о церковно-приходских школах, благодаря которым начальная школа ставилась в неразрывную связь с церковью, от которой в течение некоторого времени была отделена. Это вызвало объединение советов ведущих братств епархий с епархиальными училищными советами, что привело к увеличению влияния церковных братств.

Третий этап начался с 80-х гг. XIX в. и продолжился в начале XX в. В это время вновь наблюдалось усиление миссионерской и религиозно-просветительской деятельности братств. Предпринимались попытки объединить усилия всех братств на территории Беларуси. Местные органы власти бла-

госклонно относилось к идее возрождения братств. Они всячески содействовали деятельности братских организаций, выделяя для этой цели финансовые средства. Значимость братств выражалась и в том, что в их состав входили представители высшей церковной иерархии, члены правительственных кругов, общественные деятели. По мере того, как росла численность братств и расширялась их деятельность, возрастало и общественно-политическое значение этих организаций. Братчики принимали активное участие в совещаниях по вопросам о выборе депутатов в Государственную Думу, о введении земского самоуправления в западных губерниях и т. д.

Активизация деятельности братств в начале XX в. была связана с новыми условиями деятельности Православной церкви после издания 17 апреля 1905 г. закона «О веротерпимости», приведшего к активизации миссионерской деятельности неправославного духовенства. В этой связи является вполне очевидным, что братское движение к началу XX в. продолжало набирать силу, стремясь к как можно большему охвату разных сторон общественной жизни Беларуси. Братства обретают устойчивость, становятся более активными и заметными общественной жизни. В братствах воскрешались древние и зарождались новые формы церковной жизни. Для усиления своего влияния среди населения и улучшения материального положения православных жителей Беларуси, облегчения условий их жизни православных братств в начале XX в. обратили серьезное внимание на учреждение экономических организаций и учреждений взаимной помощи – потребительских лавок, артелей, ссудо-сберегательных касс, кредитных товариществ.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что традиции братского движения на территории Беларуси сформировались еще в период Древней Руси и уходят корнями в глубокую древность. Первое известное нам братство на белорусских землях было создано в Полоцке в XII в. Традиции братского движения не прерывались и в последующие столетия. Деятельность братств активизировалась тогда, когда активизировалась и общественная жизнь в целом – и в период конфессиональной полемики во второй половине XVI в., а впоследствии во время глубокой трансформации белорусского общества в Новейшее время – во второй половине XIX – начале XX в.

Православные братства, осуществлявшие свою общественно-политическую и культурно-просветительскую деятельность в этот период, представляли собой подлинно народные объединения. Это выражалось в том, что братская деятельность была направлена на работу с широкими слоями общества. Братства стремились к оживлению церковно-приходской жизни, поднятию религиозно-нравственного уровня народа и одновременно к охвату многих сторон общественной жизни. Братское движение на территории Беларуси всегда было важной составляющей духовной жизни общества, как ответ православных верующих на вызовы внешних условий деятельности

Православной церкви и как реализация присущего Православию стремления к соборности. Во все исторические периоды программа деятельности братств включала в себя неизменную задачу защиты интересов Православия на белорусских землях, сохранение духовной культуры и традиций белорусского народа.

Список использованных источников

1. *Брич, С. В.* Деятельность православных братств на территории Беларуси (XVI–XVII века) / С. В. Брич // Проблемы выхавання. – 2008. – № 2. – С. 40–43.

2. *Волочко, О. А.* Православные братства: история становления и деятельность (на примере Минского православного братства святых Виленских мучеников) / О. А. Волочко // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі: да 940-годдзя горада: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. / НАН Беларусі [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2008. – С. 376–380.

3. *Восович, С. М.* Источники по истории православных братств Беларуси второй половины XIX – начала XX в., находящиеся в государственных архивах Республики Беларусь и Литовской Республики / С. М. Восович // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Мінск, 2009. – Вып. 10. – С. 91–97.

4. *Ганчар, А. И.* Римско-католическая церковь в Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв.): исторический очерк: монография / А. И. Ганчар. – Гродно: Гродн. гос. аграр. ун-т, 2010. – 510 с.

5. *Иванова, Л. В.* Православные братства и сестричества как социальная форма деятельности церкви: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 09.00.06 / Л. В. Иванова; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва, 2000. – 19 с.

6. *Киприянович, Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве / Г. Я. Киприянович. – Минск: Изд-во Белорус. Экзархата, 2006. – 351 с.

7. *Орловский, Е. Ф.* Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794–1900) / Е. Ф. Орловский. – Гродно, 1903. – 604 с.

8. *Яноўская, В. В.* Хрысціянская царква ў Беларусі ў 1863–1914 гг. / В. В. Яноўская. – Минск: БДУ, 2002. – 199 с.

(Дата подачи: 24.02.2025 г.)

Сун Юйхун

Белорусский государственный университет, Минск

Song Yuhong

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.8(73)+341.17(4)

СТРАТЕГИЯ КНР ПО РАЗВИТИЮ ОТНОШЕНИЙ С КАНАДОЙ В 1970–1989 ГГ.

THE STRATEGY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (PRC) ON DEVELOPING RELATIONS WITH CANADA IN 1970–1989

Цель данной статьи – раскрыть стратегию КНР по развитию отношений с Канадой в 1970–1989 гг. Она включает выявление динамики развития политических отношений, а также их влияние на характер двусторонних связей в период Холодной войны. Автором было показано, что прецедент установления дипломатических отношений с Оттавой в 1970 г. стал для Китайской Народной Республики моделью, в соответствии с которой происходило восстановление отношений и с другими западными странами. Сделан вывод о том, что сотрудничество с Канадой внесло весомый вклад в социально-экономическое развитие КНР в 1970–1989 гг.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Канада; китайско-канадские отношения; Мао Цзэдун; Чжоу Эньлай; Дэн Сяопин; Пьер Эллиот Трюдо.

The purpose of this article is to reveal the strategy of the PRC in developing relations with Canada in 1970–1989. It includes identifying the dynamics of the development of political relations, as well as their influence on the nature of bilateral ties during the Cold War. The author showed that the precedent of establishing diplomatic relations with Ottawa in 1970 became a model for the People's Republic of China in accordance with which relations with other Western countries were restored. It is concluded that cooperation with Canada made a significant contribution to the socio-economic development of the PRC in 1970–1989.

Keywords: People's Republic of China; Canada; Chinese-Canadian relations; Mao Zedong; Zhou Enlai; Deng Xiaoping; Pierre Elliott Trudeau.

В 1970–1980-е гг. ключевые тенденции мировой политики определялись противостоянием между США и СССР, что происходило на фоне политической, экономической и военной напряженности. Несмотря на это, наблюдалось усиление влияния и других стран, таких как Япония и Западная Германия, а также ускорение процесса глобализации. Столкнувшись с внутренними потрясениями и международной изоляцией в начале 1970-х гг., Китай начал искать новые решения дипломатических задач. Важными событиями этого периода стали восстановление законного места Китая в ООН в 1971 г., размораживание американо-китайских отношений в 1972 г. и внедрение политики реформ и открытости Дэн Сяопина в 1978 г. Эти события существенно повлияли на международное положение Китая. В 1970 г. Канада стала одной из первых западных стран, признавших Китайскую Народную Республику.

На протяжении двух десятилетий отношения между двумя государствами стабильно развивались. Цель данной статьи – раскрыть особенности стратегии КНР по развитию отношений с Канадой в 1970–1989 гг., начиная с момента установления дипломатических отношений. Изучение данной проблемы имеет важное значение для понимания истоков современных отношений Китая с западными странами, в частности с Канадой. Однако данная тема пока слабо освещена в русскоязычной литературе. Отдельные аспекты рассмотрены в работах Э. А. Бабаева [1], Н. А. Казанцева [2], Е. В. Израелян [3]. Настоящее исследование направлено на заполнение этого пробела.

После провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. китайское руководство выразило готовность установить дипломатические отношения со всеми странами мира [4, с. 1461]. 30 апреля того же года основатель КНР Мао Цзэдун заявил: «Народно-революционный военный совет Китая и Народное правительство Китая готовы рассмотреть вопрос об установлении дипломатических отношений со всеми иностранными государствами, при условии, что такие отношения будут основаны на равенстве, взаимной выгоде и взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности» [5]. Главной задачей дипломатии в первые годы после основания Нового Китая стало полное устранение внешнего контроля, восстановление независимости и суверенитета государства. С этой целью Мао Цзэдун выдвинул несколько внешнеполитических установок, направленных на полный разрыв с унижительной дипломатией старого Китая, непризнание дипломатических отношений, установленных прежним режимом с другими странами, создание новых дипломатических отношений со всеми государствами мира на новой основе, а также полное искоренение имперских пережитков прошлого, унаследованных от старого общественно-политического строя [6].

Как сосед Соединённых Штатов Канада долгое время придерживалась политики изоляции Китайской Народной Республики, следуя американскому курсу. Однако с течением времени отношение Оттавы к правительству в Пекине претерпело изменения. В апреле 1968 г. новым премьер-министром Канады стал Пьер Трюдо. После его прихода к власти он многократно заявлял о желании улучшить отношения с Китаем. В частности, он отмечал: «Канада всегда проявляла позитивное отношение к континентальному Китаю и ожидает, что он станет членом международного сообщества» [7, с. 18]. Кроме того, Пьер Трюдо подчеркивал, что целью Оттавы является «как можно быстрее признать Китайскую Народную Республику и предоставить ей место в Организации Объединённых Наций» [7, с. 18].

С мая 1969 г. Китай и Канада провели несколько раундов официальных переговоров по вопросу установления дипломатических отношений. Китайская сторона выдвинула следующие условия: признание Центрального

правительства Китайской Народной Республики единственным законным правительством Китая; признание Тайваня неотъемлемой частью территории Китайской Народной Республики; восстановление всех законных прав и статуса Китая в Организации Объединенных Наций. Со своей стороны, Канада предложила заключить соглашение, аналогичное тому, которое было достигнуто ранее между Китаем и Францией, и выдвинула два принципа для установления дипломатических отношений: во-первых, не делать заявлений по вопросу статуса Тайваня и политики одного Китая, во-вторых, не брать на себя обязательства заранее по вопросу формы представительства Китая в ООН. Что касается совместного заявления двух стран, Канада предложила ограничиться лишь формулировкой о решении установить дипломатические отношения и регулярном назначении послов, избегая упоминания Тайваня. При этом Оттава соглашалась с тем, чтобы китайская сторона подтвердила статус Тайваня как неотъемлемой части территории Китайской Народной Республики, а канадская сторона выразила бы понимание этой позиции. Правительство Канады также считало, что было бы нежелательно четко выражать мнение по поводу границ Китая.

Китайский переговорщик Ван Дун указал на ошибочные заявления канадской стороны относительно Тайваня в прошлом. В частности, он напомнил, что еще в 1950-х гг. Канада, следуя политике США, поддерживала концепцию «двух Китаев», утверждая, что статус Тайваня остается неопределенным. В период правления Либеральной партии премьер-министр Л. Б. Пирсон и министр иностранных дел П. Мартин не раз заявляли публично, что «Канада поддерживает вступление Народного Китая в ООН, но не согласна с расширением его власти на Тайвань» [7, с. 39]. Ван Дун подчеркнул: «Учитывая прошлые ошибки канадской стороны по вопросу Тайваня, для подтверждения позиций обеих сторон и обеспечения ясности текст совместного заявления о нормализации дипломатических отношений должен четко отразить принципы, на которых основывается установление отношений» [7, с. 39]. В результате переговоров канадская сторона больше не настаивала на концепциях, связанных с «двумя Китаями» и «одним Китаем, одним Тайванем» [7, с. 39].

13 октября 1970 г. Китай и Канада объявили об установлении официальных дипломатических отношений. Основные положения совместного заявления включали следующие позиции: с 13 октября 1970 г. правительства обеих стран взаимно признают друг друга и принимают решение об установлении дипломатических отношений; китайское правительство вновь заявляет, что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китайской Народной Республики, а канадское правительство принимает к сведению эту позицию китайского правительства; канадское правительство признает правительство Китайской Народной Республики единственным законным правительством Китая; в течение шести месяцев после установления дипло-

матических отношений обе стороны назначат послов [8]. Особое внимание в заявлении было уделено формулировке «канадское правительство принимает к сведению эту позицию китайского правительства», где слова «принимает к сведению» являются оригинальной формулировкой, предложенной канадской стороной. Китайская сторона, несмотря на твердое утверждение принципа «одного Китая», также учла позиции канадской стороны. Этот прецедент стал основой для так называемого «канадского подхода», который впоследствии был использован при установлении дипломатических отношений Китая с рядом других стран. Некоторые совместные заявления об установлении дипломатических отношений включали аналогичные формулировки по вопросу Тайваня, как в совместном заявлении Китая и Канады [7, с. 39].

Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай высоко оценил значение данного события: «Канада была первой страной в 70-х гг., которая признала наше государство и поддержала восстановление наших законных прав в Организации Объединенных Наций, что имело огромное значение» [9, с. 198]. Для Китая установление дипломатических отношений с Канадой стало не только важным шагом к преодолению международной изоляции, но и ярким примером диверсификации внешней политики. Благодаря установлению отношений с Канадой и другими западными странами Китай смог получить больше международной поддержки и возможностей для экономического сотрудничества, что способствовало повышению его международного статуса и влияния. Для Канады установление дипломатических отношений с Китаем стало важным элементом поддержания независимой внешней политики в условиях холодной войны, позволив избежать ограничений, связанных с противостоянием США и СССР. Чтобы подчеркнуть важность этих отношений, обе стороны назначили на должность главы диппредставительств опытных дипломатов. Первым послом Китая в Канаде стал Хуан Хуа, а первым канадским послом в Китае – Ральф Коллинз, который активно участвовал в переговорах по установлению дипломатических отношений [10, с. 25].

Установление дипломатических отношений между Китаем и Канадой открыло новую эру в торговых отношениях между странами. В 1971 г. канадский министр промышленности и торговли Л. Пенен посетил Китай, что стало сигналом о готовности Китая развивать отношения с другими странами на основе принципов мирного сосуществования [11]. В 1972 г. канадский министр иностранных дел М. Шарп посетил Китай, где его роль в развитии двусторонних отношений была высоко оценена китайским премьером Чжоу Эньлаем [10, с. 26].

В октябре 1973 г. Пьер Трюдо стал первым канадским премьер-министром, который официально посетил Китай. Во время визита он встретился с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. При этом Чжоу Эньлай вновь подчеркнул, что Канада была одной из первых западных стран, признавших правитель-

ство Китайской Народной Республики в 70-х гг. и поддерживавших восстановление его законных прав в Организации Объединенных Наций [12, с. 14]. 13 октября 1973 г., в третью годовщину установления дипломатических отношений, Китай и Канада подписали торговый договор, предоставив друг другу режим наибольшего благоприятствования [13]. С этого момента началась активная работа по укреплению торгово-экономических отношений, что способствовало росту двусторонней торговли [14, с. 3].

В декабре 1978 г. состоялся 3-й пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 11-го созыва, который ознаменовал начало новой эры реформ и открытости [15, с. 158]. Эта политика способствовала активному развитию торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Канадой. Благодаря открытию рынков, привлечению иностранных инвестиций, снижению торговых барьеров и укреплению сотрудничества в области инфраструктуры и технологий объем торговли между двумя странами значительно вырос, а сферы сотрудничества расширились на энергетику, добычу полезных ископаемых и сельское хозяйство. Одновременно между странами стали активно развиваться образовательные и культурные обмены, что способствовало укреплению политического доверия.

Указанные тенденции сопровождались развитием политических контактов между двумя странами на высшем и высоком уровнях. В январе 1984 г. китайский премьер-министр Чжао Цзянь впервые посетил Канаду [16]. В 1985 г. председатель КНР Ли Сяньнянь [17] также совершил визит в Канаду, назвав ее «достойным партнером» [18, с. 33]. В 1986 г. во время визита канадского премьер-министра Брайана Малруни было подписано Соглашение о предотвращении двойного налогообложения [19]. В 1982 г. двусторонний торговый оборот между Китаем и Канадой составил 1,24 млрд долл. США, при этом импорт из Канады занял четвертое место в общем объеме китайского импорта. Кроме того, между двумя странами были подписаны протоколы экономического сотрудничества, соглашения о кредитах, а также меморандумы о взаимодействии в области сельского хозяйства и лесного хозяйства [20].

Установление дипломатических отношений с Канадой стало важным шагом Китая в процессе преодоления дипломатической изоляции и укрепления связей с западными странами. Одной из главных целей развития китайско-канадских отношений было содействие экономической модернизации Китая. В 1978 г., в начале реализации политики реформ и открытости, Дэн Сяопин подчеркнул необходимость привлечения иностранных инвестиций, технологий и управленческого опыта для стимулирования экономического развития [21]. В этом контексте канадский опыт в таких отраслях, как сельское хозяйство, энергетика и добыча полезных ископаемых, стал для Китая ценным источником для внедрения технологий и модернизации. Канада обладала значительным опытом в области разработки минеральных

ресурсов, нефти и природного газа, что стало важной поддержкой для Китая в освоении и управлении природными ресурсами. Используя канадские технологии и капиталовложения, Китай смог ускорить процесс модернизации своей промышленности, особенно в таких областях, как строительство инфраструктуры и развитие энергетически.

Другим важным стратегическим направлением в развитии отношений Китая с Канадой была экономическая кооперация и торговля. Канада, обладая богатейшими природными ресурсами, особенно в области полезных ископаемых, энергетики и сельского хозяйства, стала важным источником обеспечения промышленной модернизации Китая. В условиях холодной войны Китай сталкивался с многочисленными трудностями, включая проблемы ресурсообеспечения, особенно в контексте ограничений на поставки ресурсов со стороны США. Усиливая экономическое сотрудничество с Канадой, Китай смог обеспечить необходимое снабжение сырьем для своей индустриализации, особенно в таких критически важных областях, как энергетика и полезные ископаемые. В 1972 г. канадский рынок также открыл новые возможности для Китая в сфере экспорта, способствуя диверсификации внешней торговли. Китайская торговая делегация посетила Оттаву и приняла участие в Канадской национальной выставке в Торонто [22, с. 264].

Культурное и научное сотрудничество также стало важной составляющей отношений Китая с Канадой. Благодаря развитию образования, науки и культурных обменов Китай мог повысить взаимопонимание и взаимодействие с западными странами, укрепляя свою «мягкую силу». В условиях холодной войны Китай активно использовал культурные и научные обмены для улучшения отношений с западными странами и устранения внешних предубеждений о Китае. В 1973 г. при участии канадского премьер-министра Пьера Трюдо и китайского премьер-министра Чжоу Эньлая была запущена Китайско-канадская программа обмена учеными (CCSEP) [23]. На протяжении десятилетий она способствовала взаимопониманию, академическому сотрудничеству и культурному обмену, помогая китайским студентам и ученым ознакомиться с передовыми западными научными и образовательными концепциями.

Хотя двусторонние отношения между Китаем и Канадой укреплялись на протяжении двух десятилетий, в конце 1980-х гг. они пережили первый кризис. Летом 1989 г. канадское правительство присоединилось к санкциям против Китая, что привело к снижению уровня отношений. Этот момент показал, как изменения в международной политике могут повлиять на двусторонние отношения, и напомнил о необходимости осторожности и прагматизма при решении сложных международных вопросов.

Таким образом, после установления дипломатических отношений основными целями стратегии Китая во взаимодействии с Канадой были

следующие: преодоление международной изоляции, содействие экономической модернизации, расширение торгового сотрудничества, развитие образовательных связей и повышение международного положения. Благодаря налаживанию отношений с Канадой Китай не только улучшил свой международный имидж, но и расширил дипломатические контакты с западными странами, а также использовал канадский опыт в области разработки ресурсов, сельского хозяйства, энергетики и других отраслей для ускорения процесса модернизации. В то же время подписание торговых соглашений и усиление экономического сотрудничества позволили Китаю обеспечить стабильное снабжение ресурсами для своей индустриализации и расширить экспортные рынки. Углубление культурных и научных обменов также способствовало улучшению взаимопонимания с западными странами и укреплению «мягкой силы» Китая.

Список используемых источников

1. *Бабаев, Э. А.* Китайско-канадские отношения в 70–80-е гг. XX в.: социокультурный аспект / Э. А. Бабаев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астфьева. – 2012. – № 3. – С. 279–283.
2. *Израелян, Е. В.* Внешняя политика Канады: экономическое измерение / Е. В. Израелян // Россия и Америка в XXI веке. – 2014. – № 2. – С. 7–8.
3. *Казанцева, Н. А.* Канадо-китайские отношения: история и современность / Н. А. Казанцева // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: Материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Чита, 16 апр. 2018 г. / Забайкальский государственный университет; науч. ред.: Т. Н. Кучинская, В. С. Морозова. – Чита, 2018. – С. 91–102.
4. 毛泽东.毛泽东选集: 共4卷 / 毛泽东. – 第二版. – 北京, 1991. – 第四卷: 人民出版社. – Р. 1123–1517. = Мао, Цзэдун. Избранные произведения Мао Цзэдуна: в 4 т. / Мао Цзэдун. – 2-е изд. – Пекин, 1991. – Т. 4: Народное издательство. – С. 1123–1517.
5. 中国共产党大事记·1949年 = Хроника событий Коммунистической партии Китая 1949 года // 中国共产党新闻 = Новостной сайт Коммунистической партии Китая. – URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64164/4416007.html> (дата обращения: 26.02.2025).
6. 新中国外交的关辉历程 = Славная история дипломатии Нового Китая // 外交部 = Министерство иностранных дел. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200012/t20001220_7950084.shtml (дата обращения: 26.02.2025).
7. 陈敦德. 新中国重返联合国纪实: 胜利在1971 / 陈敦德. – 北京: 解放军文艺出版社, 2004. – 332 р. = Чэнь, Дундэ. Документальная хроника возвращения Нового Китая в ООН: Победа 1971 года / Чэнь Дундэ. – Пекин:

Издательство «Литература и искусство Народно-освободительной армии», 2004. – 332 с.

8. 中华人民共和国政府和加拿大政府关于中、加两国建立外交关系的联合公报 = Совместное коммюнике Правительств Китайской Народной Республики и Канады об установлении дипломатических отношений между Китаем и Канадой // 外交部 = Министерство иностранных дел. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/bmz_679954/1206_680426/1207_680438/200011/t20001107_9359257.shtml (дата обращения: 26.02.2025).

9. 新中国外交风云: 共5辑 // 外交部外交史编辑室; 主编. 丁武真. – 北京, 1996. – 第四辑: 世界知识出版社. – 261 p. = Дипломатические перипетии Нового Китая: в 5 т. // Редакционный отдел истории дипломатии Министерства иностранных дел; отв. ред. Дин Учжэнь – Пекин, 1996. – Т. 4: Издательство «Мировые знания». – 261 с.

10. 吕聪敏. 外交人生: 我的回忆和感悟 / 吕聪敏. – 北京: 中信出版社, 2009. – 324 p. = Люй Цуньминь. Дипломатическая жизнь: мои воспоминания и размышления / Люй Цуньминь. – Пекин: Издательство «Чжунсинь», 2009. – 324 с.

11. 加拿大贸易展览会在京隆重开幕 = Торговая выставка Канады творжественно открылась в Пекине // 人民日报 = Жэньминь жибао. – 1972. – 22 авг. – С. 3. – URL: <https://govopendata.com/renminribao/1972/8/22/3/> (дата обращения: 26.02.2025).

12. Frolic, B. M. Canada and China at 40 / B. M. Frolic // Asia Colloquia Papers. – 2011. – Vol.1 № 1 – URL: <http://hdl.handle.net/10315/31661> (date of access: 26.02.2025).

13. Trade Agreement between the Government of Canada and the Government of the People's Republic of China // Government of Canada. – URL: <https://www.treaty-accord.gc.ca/text-texte.aspx?id=103001&Lang=eng> (date of access: 26.02.2025).

14. Holden, M. Canada's Trade Policy and Economic Relationship with China / M. Holden // Parliamentary Information and Research Service. – 2004. – № PRB 04-32E (3).

15. 习近平. 习近平著作选读: 共2卷 / 习近平. – 北京, 2023. – 第一卷: 人民出版社. – 629 p. = Си, Цзиньпин. Избранные произведения Си Цзиньпина для чтения: в 2 т. / Си Цзиньпин. – Пекин, 2023. – Т. 1: Народное издательство. – 629 с.

16. 中加两国总理举行第二轮会谈 加官员说会谈中一致表示要扩大贸易与经济合作 = Премьеры Китая и Канады провели второй раунд переговоров. Канадские официальные лица заявили, что стороны единогласно высказались за расширение торгово-экономического сотрудничества // 人民日报 = Жэньминь жибао. – 1984. – 20 янв. – С. 6. – URL: <https://govopendata.com/renminribao/1984/1/20/6/> (дата обращения: 26.02.2025).

17. 加拿大政府发表声明悼念赵紫阳 = Правительство Канады опубликовало заявление в память о Чжао Цзяньяне. // China News Digest International, Inc. – URL: <http://hx.cnd.org/2005/01/23/%E5%8A%A0%E6%8B%BF%E5%A4%A7%E6%94%BF%E5%BA%9C%E5%8F%91%E8%A1%A8%E5%A3%B0%E6%98%8E%E6%82%BC%E5%BF%B5%E8%B5%B5%E7%B4%AB%E9%98%B3/> (дата обращения: 26.02.2025).

18. *Evans, P. Engaging China: Myth, Aspiration and Strategy in Canadian Policy from Trudeau to Harper* / P. Evans. – Toronto: University of Toronto Press, 2014. – 144 p.

19. 五十年风雨同舟砥砺前行 半世纪历经磨难曙光在前 – 纪念加中建交50周年人物志 大使篇 (上) = Пятьдесят лет плечом к плечу, преодолевая трудности, идем вперед: Полвека испытаний, и рассвет уже близок – К 50-летию установления дипломатических отношений между Канадой и Китаем. Очерки о выдающихся личностях: Часть о посллах (часть 1) // 加拿大七天资讯网 = Septdays. – URL: <https://septdays.com/?p=11970> (дата обращения: 26.02.2025).

20. 中加友好关系史话 = История дружественных отношений между Китаем и Канадой // 人民日报 = Жэньминь жибао. – 1984. – 20 янв. – С. 6. – URL: <https://govopendata.com/renminribao/1984/1/20/6/> (дата обращения: 26.02.2025).

21. «求是» 专栏: 纪念邓小平同志诞辰110周年 = Колонка журнала «Цюши» («Истина»): К 110-летию со дня рождения товарища Дэн Сяопина // 中国共产党新闻 = Новостной сайт Коммунистической партии Китая. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0815/c691113-25472004.html> (дата обращения: 26.02.2025).

22. 潘兴明. 20世纪中加关系/潘兴明. – 上海: 学林出版社, 2007. – 359 p. = Пан, Синмин. Китайско-канадские отношения в XX веке / Пан Синмин. – Шанхай: Издательство «Сюэлинь», 2007. – 359 с.

23. Canada-China Scholars' Exchange Program // Edu Canada. – URL: https://www.educanada.ca/scholarships-bourses/non_can/ccsep-peucc.aspx?lang=eng (date of access: 26.02.2025)

(Дата подачи: 28.02.2025)

Р. В. Тимофеев

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск

R. V. Timofeev

Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Vitebsk

УДК 94:347.463:331.101.386(476).

КАДРОВАЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА НА БЕЛОРУССКОМ АВТОМОБИЛЬНОМ ТРАНСПОРТЕ В 1956–1964 ГГ.

PERSONNEL AND EDUCATIONAL WORK ON BELARUSIAN ROAD TRANSPORT IN 1956–1964

В данной статье отражены кадровая и воспитательная работа на белорусском автомобильном транспорте в 1956–1964 гг. Показана активность партийных организаций предприятий автомобильного транспорта по организации данных направлений работы. Отмечено влияние кадровых мероприятий на организацию грузовых и пассажирских перевозок, выполнение планов и внедрение передовых методов труда. Особое внимание уделено влиянию кадровой работы на уровень дисциплины, выполнение мероприятий по снижению травматизма, улучшению соблюдения правил дорожного движения и противопожарной безопасности. Выделен тот факт, что типичным для воспитательной работы в изучаемый период была опора на решения вышестоящих партийных органов.

Ключевые слов: кадровая работа; воспитательная деятельность; партийные организации; автомобильный транспорт; грузовые и пассажирские перевозки; методы труда.

This article reflects the personnel and educational work in the Belarussian automobile transport in 1956–1964. The activity of party organizations of automobile transport enterprises in organizing these areas of work is shown. The influence of personnel measures on the organization of freight and passenger transportation, the implementation of plans and the introduction of advanced labor methods is noted. Special attention is paid to the impact of personnel work on the level of discipline, the implementation of measures to reduce injuries, improve compliance with traffic rules and fire safety. The author highlights the fact that it was typical for educational work in the period under study to rely on decisions of higher party bodies.

Keywords: Personnel work; educational activities; party organizations; road transport; freight and passenger transportation; labor methods.

С оживлением общественно-политической жизни в стране после решений в 1956 г. исторического XX съезда КПСС на новый уровень вышла и кадровая, воспитательная работа, в том числе и на предложенных к изучению автомобильных транспортных предприятиях Белорусской ССР, что соответствовало проходившим в советских республиках во многом масштабным изменениям.

Не являлось в изучаемый период и не является сегодня секретом, что главным стержнем вокруг которого шла кадровая и воспитательная работа,

были партийные организации любых предприятий и учреждений [1, с. 3]. Несмотря на происходившие в общественно-политической жизни страны перемены, коммунисты не отказывались и не собирались отказываться от своей ведущей роли во всех сферах жизни общества.

Такова история вопроса, что коммунисты через свои партийные организации руководили практически всеми направлениями деятельности предприятий, в том числе и интересующих нас транспортных, тем более после их реорганизации в рамках создания областных автомобильных трестов. Так, бюро Октябрьского райкома КПБ в 1956 г. приняло решение о создании первичной парторганизации Витебского областного автотреста.

Характерной активностью изучаемого периода в отношении кадровой и воспитательной работы на предприятиях было широкое развертывание пропаганды имевшихся на тот момент идеалов, установок коммунистических съездов и пленумов [2, лл. 7, 8, 9]. На должности ответственных работников выбирались коммунисты, показавшие себя исключительно с положительной стороны, как в функциональной деятельности предприятия, так и в быту. Такой была общая кадровая установка в то время, когда стремились вести интересующую нас воспитательную работу на собственном примере.

Личный пример в кадровой и воспитательной работе требовался всегда и везде. Так, в 1956 г. очень актуальным вопросом была подписка на Государственный займ развития народного хозяйства СССР и коммунистов на заседаниях парткомов обязывали быть первыми в решении данного вопроса [2, лл. 10, 11]. По мнению активистов от качественной кадровой работы зависело в тот момент выполнение планов по перевозкам, внедрение передовых методов труда, рациональное использование финансовых ресурсов, улучшение условий труда транспортников, повышение уровня трудовой дисциплины, усиление культурно-просветительной работы.

От качественной кадровой работы во второй половине 1950-х гг. зависело снижение себестоимости автомобильных перевозок, без чего было невозможно своевременно выплачивать заработную плату. Воспитательная активность была основой усиления контроля за всеми сферами деятельности транспортников. Здесь приходилось решать множество проблем, так как принятые решения не реализовывались или выполнялись не в полной мере.

Отвечавшие за подбор кадров и широкую воспитательную работу партийные организации автомобильных трестов решали в 1956 г. вопросы улучшения качества автомобильных дорог, обращаясь в обкомы и горкомы партии, где сосредотачивались рычаги власти на местах. Вместе с тем они и отвечали перед ними за выполнение показателей перевозок, объясняли простои грузового автотранспорта нерасторопностью хозяйственных руководителей обслуживаемых промышленных и строительных организаций.

Историческая правда состоит в том, что в выделенное нами время кадровая и воспитательная работа без каких либо исключений опиралась

на решения регулярно проходивших коммунистических съездов и пленумов. Соответственно, например, на заседании парткома Витебского областного автомобильного треста от 15 марта 1957 г. прослушали постановление собрания актива Витебской городской парторганизации № С-3 от 31 января 1957 г. по итогам декабрьского пленума ЦК КПСС и задачи городской парторганизации, а также постановление пленума Витебского горкома КПБ № П-6 от 13 февраля 1957 года о повышении роли первичных парторганизаций в выполнении решений XX съезда КПСС [3, лл. 15, 16, 17].

Кадровую работу во второй половине 1950-х гг. стремились строить так, чтобы не подавлять инициативу работников, позволив им творчески применять на месте приходившие указания и распоряжения различных министерств и ведомств. От активности и рационального подхода руководящих кадров в автохозяйствах зависело решение множества вопросов, острейшим из которых было обеспечение запчастями, когда они шли сначала в республиканские организации по снабжению и техническому обеспечению. В итоге это вызывало проволочки и бумажную волокиту, простой техники и невыполнение плана.

Большой объем кадровой работы в областных автотрестах приходился на перевозки в такси, где частыми были простои автомобилей. Не меньше внимания уделяли автобусным перевозкам, где практиковали проверку шоферов и кондукторов на линии лично работниками автотрестов. От воспитательной активности во многом зависело отношение контролеров к нарушителям правил оплаты при проезде на пассажирском автотранспорте, когда приходилось проявлять свою гражданскую зрелость и выдержанность.

От качественно поставленной кадровой работы повсеместно зависело выполнение планов перевозок на автотранспорте, предотвращение служебных злоупотреблений, экономия горюче-смазочных материалов. внедрение передовых методов труда [4, лл. 12, 13, 14, 15]. Так, в ряде автохозяйств во второй половине 1950-х гг. вызывало тревогу у руководства и партийных активистов слабое внедрение и совершенствование работ по выгодному для государства бригадному методу ремонта автомобилей. Часто такое происходило из-за низкой материальной заинтересованности ремонтных кадров. Не меньшее беспокойство вызывало наличие сверхнормативных запасов по ряду автозапчастей как результат некачественной работы кадров снабжения, которые создавали большие запасы неходовых деталей, а их распределения в автохозяйствах не вели.

Типичным для воспитательной работы в рассматриваемый период было осуществление немедленной реакции на решения высших партийных органов. Так, для разрешения вопросов, которые были поставлены в Письме ЦК КПСС в мае 1958 г., в автохозяйствах республики осуществили чтения лекций по противодействию пьянству и алкоголизму. В связи с этим были также отправлены обращения в райкомы КПБ по запрету торговли спиртными

изделиями в общественных местах, рабочих столовых и бутербродных. Как часть воспитательной работы была усилена оборонно-массовая активность, когда в автохозяйствах были реализованы решения по созданию обществ ДОСААФ и Красного Креста под контролем опытных коммунистов.

Исходя из решений специального Пленума ЦК КПБ в 1958 г. в автохозяйствах республики улучшали воспитательную работу среди молодежи, которая составляла большую часть работавших там. Особое внимание уделяли преодолению среди нее случаев бесхозяйственности, бесконтрольности при выдаче дефицитных деталей, агрегатов и автошин [6, с. 103]. От состояния кадровой и воспитательной работы в автохозяйствах зависело выполнение напряженных планов перевозок, важным фактором которых являлся необходимый для этого уровень трудовой дисциплины, выражавшийся в полном и достоверном выполнении распоряжений вышестоящего руководства.

Чаще всего в изучаемый период кадровая и воспитательная работа в автохозяйствах республики вызывала к себе усиленное внимание в связи с рассмотрением случаев аварийности и нарушений правил дорожного движения [7, с. 130]. Это было связано с обеспокоенностью общественности, заставлявшей партийные органы держать данную ситуацию под постоянным контролем. Так, на парткоме Витебского областного автотреста от 4 июня 1959 г. был прослушан вопрос о состоянии безопасности движения и аварийности [5, лл. 12, 13, 14, 15]. Там заслушали отчет по работе о повышении транспортной дисциплины и ликвидации аварийности. Данную работу в итоге признали недостаточной, так как имелись случаи лишения водителей автотреста прав вождения за различного рода нарушения, что нельзя было оставлять безнаказанными.

В целях усиления кадровой работы с водителями преодоления проблем в направлении дорожного движения повсеместно в 1959 г. были проведены специальные семинары на тему «Состояние безопасности движения и меры борьбы с аварийностью и дорожными происшествиями». В дополнение к данной форме работы вопрос о транспортной дисциплине рассматривался на заседаниях обкомов отраслевого профсоюза с широким участием руководителей автохозяйств, что являлось дополнительным стимулом для решения ситуации.

Особой стороной воспитательной работы в автохозяйствах было предотвращение жалоб со стороны пассажиров, что было связано с качеством их обслуживания со стороны водителей и кондукторов. Здесь нельзя было списывать неудобства в пассажирских перевозках с техническими неисправностями городских и пригородных автобусов. В любом случае такие технические проблемы можно было быстро решить при ответственном отношении к порученному делу. Ведь главное на каждой работе – это сам человек.

Из года в год от качественно поставленной кадровой работы зависело выполнение потребностей предприятий промышленности и строительства

в грузовых перевозках [8, лл. 13, 14, 15]. Тут также одним из важнейших факторов был уровень трудовой дисциплины среди ремонтников, диспетчеров и водителей. От их усердия зависел и в 1960 г. график подачи автомашин под загрузку и выгрузку. При опозданиях были случаи холостого хода автомашин, что не приносило пользу ни производителю, ни потребителю.

От контроля за кадрами автотранспорта всецело и в новом десятилетии продолжали зависеть комфорт и уровень обслуживания пассажирских перевозок с тем чтобы не было нареканий за чистотой в салонах, состоянием электроосвещения в темное время суток, отопления в зимний период, охлаждения в летний. Только от дисциплины работника зависело использовались ли для удобства пассажира технические возможности транспортных средств.

В ходе кадровой и воспитательной работы парткомы автопредприятий во главе с опытными коммунистами в 1960–1961 гг. решали на местах текущие, но очень важные вопросы, которые касались увеличения доли централизованных перевозок грузов, составление планов по каждому хозяйству, принятие мер по переходу грузовиков к двусменной работе. К этой же области также относилось усиление противодействия припискам в путевых листах при грузовых перевозках, повышение культуры обслуживания при пассажирских. Особо разбирали вопросы исключения безбилетного проезда.

Без качественного подбора исполнителей в ходе кадровой работы было сложно наладить среди автотранспортников Белорусской ССР социалистическое соревнование за увеличение межремонтного пробега и бережное отношение к автомобильной техники, где главным было ответственное отношение к порученному делу. В изучаемый период было множество фактов, когда при абсолютно одинаковых условиях работы результаты в области грузовых или пассажирских перевозок у водителей отличались многократно.

В тех автохозяйствах, где была лучше налажена воспитательная работа, был ниже уровень аварийности среди водителей, практически отсутствовали человеческие жертвы. Там выше был и процент автомобилей на линии, так как автотехника меньше выходила из строя по причине некачественного ремонта. Рабочий энтузиазм в передовых автохозяйствах помогал внедрению новых методов труда. При поддерживаемой воспитательной работой рабочей смекалке лучше использовались рациональные предложения.

Кадровая работа на автотранспорте в советский период истории традиционно опиралась на партийные решения различного уровня. Так, на заседании парткома Витебского областного автотреста 20 февраля 1961 г. разбирали постановление бюро обкома КПБ «Об улучшении обслуживания населения пассажирским транспортом» [9, лл. 5, 6, 7, 8; 10, с. 68]. В ходе разбора данного вопроса было обращено особое внимание на простои автобусов, срывы графиков их движения и работы водителей. В целом обеспече-

ние пассажирских перевозок не было признано хорошим и был предложен комплекс мер по исправлению ситуации уже в текущем году.

Правильное воспитание и подбор качественных кадров необходим были на всех уровнях деятельности автомобильных предприятий. От энергичного и решительного руководителя во многом зависела эффективность работы, выполнение планов грузовых и пассажирских перевозок внедрение разнообразных передовых методов труда. При междугородних автобусных перевозках с помощью руководителей автохозяйств обращалось пристальное внимание разработчиков расписания и диспетчеров на необходимость заполнения автобусов по их вместимости, перехода на двухсменную работу водителей и повышение коэффициента использования автопарка.

Для изучаемого периода было типичным использование в воспитательной работе различного рода писем от ЦК КПСС, в том числе и по противодействию хищений социалистической собственности [11, лл. 33, 34, 35]. На автотранспорте это было тем более актуально, так как транспорт в целом оперировал большим объемом материальных ценностей. Не были изжиты в 1961–1964 гг. случаи присвоения части выручки отдельными контролерами и шоферами [12, лл. 7, 8, 9, 10, 11]. Соответственно для вскрытия подобных фактов было необходимо улучшать качество работы контрольно-ревизорских служб.

Без высокого уровня воспитательной работы на предприятиях автотранспорта, в том числе и в 1963–1964 гг., не могла решаться и такая актуальная проблема как противодействие угрозам возгораний и пожаров на многочисленных у автотранспорта складов с горюче-смазочными материалами. Здесь никак было нельзя обойтись без высочайшего уровня дисциплины и ответственности.

Таким образом, проводившаяся в 1956–1964 гг. на предприятиях автотранспорта Белорусской ССР кадровая и воспитательная работа опиралась прежде всего на активность их партийных организаций, использовала документы съездов и пленумов ЦК КПСС и ЦК КПБ, решения местных обкомов. Такого рода работа на уровне автопредприятий была наполнена практическим смыслом, позволяла решать вопросы организации и выполнения планов грузовых и пассажирских перевозок, повышение качества обслуживания потребителей и производителей. Среди насущных вопросов кадровой и воспитательной работы было внедрение передовых методов перевозок, противодействие нарушениям дисциплины, повышение ответственности за порученное дело.

Список использованных источников

1. *Тимофеев, Р. В.* Транспорт Белорусской ССР в социально-экономическом развитии общества (конец 1943–1991 год): монография / Р. В. Тимофеев. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – 400 с.

2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 7.
6. Тимофеев, Р. В. Основные направления деятельности органов контроля Белорусской ССР в 1944–1965 гг. (на примере предприятий транспорта) / Р. В. Тимофеев // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 9. – С. 100–104.
7. Тимофеев, Р. В. Обеспечение социального параметра безопасности на транспорте БССР в середине 1940–х – 1980–е гг. / Р. В. Тимофеев // Учёные записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – Витебск, 2010. – Т. 9. – С. 125–134.
8. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 9.
9. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 12.
10. Цімафееў, Р. У. Прымяненне перадавых метадаў працы у эканоміцы Беларускай ССР у 1943–1991 гг. (на прыкладзе транспартных прадпрыемстваў) / Р. У. Цімафееў // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2011. – № 4. – С. 67–70.
11. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 15.
12. ГАВО. – Ф. 27п. ОАФ. Оп. 1. Д. 18.

(Дата подачи: 04.02.2025 г.)

И. Ю. Уваров

Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого, Гомель

I. Uvarov

Sukhoi State Technical University of Gomel, Gomel

УДК 94(476)“1918”

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК КАК НАРРАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК О СОБЫТИЯХ ОККУПАЦИИ ГОМЕЛЯ ГЕРМАНСКИМИ ВОЙСКАМИ ВЕСНОЙ 1918 Г.

HISTORICAL DIARY AS A NARRATIVE SOURCE ABOUT THE EVENTS OF THE OCCUPATION OF GOMEL BY GERMAN TROOPS IN THE SPRING OF 1918

Статья посвящена событиям революционной эпохи. Цель публикации – изучение истории оккупации Гомеля германскими войсками в начале марта 1918 г. При подготовке

данного материала привлекались как широко известные, так и малоизвестные в белорусской историографии архивные материалы.

Ключевые слова: Гомель; Гомельская чрезвычайная комиссия; дневник; самооборона; германские войска.

The article is devoted to the events of the revolutionary era. The purpose of the publication is to study the history of the occupation of Gomel by German troops in early March 1918. During the preparation of this material, both widely known and little-known archival materials in Belarusian historiography were used.

Keywords: Gomel; Gomel Emergency Commission; diary; self-defense; German troops.

Настоящий рукописный источник представляет собой сложный по своей структуре вид документа. Но поскольку рассказ идет о разных событиях, эта информация уникальна в том смысле, что могло быть на самом деле. В дневнике представлен ценный исторический материал, свидетельствующий о масштабных событиях уже давно ушедшей эпохи.

Автор этих записей – Лев Давидович Файншмидт – на тот период являлся уже бывшим петроградским студентом третьего курса медицинского факультета. Ставший впоследствии заместителем председателя «Гомельской чрезвычайной комиссии». Родился Лев Давидович 20 ноября 1896 г. в Гомеле. Отец его был портным мастером. В семье было семеро детей и Лев был старшим сыном. В 1913 г. он с отличием окончил 8-классное гомельское коммерческое училище и в том же году поступил в Петербургский неврологический институт. Будучи еще учеником старших классов училища, будущий революционер увлекался спортом и был отличным футболистом. В годы учебы в Гомеле вступил в прогрессивно настроенный литературный кружок при коммерческом училище, написал несколько новелл и рассказов.

В период с февраля по март 1917 г. под влиянием революционных событий в Петрограде Лев Давидович безоговорочно становился на сторону большевиков и осенью 1917 г. вступает в ряды РКП(б). С первых дней Октябрьской революции, оставил учёбу в институте и полностью посвятив себя революционной борьбе. Вступил в отряд рабочей милиции Выборгской стороны. Обладая ораторским искусством, часто выступал с докладами на заводах и фабриках Петрограда.

В Гомель Лев Давидович приезжает для участия в подпольной работе коммунистов. Он выполняет ряд ответственных поручений: доставляет со станции Унеча партийные документы и литературу для Гомельского подпольного комитета большевиков. Ведет коммунистическую пропаганду среди железнодорожников и рабочих нынешнего завода имени Кирова. Квартира Файншмидтов превратилась в этот период в конспиративный явочный пункт.

В дневнике автор воспроизводит картину переживаний и страданий от увиденных событий в период с февраля по 30 мая 1918 г. [1, л. 1]. В дневнике ярко отражен короткий период времени, в котором жил автор, и люди,

с которыми он был знаком. Создатель этих локальных записей на тот момент был личностью неизвестной, но сумел описать события, произошедшие в тот период, так, как они ему запомнились. Дневник выглядит как повседневные записи мыслей и наблюдений автора о ходе происходящих событий. Круг его впечатлений был ограничен тем, что он видел и переживал. Автор дневника, будучи еще молодым человеком, осуществлял своё повествование о происходящих событиях, не мог еще знать, чем они закончатся. Л. Д. Файншмидт совершает обращение к историкам будущего для воссоздания содержания эпохи, в которой он жил. Он предлагает потребление исторической информации через личный взгляд на события времени без последующих информационных наслоений.

Текст дневника написан ровным, читаемым почерком, принадлежащим одному человеку. Сам документ, судя по всему, явно был переписан с первоначального оригинала, где были записаны воспоминания разного содержания. Так автор сохранил для истории свои наблюдения, свою собственную точку зрения как участника событий. Но не исключено, что когда автор переписывал свой дневник. Тогда он оценивал прошлое, зная уже, чем завершились события. Благодаря этому в воспоминаниях могли быть как первоначальные впечатления, так и последующие взгляды.

Из чистового варианта рукописи видно, что переписка записей состоялась в скором времени от периода указанных событий, так как в словах автор использует старописьменную букву «і» и знак «ъ». Все содержание текста собрано в отдельную тетрадь форматом приблизительно $28 \times 22,5$ см. Все страницы – типографской печати в полосу с интервалом 13 мм. В строке от края располагалось от пяти до семи слов, общее количество 44 листа.

Весь материал представлен в манере разговорной речи того времени [1, л. 1, 2]. Из содержания данного источника нами изучена и предложена только та информация, где автор воспроизводит период своей жизни со слов: «Вот уже две недели, как я прервал учебу и вернулся из Петрограда в Гомель». Выехал из города на Неве 8 февраля 1918 г. в направлении на Москву и далее на Брянск, прибыл в Гомель только 27 февраля 1918 г. [1, л. 3]. Автор записей указывает, что за эти две недели поездки произошло столько много и настолько важных событий, что «я решил их отметить». Л. Д. Файншмидт считал, что время, в котором ему довелось жить, – это период глубоких изменений не только в жизни отдельных людей, но и в жизни всего государства. Таким образом, у автора возникло свое личное мнение на каждый момент времени, как оно ему представлялось. Ввиду того, что события времени стали причиной бегства этого молодого человека из Петрограда, с этого момента он начинает вести записи.

На Брянском вокзале в Москве, в ожидании поезда, «мы встретили представителей исполнительного комитета Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов». Как свидетельствует автор, «мы были удивлены, видя

их здесь». Подойдя к ним и вступив в разговор, нам стало известно от представителей гомельской власти, что Гомель может оказаться уже занятым поляками или немцами. Реально представители совета покинули город, не зная точно, войска какого государства совершили наступление. Покинув Гомель в панике, эти люди утверждали, что немцы и поляки «вешают большевиков, членов Совета». Но, несмотря на все эти серьёзные предупреждения, Л. Д. Файншмидт со своими попутчиками решил ехать в Гомель. Из Москвы они выехали уже тогда, когда начало смеркаться (число не указано).

В Брянске «мы пересели в товарные вагоны и, наконец, во вторник утром 27 февраля 1918 года приехали в Гомель» [1, л. 9]. По прибытию в Гомель оказалось, что город еще не был занят ни немцами, ни поляками. Формально город ещё находился в руках большевиков. Но в пределах Гомеля хозяйничала и распоряжалась разбойничья шайка погромщиков, представители которой называли себя большевиками. Эти люди держали всё население города в страхе, происходил открытый грабёж горожан. Всё это называлось дележом буржуазного капитала [1, л. 10]. Так продолжалось до пятницы 1 марта 1918 г. По сообщению автора, в этот день Гомель перешёл в руки немцев. В энциклопедическом справочнике «Гомель» 1990 г. указывается время оккупации Гомеля войсками кайзеровской Германии с 1 марта 1918 г. по 14 января 1919 г. [2, с. 23, 54].

Из дальнейших записей дневника видно, что уже с утра в городе было тревожно: ходили слухи, якобы немцы находятся на расстоянии пяти-десяти верст от Гомеля, но точно это было неизвестно. В этот период, по воспоминаниям автора, в городе появились банды «темных лиц», которые разезжали по улицам и стреляли во все стороны. В часов двенадцать эти шайки начали грабить магазины. В таких условиях представители самообороны позвонили по телефону в «революционный штаб», но его уже в Гомеле не было. Все представители этой структуры выехали из города во главе со своими руководителями. Фамилия руководителя в документе указана не четко, сказано, что он был «революционным комиссаром Юго-Западного фронта» [1, л. 11]. В это время грабежи в Гомеле ещё усилились. Для борьбы с бандитизмом поднялась еврейская самооборона, представители которой выступили против шаек погромщиков. Около трёх часов продолжалось их усмирение с применением стрелкового оружия, в разных местах города были слышны выстрелы. Было несколько убитых и раненых, как с одной, так и с другой стороны. В часов пять послышались первые пушечные выстрелы, артиллерийская канонада продолжалась около часа, и потом всё стихло. Автор дневника вспоминает свое недоумение о том, кто именно мог стрелять из пушек по баррикадам. Но после этого «все бандиты разбежались как в воду канувши». В городе распространились слухи, что полесская станция занята немцами. Эта станция находилась в трех верстах от Гомеля.

Являясь представителем гомельской самообороны, автор в своих воспоминаниях пишет: «С часу на час мы ждали прихода немцев» [1, л. 13]. Таким образом, можно предполагать, что руководители городской самообороны как единственные представители городской власти приняли решение сдать Гомель немцам без боя. С наступлением вечера люди стали высказывать свои предположения, что немцы ночью в город не войдут. Тут очень важно передать эпизод этого момента гомельской истории, что явно подтверждает сам автор, и «вдруг опять раздался пушечный выстрел, затем ещё и ещё, а вскоре ударила пулемётная дробь, и всё снова стихло». В семь часов вечера Л. Д. Файншмидт стоял на посту в охране самообороны. Что происходило в этот момент на полесской станции или в других частях города, руководство самообороны информации не имело. Караульные стали звонить в штаб городской самообороны для уточнения, продолжать или снимать охрану объектов города. Но на другом конце телефонного провода никто не снимал трубку – штаб был пуст. Вдруг послышался возглас одного из товарищей по самообороне: «Немцы!» От этого сразу стало жутко и больно на душе, промелькнула мысль, что мы оторваны от России [1, л. 12]. С этого момента автор (и все жители города) оказался в атмосфере германской оккупации.

Эти события нашли подтверждение и в других архивных документах, где упомянуты впечатления простых людей, свидетельствующих о жёсткой оккупации города немецкими властями [6, с. 102–103; 6, л. 1].

Уже 2 марта 1918 г. состоялись переговоры германского командования с представителями Гомельской городской думы. Представители буржуазии договаривались с немецкими оккупантами о том, что приказы должны издаваться за подписью немецкого военного коменданта и городской управы [3, с. 88].

В этих условиях автор дневника сумел сохранить для истории свои наблюдения, предлагая потомкам воспринимать события прошлого и сделать их полезными людям завтрашнего дня. Немцы подошли к представителям самообороны в половину восьмого и задали вопрос: «почему с винтовками?» На что получили вразумительный ответ, что они состоят в городской самообороне.

По численности немецкий отряд насчитывал человек пятьдесят. В этот момент из толпы солдат вышел офицер и спросил по-немецки, как пройти к Прудку, в то время это была деревня в трех верстах от Гомеля. Из представителей самообороны, вышедших на улицу, никто толком не понимал немецкий, но нашелся один который объяснил офицеру, как пройти в нужное им направление. Немецкий офицер сверил сказанное по карте, дал своим солдатам команду, и они ушли. Все бойцы самообороны остались с оружием – немцы его не забрали. Постояв молча, ощущая себя военнопленными, все разошлись по домам [1, л. 13]. О своих переживаниях от случившегося

автор писал так: «Чувствовалась какая-то пустота, словно что-то разбилось. Разобраться в своих чувствах я не мог». Следующие дни прошли так же для меня, как и первый вечер, то есть было не по себе.

Тем временем немцы располагались поудобнее в Гомеле. Заняв общественные учреждения и в первую очередь Гомельский совет рабочих и солдатских депутатов, почту, телеграф. Затем реквизировали продовольственные склады, в общем, начали хозяйничать.

Из письма крестьян Гомельского уезда к партизанам: писали о грабежах немецких оккупантов. «С первого момента занятия немцами Гомеля и его уезда они со свойственным им нахальством принялись за ограбление населения». Отбиралось буквально все от продовольствия и кончая медными ручками от дверей [3 с. 92].

«В это время, кажется, 4 марта 1918 г. (сам автор употребляет слово “кажется”, значит, дневник был написан по фрагментам записей и в отдельных случаях по памяти) немцы издали приказ с требованием в трехдневный срок сдать все оружие, которое находилось у населения. Так немцы хотели обеспечить себе безопасность». Тут автор отмечает: «Сдав оружие, мы почувствовали, что снова закабалены, без отсутствия свободы» [1, л. 14].

Из-за недостатка достоверной информации в виде средств её передачи и по причине оторванности от всей России среди населения поползли слухи один нелепей другого. Распространялась дезинформация, что «Троцкого убили», «Ленина застрелили», «Керенский мир заключил». Числа 10 марта 1918 г. немецкие власти сделали заявление городскому самоуправлению о том, что «мир подписан», но на каких условиях, кем и когда – неизвестно. Автор писал: «Я этому не поверил, и на то были основания: если бы мир заключили, то прекратились бы ежедневные бои недалеко от Гомеля, которые вели с немцами отряды большевиков» [1, л. 15]. С приходом немцев жизнь в Гомеле протекала однообразно. Как сообщает автор, 3 марта 1918 г. в местной газете все новости подавались частями под немецким соусом, какие только небылицы там писались. Было сказано, что отставка Ленина и Троцкого принята ЦИК, а Совет рабочих и солдатских депутатов выдвигает на пост министра представителя, недавно выпущенного из Петропавловской крепости И. М. Кишкина. Очень яркий пример работы средств массовой информации в Гомеле при немцах в начале его оккупации. Таким образом, вся общественная и политическая жизнь города была подавлена. Профессиональные союзы ещё немного работали. В один из кабинетов профессиональных союзов зашёл немецкий лейтенант, расспросил: «Что это за союз?» – и сказал: «Очень хорошо, но никакой политики» [1, л. 18].

Из воспоминаний автора видно, что ему часто приходилось разговаривать с немецкими солдатами, было определенное стремление узнать их отношение к войне, к рабочим и к правительству. Но всегда получалась одно и то же: «Когда говорил с немцем о посторонних предметах, то он отвечал

охотно. Но как только разговор затрагивал для него нежелательную тему, то он сразу проявлял боязнь и отказывался говорить дальше.» Из записей, сделанных автором, видно, что немецкие солдаты прибыли в Гомель с французского фронта. Из общения с оккупантами Лев Давидович сделал вывод, что у этих солдат низкий интеллект. У них отсутствовало понимание целей и задач войны. Тут автор дневника вспоминает русских солдат императорской армии до Февральской революции – «та же боязнь говорить о войне, то же непонимание, зачем она идет».

Из разговора с одним немецким солдатом Л. Д. Файншмидт выяснил, что тот воюет уже три с половиной года [1, л. 25]. На вопрос, хочет ли он домой, солдат вместо ответа достал из кармана фотокарточку и показал на ней свою жену и брата. На вопрос, что он думает о своих близких, он ответил, что брат убит на французском фронте, другой убит на русском фронте. На вопрос, заданный по-немецки, какая выгода от войны, солдат ответил, что был два раза ранен. На вопрос: «Зачем же вы воюете, ведь русские уже не воюют?» – немецкий солдат вместо ответа улыбнулся и, несколько секунд подумав, ответил: «Как только мы освободим Украину от большевиков, мы пойдем домой окончательно». Как понял автор дневника: «Этот ответ мне открыл глаза, и я понял, что Украиной морочат головы немецким солдатам». Из дальнейших разговоров с немецкими солдатами стало ясно, что им объявили цель наступления так, словно они не должны воевать, а только помочь «освободить» Украину от большевиков [1, л. 26]. Примерно так отвечали все солдаты. В одном из разговоров на тему войны с немецкими солдатами их ответ звучал предельно просто: «Мы солдаты, и нам велели. Больше ничего не знаем». Вот это истинная характеристика сознательности немецких солдат.

Далее автор приводит ещё один показательный случай. В Гомель привезли несколько убитых и раненых немецких солдат. Их провезли по городу, и каждый солдат останавливался и смотрел. Лев Давидович подошёл к одному из них и спросил: «Откуда это?» На что солдат с откровенным негодованием ответил, мол, «это убитые», он явно думал, что здесь их никто не будет убивать – это читалось в глазах каждого немецкого солдата. Надо полагать, что их командиры говорили, будто их пригласили сюда лишь для охраны, и воевать они не станут. А тут вдруг убитые и раненые. Это было в первые дни оккупации Гомеля. Дальше немцы просто привыкли видеть каждый день своих убитых и раненых [1, л. 27].

Жестокие бои с немецкими войсками проходили 2 марта 1918 г. под Добрушем, Веткой, в Дубовом Лугу, в Тереховке и других местах. В боях с захватчиками отличились народные мстители второго Гомельского партизанского отряда [3, с. 88].

После изгнания немецких оккупантов в 1919 г. Л. Д. Файншмидт стал заместителем председателя Гомельской Чрезвычайной комиссии. Находясь

в этой должности, он принимал активное участие в борьбе гомельских коммунистов и чекистов с антисоветским вооруженным восстанием, вошедшем в историю Гомеля, как мятеж Стрекопытова с 24–29 марта 1919 г. [4, с. 173–175], в этой героической борьбе с белобандитами защищая завоевания Октябрьской революции.

Из рукописных воспоминаний Григория Давидовича Файншмидта 1903 г. рождения (брата) Натальей Семеновной Езерской была составлена запись. В которой сказано, что после изгнания немецких оккупантов из Гомеля в начале 1919 г. и восстановления советской власти Лев Давидович был избран членом Ревкома г. Гомеля и уезда. Стал ближайшим помощником Ивана Ивановича Ланге, который на тот период являлся представителем Гомельской Чрезвычайной комиссии. Находясь на посту начальника «Отдела по борьбе с контрреволюцией», он проявляет непоколебимую решительность и бесстрашие в борьбе с врагами Советской власти. Его кристальная честность и преданность идее построения коммунизма снискали уважение и всеобщую любовь со стороны товарищей по партии [7, л. 41–42]. Когда в Гомеле вспыхнул антисоветский Стрекопытовский мятеж, Лев Давидович принимал активное участие в борьбе гомельских командиров и чекистов. Отважно встав в ряды защитников города [4, с. 173–175]. В этой героической борьбе с белобандитами защищая завоевания Советской Октябрьской Социалистической революции после сдачи гостиницы «Савой» 29 марта 1919 г., после ужасных пыток и издевательств Лев Давидович Файншмидт героически погиб от рук бандитов [4, с. 197; 7, л. 42].

В завершении следует отметить, что на основе отдельных исторических документов рассмотрен ранний период деятельности мало известного героя революционной эпохи – Л. Д. Файншмидта, который внес свой значительный вклад в дело борьбы рабочего класса и крестьян за власть Советов.

Список использованных источников

1. Государственный архив Гомельской области (в дальнейшем ГАГО). – Ф. 3531. Оп. 1. Д. 69. Личный дневник Файншмидта Льва Давидовича, члена ревкома, зампреда Гомельского ЧК. Запись 27 февраля – 30 мая 1918 г.
2. Гомель: Энциклопедия / Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: И. П. Шамякина (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелСЭ, 1990. – 527 с., 12 л. ил.
3. Трудящиеся Гомельщины в борьбе за власть советов (1917–1920 г.): Хроника событий / Гомельский областной краеведческий музей; сост.: С. И. Лерман, А. Д. Патыко. – Гомель, 1958. – 203 с.
4. *Такоева И. Т.* Гомельская губерния: как всё начиналось, неизданные страницы (Ирина Такоева, под общ. ред. Владимира Дворника; науч. ред. Валентина Лебедева – Гомель: Редакция газеты «Гомельская праўда», 2014. – 288 с.: ил.

5. Уваров И. Ю. Гомель в исторической ретроспективе (1918–1925 годы) [монография] / И. Ю. Уваров. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2021. – 201 с.: ил.

6. ГАГО. – Ф. 96. Оп. 1. Д. 434. Дело по ходатайству Георгия Семеновича Мигая о зачислении его в число слушателей техникума на архитектурно-строительное отделение. Начато 17 октября 1918 г.

7. ГАГО. – Ф. 3531. Оп. 1. Д. 70. Очерк Езерской Натальи Семеновны «Гомельские коммунары» (из истории гражданской войны в Белорусской Республике. Запись 1966 года, на 50 листах хр. пост.

(Дата подачи: 08.02.2025 г.)

Хэ Бицзюань

Белорусский государственный университет, Минск

He Bijuan

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510:581)(091)“20012021”+323.1(581)(091)“2001/2021”

АФГАНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР В 2001–2021 ГГ.

THE AFGHAN QUESTION IN THE FOREIGN POLICY OF THE PRC IN 2001–2021

Статья посвящена исследованию внешней политики КНР в отношении Афганистана в период с 2001 по 2021 г. На основе анализа широкого спектра источников автором определены основные причины и направления эволюции политики Китая в отношении афганского вопроса. Предложена авторская периодизация проблемы. Сделан вывод о том, что в рассматриваемый период Китай целенаправленно стремился поддерживать мир и стабильность в Афганистане с помощью многообразных методов, включая не только двусторонний и многосторонний политический диалог, но также экономическое сотрудничество и культурный обмен.

Ключевые слова: КНР; Афганистан; афганский вопрос; внешняя политика; китайско-афганские отношения.

The article is devoted to the study of China's foreign policy towards Afghanistan in the period from 2001 to 2021. Based on the analysis of a wide range of sources, the author identifies the main reasons and directions of the evolution of China's policy towards the Afghan issue. The author proposes a periodization of the problem. It is concluded that during the period under review, China purposefully sought to maintain peace and stability in Afghanistan through a variety of methods, including not only bilateral and multilateral political dialogue, but also economic cooperation and cultural exchange.

Keywords: PRC; Afghanistan; Afghan question; foreign policy; Chinese-Afghan relations.

С момента начала антитеррористической войны в Афганистане в 2001 г. геополитическая ситуация в Центральной Азии претерпела глубокие из-

менения. Афганский вопрос как комплекс проблем, связанных с ситуацией внутри страны и оказывающих влияние на развитие региона, вышел на новый этап развития. Поначалу КНР как непосредственный сосед Афганистана долгое время придерживалась сдержанной позиции по афганскому вопросу. Однако в связи с корректировкой американской стратегии и изменением акцентов в китайской внешней политике, КНР со временем заняла более активную позицию и постепенно стала брать на себя больше ответственности в деле обеспечения стабильности и мира в регионе.

Целью статьи является изучение роли и места Афганистана во внешней политике КНР в период с 2001 по 2021 г. Выбор хронологических рамок обусловлен началом операции сил НАТО в Афганистане в 2001 г. и выводом американских войск из страны в 2021 г. При подготовке статьи использовались материалы и литература на китайском, русском и английском языках, что способствовало достижению относительной объективности полученных результатов исследования. Ученые Ван Шида, Чжао Хуашэн, Чжу Юнбяо, Хейли Линн Мергус, Мохтар Ахмад Ахмадзай внесли важный вклад в изучение отдельных аспектов темы.

Политику КНР по афганскому вопросу можно условно разделить на два этапа: 2001–2013 гг. и 2014–2021 гг. Это помогает проследить, как позиция Китая эволюционировала от сдержанного наблюдателя к активному участнику.

Первый этап. КНР как сдержанный наблюдатель (2001–2013 гг.). Добрососедские отношения были главным принципом внешней политики КНР в отношении Афганистана. В 2001–2013 гг. главной причиной интереса Китая к Афганистану была безопасность западного Китая (Синьцзяна). С 1996 по 2011 г. Афганистан был надежной базой для Организации Восточного Туркестана, главными партнерами и спонсорами которой были Аль-Каида и Талибан [1]. Военное присутствие США в Афганистане в определенной степени снизило давление на Китай в плане борьбы с терроризмом.

После террористического акта 11 сентября Китай на заседании ООН поддержал участие американских вооруженных сил в военной операции на территории Афганистана и проголосовал за проекты резолюций Совета Безопасности ООН № 1368 и 1373 [2]. Это был первый случай поддержки Китаем зарубежного военного вмешательства США после окончания холодной войны. Китай участвовал и активно поддерживал Боннский процесс, направленный на урегулирование ситуации в Афганистане. Китайская сторона всегда подчеркивала, что решение афганской проблемы должно обеспечивать суверенитет, независимость и территориальную целостность Афганистана, а ООН должна играть более активную конструктивную роль в решении данной задачи. В то же время Пекин обращал внимание, что после восстановления мира и стабильности в Афганистане Китай заинтересован в непосредственном участии в его восстановлении [3].

После 2001 г. новое временное правительство Афганистана выразило заинтересованность в развитии более тесных дипломатических отношений с зарубежными странами. В декабре того года Китай направил рабочую группу в Афганистан для участия в церемонии создания временного правительства, посольство КНР в Афганистане официально открылось 6 февраля 2002 г. [4].

Однако политические контакты между руководствами стран не были тесными. На уровне политического диалога отношения ограничивались взаимными визитами правительственных чиновников различных уровней и проведением встреч для обсуждения состояния и перспектив китайско-афганских отношений. В июне 2006 г. президент Афганистана Хамид Карзай совершил государственный визит в КНР, стороны подписали «Соглашение о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» и объявили о создании всестороннего сотрудничества и партнерства [4].

По соображениям национальной безопасности Китай участвовал в работе международных конференций по афганскому вопросу в Лондоне (2006 г.), Париже (2008 г.) и Кабуле (2012 г.). В ходе работы конференций Китай выразил поддержку процессу мирного восстановления, отметив, что он должен возглавляться самими афганцами. Пекин также подтвердил принцип невмешательства во внутреннюю политику Афганистана.

В данный период Китай способствовал тому, чтобы Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) стала одной из платформ для обсуждения и решения афганской проблемы. В 2005 г. «Группу по связям с Афганистаном». С 2005 г. Афганистан стал принимать участие в ежегодных заседаниях ШОС, а в 2012 г. страна получила статус государства-наблюдателя в ШОС. С момента создания ШОС афганский вопрос находился в зоне ее внимания. 7 января 2002 г. ШОС опубликовала «Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов», в котором выразила крайнюю озабоченность процессом восстановления Афганистана [5]. 29 мая 2003 г. в «Декларации глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» еще раз было обращено внимание на проблему наркотрафика и подчеркнуто, что изменение ситуации в Афганистане не должно негативно влиять на процесс восстановления [6].

Основной принцип Китая – невмешательство во внутренние дела других стран – не позволял ему принимать активное участие в решении афганской проблемы. Сохраняя сдержанность и поддерживая дружественные двусторонние отношения, Китай определил наиболее подходящее направление для своего участия в процессе восстановления Афганистана – торговля и экономика при вспомогательной функции гуманитарных связей. В торговой сфере Китай содействовал афганскому экспорту, предоставив в 2006 г. нулевую пошлину на 278 видов афганских товаров [4]. В инвестиционной сфере энергетические и минеральные ресурсы Афганистана представляли

особый интерес для Китая. В 2008 г. Китайская металлургическая корпорация (МСС-Jiangtong) инвестировала в развитие медного рудника Айнак, а в 2011 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (СNPC) начала разработку нефти в бассейне реки Амударья. Кроме того, Пекин активно участвовал в реализации строительных и инфраструктурных проектов в Афганистане. В 2012 г. Китай и Афганистан установили стратегическое партнерство. Председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что правительство будет поощрять китайские компании инвестировать в Афганистан [7].

Гуманитарная сфера также занимала важное место в политике КНР в отношении афганской проблемы. В данный период развитие гуманитарных контактов осуществлялось в основном в культурной сфере через средства массовой информации, в первую очередь, радио. В 2008 г. произошло важное событие в области образовательного сотрудничества: в Кабульском университете был открыт Институт Конфуция, который стал предлагать языковые курсы и заниматься популяризацией китайской культуры.

Второй этап. КНР как активный участник (2014–2021 гг.). В 2014–2021 гг. изменения в ситуации внутри страны и за рубежом вынудили Китай более активно участвовать в делах Афганистана. За время президентства Б. Обамы афганская проблема претерпела значительные изменения. В 2014 г., когда Международные силы содействия безопасности (МССБ) начали постепенно выводить свои войска из Афганистана, правительственные силы столкнулись с нападениями вооруженных группировок, таких как Талибан, и обнаружили недостаточную боевую мощь, нехватку оборудования и дезертирство персонала, что привело к ухудшению ситуации в области безопасности. Террористическая деятельность и проблемы безопасности в Афганистане стали распространяться на соседние страны. Нестабильная обстановка в Центральной Азии могла серьезно затруднить реализацию инициативы «Пояс и путь» и ее отдельных проектов, в частности, китайско-пакистанского экономического коридора (СРЕС)

С 2014 г. Китай стал принимать все более активное участие в решении афганского вопроса, чаще проводить обмены на высоком уровне по вопросам безопасности. 8 июля 2014 г. заместитель начальника генерального штаба Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Ци Цзяньго встретился с делегацией из Афганистана [8]. 30 ноября министр общественной безопасности Китая Го Шэнкунь впервые посетил Афганистан и провел переговоры с высокопоставленными афганскими чиновниками [9]. В том же году Китай направил в Афганистан специального посланника Сунь Юйси для усиления координации и консультаций по афганским делам [10].

Китай стал играть более активную (а иногда и ведущую) роль в международных конференциях и многосторонних форумах по Афганистану. В октябре 2014 г. в Пекине состоялась четвертая встреча министров иностранных дел в рамках Стамбульского процесса по Афганистану. Китай впервые

организовал крупную международную конференцию, посвященную афганскому вопросу [11]. Первый трехсторонний стратегический диалог между Китаем, Афганистаном и Пакистаном состоялся в феврале 2015 г. и был направлен на обсуждение проблем, вызванных длительным терроризмом и нестабильностью [12]. В 2017 г. Китай инициировал диалог на уровне министров иностранных дел тройки государств. На встрече министр иностранных дел Ван И подчеркнул, что Китай будет углублять отношения с соседними странами в соответствии с концепциями близости, искренности, благотворности и терпимости. Пекин заявил о готовности продолжать традиции дипломатии добрососедства и активно продвигать реализацию инициативы «Пояс и путь» [13].

На данном этапе Китай активно взаимодействовал с одним из ключевых игроков в Афганистане – Талибаном. Директор политического офиса Талибана в Дохе Абдул Гани Барадар дважды посетил Китай в июне и сентябре 2019 г. Во время визитов стороны обменялись мнениями по вопросам примирения в Афганистане и борьбы с терроризмом [14; 15]. В июле 2021 г. А. Г. Барадар встретился с главой МИД КНР Ван И в Тяньцзине. Китайская сторона особо подчеркнула необходимость полного дистанцирования Талибана от всех террористических организаций Восточного Туркестана [16]. Политика Пекина подчеркнула важность стабильности внутри Афганистана для реализации дипломатических целей Китая.

Помимо усилий в области политики и безопасности Китай заметно укрепил обмена с Афганистаном в торгово-экономической и гуманитарной сферах. Этому способствовала корректировка национальной стратегии Китая после прихода к власти председателя КНР Си Цзиньпина. В 2013 г. руководство объявило о новой внешней политике соседства с целью сделать политические отношения между соседними странами и Китаем более дружественными, экономические связи более прочными, сотрудничество в области безопасности более глубоким, а гуманитарные связи более тесными [17].

Выдвижение инициативы «Пояс и путь» также продемонстрировало готовность Китая взять на себя более ответственную роль в соседних странах. Во время визита в Кабул в 2014 г. глава МИД КНР Ван И на встрече с афганским коллегой Зараром Ахмедом Османом отметил, что развитие страны является основополагающим фактором, и только экономический рост может решить проблему бедности и устранить коренные причины терроризма и экстремизма [18]. В области торговли Пекин создал платформы для демонстрации афганской продукции и открыл новые каналы поставок в Китай. Например, в 2018 г. «воздушный коридор» поставки кедровых орехов принес Афганистану внушительный доход и обеспечил создание рабочих мест, а Китайская международная импортная выставка (СИПЕ) в 2018 г. способствовала росту афганского экспорта в Китай [19; 20].

Важное место занимала реализация проектов строительства инфраструктурных объектов. Помимо традиционного строительства дорог и домов, в 2014–2018 гг. китайские подрядчики осуществили установку электrorаспределительной сети в городах Баглан и Кундуз [21]. Используя свое преимущество в технологии солнечной энергии в сочетании с местным климатом, китайские предприятия анонсировали проекты в области солнечной фотоэлектрической энергетики [22].

Инициатива «Пояс и путь» значительно активизировала образовательный и культурный обмен между двумя странами. Об этом свидетельствовало значительное увеличение объема медиакоммуникации с Афганистаном, расширение обменов и сотрудничества в области сохранения культурных реликвий; увеличение количества стипендиальных программ и квот для афганских студентов и преподавателей. После 2014 г. Китай значительно активизировал свои усилия по оказанию помощи Афганистану, значительно увеличив объем безвозмездной гуманитарной помощи. В октябре 2014 г. правительство Китая объявило, что в 2015–2017 гг. предоставит Афганистану безвозмездную помощь в размере 1,5 млрд юаней (т. е. около 500 млн в год) [4].

Таким образом, с 2001 по 2021 г. политика Китая в отношении Афганистана претерпела существенные изменения. Свообразными водоразделами стали запуск инициативы «Пояс и путь» и завершение боевой миссии Международных сил содействия безопасности в 2014 г. Эти события вынудили КНР перейти от позиции простого наблюдателя к активному участию в восстановлении страны, укреплению ее стабильности и региональной безопасности в целом.

С одной стороны, вопросы безопасности традиционно находились в центре внимания Пекина, поскольку от них зависела реализация экономических и гуманитарных инициатив международного масштаба. С другой стороны, в рассматриваемый период Китай последовательно придерживался принципа невмешательства во внутренние дела других стран, поэтому особое место в его афганской политике занимали экономическое и гуманитарное направления. Инициатива «Пояс и путь» не только значительно расширила экономическое взаимодействие, но и создала более благоприятные возможности для развития гуманитарных обменов между Китаем и Афганистаном. Руководство КНР рассчитывало, что тесные экономические и гуманитарные связи в совокупности с проектами региональной интеграции будут способствовать стабилизации ситуации в Афганистане и помогут ему выйти на путь устойчивого развития. Это, в свою очередь, окажет благотворное влияние на реализацию международных инициатив КНР и укрепит как пограничную, так и региональную безопасность.

Список использованных источников

1. 公安部公布第一批认定恐怖组织、恐怖分子名单 = Министерство общественной безопасности опубликовало первый список признанных терро-

ристических организаций и террористов // Хуаньцю шибао. – URL: <https://china.huanqiu.com/article/9CaKrnJuQz?bdtoken=32ea691db24a72af> (дата обращения: 04.06.2012) (на кит. яз.).

2. Resolution 1373 (2001) // Official website of United Nations. 28 Jan. 2001 – URL: https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/res_1373_english.pdf (date of access: 09.01.2025).

3. China Willing to Participate in the Rebuilding of Afghanistan // People's Daily. 23. Nov. 2001 – URL: http://en.people.cn/200111/23/eng20011123_85163.shtml (date of access: 09.01.2025).

4. 中国同阿富汗双边关系 = Китайско-афганские двусторонние отношения // Официальный сайт МИД КНР. Ноябрь 2004 г. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/sbgx_676211/ (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

5. Joint Statement by the Ministers of Foreign Affairs of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization // Official website of SCO. 07 Jan. 2002 – URL: <https://eng.sectsco.org/20020107/1626173.html> (date of access: 09.01.2025).

6. Declaration by the Heads of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization // SCO. 29 May. 2003. – URL: <https://eng.sectsco.org/20030529/1626743.html> (date of access: 09.01.2025).

7. 中国与阿富汗关于建立战略合作伙伴关系联合宣言 = Совместная декларация о создании стратегического партнерства между Китаем и Афганистаном // Официальный сайт Правительства КНР. 08 июня 2012 г. – URL: https://www.gov.cn/jrzg/2012-06/08/content_2156378.htm (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

8. 孙建国会见阿富汗国民军副总参谋长 = Сунь Цзяньго встретился с заместителем начальника Генерального штаба Национальной армии Афганистана // Жэньминь жибао. – URL: <http://military.people.com.cn/n/2014/0708/c1011-25253955.html> (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

9. 中国公安部长首访阿富汗，两国加强打击恐怖主义等执法合作 = Министр общественной безопасности Китая впервые посетил Афганистан, страны усиливают сотрудничество в области правоохранительных органов в борьбе с терроризмом // Пэнпай Синьвэнь. 01 декабря 2014 г. – URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1282186 (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

10. 首任外交部阿富汗事务特使即将赴阿斡旋 = Первый специальный посланник Министерства иностранных дел по делам Афганистана вскоре отправится в Афганистан для посредничества // Официальный сайт Правительства КНР. 22 июля 2014 г. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-07/22/content_2721505.htm (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

11. В Пекине состоялась 4-я встреча министров иностранных дел в рамках Стамбульского процесса по Афганистану // Жэньминь жибао. – URL:

<http://russian.people.com.cn/n/2014/1102/c31521-8803149.html> (дата обращения: 02.11.2024).

12. 3-way dialogue addresses regional stability // Official website of the Government of the People's Republic of China. 11 Feb. 2015 – URL: https://english.www.gov.cn/state_council/ministries/2015/02/11/content_281475053873820.htm (дата обращения: 09.01.2025).

13. 首次中国—阿富汗—巴基斯坦三方外长对话举行 = Состоялся первый трехсторонний диалог министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана // Официальный сайт МИД КНР. 26 декабря 2017 г. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbz_673089/zyhd_673091/201712/t20171226_7578112.shtml (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

14. 2019年6月20日外交部发言人陆慷主持例行记者会 = 20 июня 2019 г. официальный представитель МИД Лу Канг провел регулярную пресс-конференцию // Официальный сайт МИД КНР. 20 июня 2019 г. – URL: https://www.mfa.gov.cn/wjdt_674879/zcjd/201906/t20190620_7943276.shtml (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

15. 2019年9月23日外交部发言人耿爽主持例行记者会 = 23 сентября 2019 г. официальный представитель МИД Гэн Шуан провел регулярную пресс-конференцию // Официальный сайт МИД КНР. 23 сентября 2019 г. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/201909/t20190923_7815233.shtml (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

16. 王毅会见阿富汗塔利班政治委员会负责人巴拉达尔 = Ван И встретился с главой политического комитета Талибана Афганистана Бародаром // Официальный сайт МИД КНР. 28 июля 2021 г. – URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbzd/202107/t20210728_9137717.shtml (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

17. 习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话 = Си Цзиньпин выступил с важной речью на заседании по вопросам внешней политики с соседними странами // Агентство Синьхуа. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2013-10/25/c_117878897.htm (дата обращения: 25.10.2013) (на кит. яз.).

18. 外交部长王毅抵达喀布尔开始对阿富汗进行访问 = Министр иностранных дел Ван И прибыл в Кабул для визита в Афганистан // Жэньминь жибао. – URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0222/c70731-24436456.html> (дата обращения: 22.02.2014) (на кит. яз.).

19. China-Afghanistan air corridor offers new opportunities for pine nut business // Xinhua News Agency. 17 Nov. 2018 – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-11/17/c_137613587.htm (date of access: 09.01.2025).

20. 进博会让更多阿富汗商品走进中国市场 = Выставка импортных товаров открывает доступ большому количеству афганских товаров на китайский рынок // Жэньминь жибао. – URL: <http://world.people.com.cn/n1/2022/1109/c1002-32562379.html> (дата обращения: 09.10.2022) (на кит. яз.).

21. 纵有千难万难，挡不住我们送电 = Хотя есть тысячи трудностей, они не могут остановить нас от подачи электроэнергии. // Соху Сеть. 28 июня 2018 г. – URL: https://www.sohu.com/a/238275032_744965 (дата обращения: 09.01.2025) (на кит. яз.).

22. 中国企业在阿富汗承接的首个光伏项目举行签约仪式 = Первый солнечный проект, реализуемый китайской компанией в Афганистане, состоялся с подписанием контракта. // Агентство Синьхуа. – URL: <https://www.imsilkroad.com/news/p/99404.html> (дата обращения: 12.06.2018) (на кит. яз.).

(Дата подачи: 04.02.2025 г.)

И. О. Чеченев

Республиканский институт высшей школы

I. O. Chechenev

National Institute For Higher Education

БОЛИВАРИАНСКИЕ МИССИИ КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ БОЛИВАРИЗМА

BOLIVARIAN MISSIONS AS PART OF THE SOCIAL PROGRAM OF BOLIVARIANISM

УДК 94(87)

В статье анализируется система боливарианских миссий как части социальной программы боливаризма. При этом раскрыта история формирования системы миссий, их связь с боливарианской идеологией на примере миссий «Barrio Adentro», «Mercal» и «Robinson».

Ключевые слова: боливаризм; боливарианские миссии; PDVSA; барриос; социализм; У. Чавес; Венесуэла; Латинская Америка.

The article analyses the system of Bolivarian missions as part of the social program of Bolivarianism. The history of the formation of the system of missions, their connection with Bolivarian ideology is revealed on the example of the missions “Barrio Adentro”, “Mercal” and “Robinson”.

Keywords: Bolivarianism; Bolivarian missions; PDVSA; barrios; socialism; H. Chávez; Venezuela; Latin America.

Проблема бедности остается одним из наиболее острых вопросов в латиноамериканском регионе. В Венесуэле во второй половине XX в. социальное расслоение оказалось особенно сильным, что привело к недостатку охвата государственными социальными программами наиболее бедных слоёв населения, число которых к 1989 г. достигло 53 % населения [1, с. 839]. Это стало одной из тех причин, которые привели миллионы избирателей к боливаристам во главе с У. Чавесом. При администрации У. Чавеса одним из способов ответа на социальные проблемы стала идея так называемых «болива-

рианских миссий» – серии из более чем 30 социальных программ помощи наиболее уязвимым частям общества и секторам экономики, в таких сферах как здравоохранение, образование, продовольственная безопасность, и т. д.

Цель настоящей работы – определить место «миссий» в социальной программе боливаризма на примере миссий «Bartio Adentro», «Mercal», «Robinson», соответствующих таким значимым социальным сферам, как здравоохранение, продовольствие и образование. При написании работы были использованы публикации русскоязычной и англоязычной историографии по рассматриваемой теме, включая публикации В. Катона, А. Дагуэр, Дж. Левина, В. Скинкарриола, Р. Брейдинга, Т. Мюра, А. Вергера [5; 1; 7; 8; 9; 17].

После победы У. Чавеса и его Движения за Пятую республику (Movimiento V República, MVR) на президентских выборах 1998 г. боливаристы начали реализацию собственной программы переустройства государства. В 1999 г. состоялся конституционный референдум, на котором перед гражданами было поставлено два вопроса: 1) созыва Национальной Конституционной Ассамблеи с целью «трансформирования государства и создания новой законодательной системы, которая позволит эффективно функционировать социальной демократии и демократии участия»; 2) передачи полномочий Президенту Республики на принятие Правительственного Акта после заслушивания мнений политического, социального и экономического секторов. Предполагалось, что Правительственный Акт должен стать основным документом по избирательному процессу, на основе которого будут избраны члены Конституционной Ассамблеи. За первое предложение проголосовали 92,36 % участников, за второе – 86,5 %, при явке в 37,65 % выборщиков [2].

В результате последовавшей Конституционной Ассамблеи была создана новая Конституция, одобренная на новом конституционном референдуме 15 декабря 1999 г.: «за» проголосовали 71,48 % участников, при явке в 44,38 % [3]. Новая конституция провозглашала создание Боливарианской Республики Венесуэла. При этом в Ст. 2 были прописаны основополагающие принципы функционирования государства: Венесуэла была названа «демократическим» и «социальным» государством, основанным на принципах права и справедливости. В качестве наивысших ценностей были обозначены жизнь, свобода, справедливость, равенство, общность интересов, демократия, социальная справедливость, а также права человека, нравственные принципы и политический плюрализм [4, с. 14]. В Ст. 3 были обозначены важнейшие задачи, стоящие перед государством: защита и развитие личности, уважение ее достоинства, демократическое осуществление воли народа, построение справедливого и миролюбивого государства, обеспечение процветания и благосостояния народа, гарантии осуществления основных прав и свобод, закрепленных в Конституции. Фундаментальными же условиями

достижения указанных целей были названы обучение и труд [4, с. 14]. Таким образом, из текста Конституции было очевидно, что особое внимание новая власть отводила достижению сфере образования, дальнейшей профессиональной деятельности и достижению социального равенства.

Первоначально правительство У. Чавеса не предпринимало радикальных изменений в экономической политике. Исключением стала нефтяная сфера. В частности, перед правительством стояла задача поиска средств для проведения преобразований, которые предполагалось найти путем национализации национальной нефтяной корпорации страны PDVSA (Petróleos de Venezuela), о чём говорилось в Статье 303 новой Конституции [4, с. 67]. В 2001 г. был создан инвестиционный фонд макроэкономической стабилизации, приняты новый Закон об углеводородах, закон о земле и развитии сельского хозяйства [5, с. 59–60].

В социальной сфере в целом сохранялась политика предыдущих администраций. Так, ещё правительство К. А. Переса запустило в 1989–1990 гг. программу по борьбе с бедностью, предполагавшую децентрализацию социальных услуг, активное включение НКО в социальные программы, участие всего общества в их проведении, осуществление социальной политики через независимые административные единицы с целью обойти традиционные государственные агентства. Кроме того, программа включала в себя прямое продовольственное снабжение бедного населения, создание центров по уходу за детьми в предместьях городов и сельской местности, создание инвестиционного фонда для реконструкции инфраструктуры барриос – городских трущоб, состоящих из небольших домов, тесно прижатых друг к другу, где проживают беднейшие слои населения Венесуэлы [1, с. 839]. После прихода боливаристов к власти, часть положений этой программы, такие как участие всего общества или прямая помощь бедным, была сохранена и включена в программу боливарианских миссий.

При этом инфляция в стране продолжала сохраняться на высоком уровне (16,2 % в 2000 г., 12,53 % в 2001 г., 22,43 % в 2002 г.) [6], что привело к проблемам с макроэкономической стабильностью. Ситуация ухудшилась после того, как в 2001 г. в США разразился пузырь доткомов, негативно повлиявший на внешнюю торговлю страны. В 2001–2003 гг. был зафиксирован рост уровня бедности с 39 % до 55,1 %, в том числе нищеты с 14,4 % до 25 %. Согласно венесуэльским данным начала 2000-х гг., нищета фиксировалась при уровне доходов меньше 1,25\$ в месяц [1, с. 841]. Все это привело к росту недовольства политикой правительства У. Чавеса, выразившегося в попытке военного переворота 11–13 апреля 2002 г. В результате массовых протестов в поддержку чавистов и сохранением частью армии лояльности правительству, переворот провалился, а нелояльные генералы были уволены со своих постов [7, с. 98]. Однако поляризация и напряженность в обществе не уменьшились и привели к крупной забастовке рабочих PDVSA, начавшейся 2 дека-

бря 2002 г. Забастовка длилась 63 дня и практически парализовала экономику Венесуэлы. У. Чавес с помощью военных смог ее подавить, параллельно уволив руководство корпорации и около 18 тыс. сотрудников (из примерно 40 тыс. человек) [7, с. 101]. Тем не менее, падение рейтингов правительства и политический кризис в стране были очевидны и потребовали немедленного ответа. Увольнение руководства PDVSA позволило окончательно поставить корпорацию под государственный контроль и начать активное использование нефтедолларов для финансирования социальных программ.

События 2002 г. привели к пересмотру социальной политики У. Чавеса. Правительство приняло решение перейти к более левым методам социальной политики, применяя программы прямой помощи малоимущим в условиях огромного имущественного расслоения в стране, где значительная часть граждан продолжали жить за чертой бедности. В процессе работы родилась идея так называемых боливарианских миссий – специальных социальных программ помощи малоимущим гражданам, охватывающих такие жизненно важные сферы, как продовольственное обеспечение, здравоохранение и образование. Особое внимание миссиями уделялось барриос.

Миссии являются общенациональными программами социальной помощи, регулируемые национальным законодательством. Ориентированные на беднейшие слои населения, они используют различные методы отбора реципиентов, включая географические критерии, количество избирателей в штате и его средние экономические показатели. Финансирование миссий идёт за счет средств национального бюджета и нефтяных доходов от PDVSA, контроль над которой усилился после забастовки декабря 2002 г. Каждая миссия создается указом президента, определяющим цель миссии, её меры и бюджет [1, с. 841]. Миссии имеют абсолютно разные направления деятельности, например, Robinson, Ribas и Sucre связаны с образованием; Barrio Adentro – улучшение доступа к медицинским услугам на местном уровне, а миссия Vuelvan Caras имеет целью субсидирование роста малых и средних предприятий [8, с. 48].

Одной из первых боливарианских миссий стала «Barrio Adentro», начало которой было положено 16 апреля 2003 г. в результате соглашения между Венесуэлой и Кубой о приглашении кубинских врачей в Боливарианскую Республику. Слабость системы здравоохранения была давней проблемой страны. С целью ее решения по этому соглашению в Венесуэлу были приглашены 10 169 кубинских медиков, распределённых по разным штатам и сыгравших критическую роль в проведении миссии. В рамках пропагандистской кампании был запущен лозунг «Dale un Sonrisa al Barrio» («улыбнись Баррио») [9, с. 97–98].

Программа проходила под патронажем Министерства здравоохранения и социального развития Венесуэлы. Целью плана стала гарантия доступа к медицинским услугам для малообеспеченных групп населения с помощью

комплексной реформы управления здравоохранением. План предполагал внедрение модели управления здравоохранением, основанной на широком участии гражданского общества путём привлечения локальных сообществ к контролю в данной сфере; расширение амбулаторной сети, улучшение образования и профессиональной подготовки во врачебной сфере. При этом планировалось создание в барриос врачебных кабинетов и «народных» клиник в дополнение к уже существующим больницам, размещение врачей в местных общинах с целью облегчения приёма пациентов на дому. Важной целью плана стало достижение одного врача на каждые 250 семей (или около 1200 жителей страны) [10].

Ответственность за выполнение плана была возложена на министра здравоохранения и социального развития Р. Капелла, министра энергетики и горнорудной промышленности Р. Рамиреса, президента PDVSA А. Р. Араке, заместителя министра социального развития А. М. Сильва, начальника Объединённого комитета начальников штабов Вооружённых сил Венесуэлы Р. Рамиреса, мэра г. Каракас Ф. Берналя, мэра г. Сукре П. Рангеля [11].

Миссия «Barrio Adentro» реализовывалась в несколько этапов. Первым этапом стал эксперимент в муниципалитете Либертадор в Каракасе в апреле-июне 2003 г., осуществлённый с помощью Института местной экономики (Instituto de Economía Local, IDEL). Он предполагал создание первых комитетов по реализации миссии, приглашение кубинских врачей и их адаптацию к местным реалиям, оценке наиболее частых заболеваний в различных регионах страны. Вторым этапом плана стало расширение его действия на территорию ряда штатов страны. Третий этап начался 14 декабря 2003 г., расширивший действие миссии на весь столичный округ и все штаты Венесуэлы и предполагавший реализацию 26 ежедневных медицинских мероприятий, включающих консультации, медицинское просвещение, мероприятия по подготовке руководства общин, пропаганду здорового образа жизни, прямые визиты к больным пациентам. Итоговыми бенефициарами миссии «Barrio Adentro» стали более 617 000 семей [10].

Другой важной и при этом достаточно популярной боливарианской миссией стала миссия «Mercal», запущенная декретом президента У. Чавеса 24 апреля 2003 г. Целью миссии стало распространение продуктов питания и других товаров первой необходимости по более доступным ценам. Данная цель реализовывалась созданием стационарных и передвижных торговых точек с более низкими ценами, что позволяло малоимущим гражданам экономить 34 % по сравнению с регулируемыми и 37 % по сравнению с рыночными ценами. На ряд товаров цены были занижены до 50 % относительно рыночных. Подобные скидки финансировались за счёт доходов от PDVSA. Для участия в миссии привлекались мелкие фермеры, малые предприятия и кооперативы, отправлявшие свои товары в открытые в рамках миссии магазины [12].

В рамках реализации Mercal проводилось несколько программ по созданию торговых точек. Эти программы представляют собой модули Mercal и делятся на несколько типов:

Модуль типа I – это розничные торговые точки, которые функционируют в двух вариантах: базовый (154 кв. м) и расширенный (274 кв. м). При этом большинство точек представляют собой так называемые «народные аптеки», поэтому этот модуль координируется Министерством здравоохранения и социального развития, а его основной целью является продажа малообеспеченному населению лекарств по доступным ценам [13]. Данный модуль миссии Mercal в свою очередь стал частью миссии Barrio Adentro.

Модуль типа II – точки, структура которых основывалась на использовании государственных или частных инфраструктурных и недвижимых ресурсов, при этом эти торговые точки варьируются по специализации, то есть в каждом из них могут продаваться определённые виды продуктов питания [14].

Модуль супермаркетов представляет собой розничные предприятия, предлагающие широкий ассортимент продукции и имеющие большую торговую и складскую площадь, чем точки типа I, что позволяет местным производителям напрямую продавать свою сельскую продукцию. Подобные супермаркеты расположены под открытым небом в густонаселённых районах крупных городов и муниципалитетов [15].

Кроме того, данная миссия предполагала создание мобильных складов, предназначенных для снабжения продукцией населения, живущее в труднодоступных регионах. Особое внимание уделялось программам помощи мелким производителям из представителей коренных народов Венесуэлы. Масштаб миссии на 2005 г. охватывал около 13 286 учреждений, поставлявших товары 15 678 565 жителям страны. Согласно сайту миссии, к 2010 г. с её помощью было продано товаров на 8,4 млн тонн, открыв малоимущим слоям населения доступ к более сбалансированной продовольственной корзине [12]. Однако начиная с 2014 г. в точках Mercal начал фиксироваться дефицит товаров, что привело к большим очередям и не позволило реципиентам миссии полностью реализовать свои потребности [16].

Одной из главных целей боливаристов стало решение вопроса неграмотности в Венесуэле. По этой причине был запущен ряд миссий в образовательной сфере, в частности, Robinson I (базовое обучение), Robinson II (расширение обучения участников первой миссии до уровня 6 класса), Robinson III (совмещение школьного образования с производственным обучением), Ribas (расширение участников первых миссий до уровня базового среднего образования), Suse (образование для наиболее бедных и обделённых слоёв населения) [17, с. 76].

Миссия Робинсон была запущена как экспериментальный проект в округе Каракаса 23 мая 2003 г. Уже 1 июля 2003 г. действие миссии было

расширено на всю территорию страны. Ответственным за выполнение миссии стало Министерство образования, культуры и спорта. Целью миссии стало создание программы обучения неграмотных граждан основам чтения и письма. Основой для миссии стал так называемый чрезвычайный план по ликвидации неграмотности «Симон Родригес», названный в честь латиноамериканского философа, по совместительству главного учителя во времена детства С. Боливара. Само название миссии также отсылает к псевдониму С. Родригеса – Самуэль Робинсон. План предусматривал использование способа обучения грамоте взрослых под названием «Да, я могу», созданного известной кубинской преподавательницей Л. И. Релис, за который она получила премию ЮНЕСКО в 2006 г. «Да, я могу» использует алфавитно-цифровой метод обучения, с использованием личного опыта обучаемого и аудиовизуальной среды в сочетании с букварем [11].

Миссия Робинсон помимо борьбы с неграмотностью имела и важную пропагандистскую цель: показать в регионе преимущество боливарианской системы управления. Подобные программы начали экспериментально вводить в других странах-союзниках Венесуэлы по блоку ALBA (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América* – Боливарианский альянс для народов нашей Америки). Бенефициарами миссии стали около 1,7 млн человек. Уже в сентябре 2003 г. было принято решение расширить миссию, открыв кампанию Robinson II с целью обучить участников первой миссии до уровня 6 класса. Все это позволило правительству Венесуэлы уже в 2005 г. объявить страну свободной от неграмотности и ввести обязательное всеобщее базовое 9-летнее образование. Тем не менее, по некоторым экспертным оценкам, реальный результат образовательных миссий оказался не таким значительным, как заявляют венесуэльские власти [17, с. 76].

Таким образом, одним из центральных тем боливаризма, как и любой социалистической идеологии, является его социальная программа. Правительство У. Чавеса, придя к власти, закрепило в Конституции 1999 г. статус Венесуэлы как социального государства, защищающего социальную справедливость и утверждающего обучение и труд как фундаментальные гарантии выполнения социальных обязательств. Несмотря на то что первоначально правительство Боливарианской Республики в области социальной политики не сильно отходило от политики предыдущих президентских администраций и даже заимствовало часть их программ, экономический кризис и последовавшие за ними попытка военного переворота и забастовка рабочих нефтяной индустрии вынудили действовать иными методами. В результате в качестве ответа на проблему бедности была разработана система так называемых боливарианских миссий. В ходе своего выполнения боливарианские миссии стали неотъемлемой частью социальной практики боливаризма, выполняя роль не только социальных программ, но и пропагандистских акций мобилизационного участия населения.

Список использованных источников

1. *Daguerre, A.* Antipoverty Programmes in Venezuela / A. Daguerre // Journal of Social Policy. – 2011. – № 40 (4). – P. 835–852.
2. Resultados electorales referendo consultivo nacional 25/04/1999 // Consejo Nacional Electoral de Venezuela – URL: <https://web.archive.org/web/20240224012158/http://www.cne.gob.ve/web/documentos/estadisticas/e013.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).
3. Resultados electorales referendo 15/12/1999 // Consejo Nacional Electoral de Venezuela – URL: <https://web.archive.org/web/20240305045311/http://www.cne.gob.ve/web/documentos/estadisticas/e012.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).
4. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла от 30 декабря 1999 года // Законодательство Боливарианской Республики Венесуэла: сборник документов: в 3 т. Т. I. – Москва: Междунар. отношения, 2011. – С. 11–74.
5. *Катона, В.* Энергетика Латинской Америки: Смогут ли ведущие державы справиться с последствиями кризиса и пробиться в число высокоразвитых держав? / В. Катона. – Москва: ЛЕНАНД, 2019. – 160 с.
6. Inflation rates in Venezuela // Worlddata.info. – URL: <https://www.worlddata.info/america/venezuela/inflation.rates.php> (date of access: 14.02.2025).
7. *Levin, J.* Hugo Chávez / J. Levin – New York: Chelsea House, 2007. – 128 p. – (Modern world leaders).
8. *Schincariol, V. E.* Society and Economy in Venezuela: An Overview of the Bolivarian Period (1998–2018) / V. E. Schincariol. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020. – 128 p.
9. *Brading, R.* Populism in Venezuela / R. Brading. – Abington: Routledge. – 2013. – 216 p. – (Routledge studies in Latin American politics).
10. Nuestra Misión // Misión Barrio Adentro. – URL: <https://web.archive.org/web/20051229232100/http://www.barrioadentro.gov.ve/> (дата обращения: 18.02.2025).
11. Misiones // Gobierno en Línea. – URL: <https://web.archive.org/web/20051227121133/http://www.gobiernoenlinea.ve/miscelaneas/misiones.html> (дата обращения: 18.02.2025).
12. Reseña Histórica // Misión Mercal. – URL: https://web.archive.org/web/20120325032715/http://www.mercal.gob.ve/web/index.php?option=com_content&task=view&id=7&Itemid= (дата обращения: 18.02.2025).
13. Mercal Tipo I // Misión Mercal. – URL: https://web.archive.org/web/20120406234403/http://www.mercal.gob.ve/web/index.php?option=com_wrapper&Itemid=38 (дата обращения: 18.02.2025).
14. Mercal Tipo II // Misión Mercal. – URL: https://web.archive.org/web/20120406234628/http://www.mercal.gob.ve/web/index.php?option=com_wrapper&Itemid=36 (дата обращения: 18.02.2025).

15. Supermercales // Misión Mercal. – URL: https://web.archive.org/web/20120406234407/http://www.mercal.gob.ve/web/index.php?option=com_wrapper&Itemid=37 (дата обращения: 18.02.2025).

16. En Mercal hay mucha cola para pocos productos // El Tiempo. – URL: <https://web.archive.org/web/20160127122554/http://eltiempo.com.ve/locales/puertocruz/consumo/en-mercal-hay-mucha-cola-para-pocos-productos/137134> (дата обращения: 19.02.2025).

17. *Muhr, Th.* Venezuela. Higher Education, Neoliberalism and Socialism / Th. Muhr, A. Verger // The Developing World and State Education: Neoliberal Depredation and Egalitarian Alternatives / Routledge Studies in Education, Neoliberalism, and Marxism; by: D. Hill (editor), E. Rosskam (editor). – Abington, 2009. – 276 p.

(Дата подачі: 28.02.2025)

A. G. Цымбал

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск

G. Tsimbal

Minsk State Linguistic University, Minsk

УДК 94(438+430)”1939/1945”:323.1

ПОЛЬЩА І ГЕРМАНІЯ: КАНФЛІКТЫ ПАМЯЦІ ПРА ДРУГУЮ СУСВЕТНУЮ ВАЙНУ Ў КАНТЭКСЦЕ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАЛІТЫКІ

POLAND AND GERMANY: CONFLICTS OF MEMORY OVER WORLD WAR II IN THE CONTEXT OF POLITICS OF HISTORY

Артыкул аналізуе канфлікты памяці паміж Польшчай і Германіяй у кантэксце Другой сусветнай вайны і гістарычнай палітыкі. Разглядаюцца аспекты прымірэння, спрэчкі вакол рэпарацый і ўплыў мінулага на сучасныя польска-германскія адносіны. Аўтар даследуе, як траўматычная памяць вайны фарміруе палітычны дыскурс і ўплывае на двухбаковыя адносіны.

Ключавыя словы: гістарычная памяць; Польшча; Германія; Другая сусветная вайна; рэпарацыі; гістарычная палітыка; палітыка памяці.

The article examines memory conflicts between Poland and Germany in the context of World War II and historical politics. It explores reconciliation efforts, disputes over reparations, and the impact of the past on contemporary Polish-German relations. The author analyzes how war-time trauma shapes political discourse and affects bilateral relations.

Keywords: historical memory; Poland; Germany; World War II; reparations; politics of history; politics of memory.

Складаныя адносіны паміж Польшчай і Германіяй шмат у чым вызначаюцца няпростай гісторыяй гэтых дзвюх краін, у прыватнасці, траўматычнай спадчынай Другой сусветнай вайны. Пасля 1989 г. і посткамуністычнага транзіту кіраванне гістарычнай памяццю і дасягненне прымірэння з Германіяй сталі надзённымі праблемамі. Палітыка мінулага стала цэнтральным фактарам у пераасэнсаванні польска-германскіх адносін.

У пачатку 1990-х гг. Польшча праводзіла палітыку актыўнага прымірэння з Германіяй, што разглядалася як важнейшая ўмова інтэграцыі з Захадам. Гэты перыяд характарызаваўся інтэнсіўным дыялогам, сімвалічнымі жэстамі і арыентацыяй на пераадоленне гістарычнага цяжару. Аднак з канца 1990-х гг. у Польшчы ўсё часцей гучалі заклікі да Германіі ўзяць на сябе больш поўную адказнасць за злачынствы Другой сусветнай вайны, якія суправаджаюцца патрабаваннямі кампенсацыі. Па меры эскалацыі палітычнай напружанасці ў 2000–2010-х гг. нявырашаныя праблемы, звязаныя з кампенсацыяй шкоды, прычыненай вайной, і прызнаннем польскай віктымнасці, сталі дамінаваць у адносінах.

Дыскусіі аб гісторыі і мадэлях памяці у Польшчы і Германіі служаць прыкладам таго, што канфрантацыя з мінулым з’яўляецца нязменнай сілай у сучаснай цэнтральнаеўрапейскай палітыцы і міжнародных адносінах. Мэта дадзенага артыкула – асвятліць дынаміку гістарычнай памяці, якая ўскладняе польска-германскія адносіны, нягледзячы на неаднаразовыя спробы прымірэння. У артыкуле прасочваецца, як пазітыўная палітыка прымірэння стала адціскацца на другі план абвінавачваннямі Германіі ў недастатковасці намаганняў заспакаенню ран, нанесеных Польшчы Другой сусветнай вайной. Палітыка памяці застаецца крыніцай дыпламатычных рознагалоссяў і перашкодай для нармалізацыі партнёрскіх адносін.

Адносіны паміж Польшчай і Заходняй Германіяй былі складанымі – краіны пасля заканчэння Другой сусветнай вайны не падтрымлівалі дыпламатычных адносін, а рыторыка часоў халоднай вайны, якую выкарыстоўвалі іх лідары, не спрыяла перамовам і наладжванню суседскіх адносін. Адмова нямецкага ўрада прызнаць мяжу па р. Одра і Ніса перашкодзіла ўстанавленню афіцыйных дыпламатычных адносін паміж Польшчай і Германіяй пасля Другой сусветнай вайны. Тым не менш, абедзве краіны падтрымлівалі пастаянныя гандлёвыя прадстаўніцтвы і неафіцыйныя адносіны.

Першым сур’ёзным жэстам да прымірэння стаў ліст польскіх біскупаў да нямецкіх калег. 18 лістапада 1965 г. нямецкім біскупам быў накіраваны «Пастырскі ліст польскіх біскупаў да братоў у Хрысце ў Германіі». Гэты ліст польскіх біскупаў заклікаў змяніць погляд на гісторыю польска-нямецкіх адносін і заканчваўся заклікам да ўзаемага прабачэння мінулых грахоў. Стваральнікам і галоўным аўтарам ліста (падпісалі 36 біскупаў) быў Б. Камінек, арцыбіскуп Вроцлава. Ён вырас у Сілезіі на польска-нямецкай

мяжы і быў знаёмы з праблемамі польска-нямецкіх адносін і актыўна шукаў шляхі пераадолення варожасці паміж двума народамі [1].

У лісце гаварылася не толькі аб злачынствах, учыненых Германіяй асабліва у перыяд з 1939 па 1945 г., але і аб цяжкім становішчы мільёнаў немцаў, якія былі вымушаны пакінуць свае дамы пасля 1945 г. Апроч балючых і трагічных падзей мінулага, былі згаданыя і перавагі добрасуседскіх адносін у розныя перыяды, асабліва ў сярэднія вякі. У лісце змяшчаўся заклік да дыялогу і прымірэння паміж палякамі і немцамі. Значная частка ліста зводзіцца да фразы «Мы даруем і просім прабачэння» [2].

Нямецкі адказ ад 5 снежня, пад назвай «Прывітанне нямецкіх біскупаў сваім польскім братам і сёстрам у Біскупскай канферэнцыі і адказ на ліст ад 18 лістапада 1965 года», быў вельмі расчаравальным. Асабліва характэрнай была адмова нямецкіх біскупаў прызнаць межы па рэках Одра і Ніса, і прызнаць польскія прэтэнзіі на заходнія і паўночныя рэгіёны.

Польска-заходнянямецкія адносіны пацяплелі, калі да ўлады ў Германіі прыйшла сацыял-дэмакратычна-ліберальная кааліцыя SPD/FDP і Вілі Брандт заняў пасаду канцлера. Сімвалам змены нямецкай палітыкі стаў візіт Брандта ў Варшаву, падчас якога ён усклаў кветкі да Магілы Невядомага Салдата і ўкленчыў перад Помнікам Героям гета.

7 снежня 1970 г. кіраўнікі ўрадаў ПНР і ФРГ падпісалі пагадненне аб нармалізацыі ўзаемаадносін, у якім заходняй мяжой Польшчы прызнавалася лінія мяжы на Одэры і Нісе.

У першы посткамуністычны перыяд Польшча ставіла прыярытэтам прымірэнне з Германіяй у якасці краевугольнага каменя сваёй знешняй палітыкі. Усё яшчэ знаходзячыся пад моцным уплывам памяці аб Другой сусветнай вайне, польскае грамадства мела глыбокую варожасць да свайго заходняга суседа. Аднак дэмакратычны ўрад Т. Мазавецкага лічыў, што супрацоўніцтва і інтэграцыя з Германіяй служаць польскім нацыянальным інтарэсам. Гэта было часткова матывавана спадзяваннямі на эканамічную дапамогу і ўступленне ў НАТА і ЕС, што ў значнай ступені залежыла ад падтрымкі Германіі. Нямецкі ўрад Хельмута Коля адказаў узаемнасцю, прызнаўшы адказнасць за шкоду падчас Другой сусветнай вайны.

Асноўныя жэсты прымірэння ўключалі публічныя выказванні прызнання адказнасці з боку нямецкіх лідэраў, а таксама культурныя мерапрыемствы, якія падкрэслівалі польска-германскае сяброўства. У 1989 г. канцлер Х. Коль і прэм'ер Т. Мазавецкі наведалі набажэнства прымірэння ў Кшыжове, якое разглядаецца як пачатак польска-германскага прымірэння. Візіт Коля пачаўся 9 лістапада ў дзень падзення берлінскай сцяны. На перамовах уздымаліся пытанні мяжы на Одэры і Нісе, праблема кампенсацыі страт, панесеных Польшчай у Другой сусветнай вайне і становішча нацыянальных меншасцей [3]. У чэрвені 1990 г. недатыкальнасць заходняй мяжы Польшчы прызналі парламенты ГДР і ФРГ. Дамова, якая канчаткова

ўрэгулявала гэтае пытанне, была падпісана 14 лістапада 1990 г. міністрам замежных спраў Рэспублікі Польшча Кшыштафам Скубішэўскім і міністрам замежных спраў цяпер аб'яднанай Германіі Гансам-Дзітрыхам Геншэрам.

17 чэрвеня 1991 г. у Боне прэм'ер-міністр Рэспублікі Польшча Ян К. Бялецкі і канцлер ФРГ Х. Коль падпісалі «Дагавор аб добрасуседстве і дружалюбным супрацоўніцтве». Разам з дамовай аб мяжы Одэр-Ніса, парафіраванай сем месяцаў таму, яна адкрыла новую старонку ў адносінах паміж дзвюма краінамі [4].

Не забываючыся пра крыўды мінулага, палітыка прымірэння Польшчы адзначыла беспрэцэдэнтны зрух у бок супрацоўніцтва. Нягледзячы на тое, што спрэчкі вакол гісторыі працягваліся, у пачатку 1990-х гадоў назіраўся значны прагрэс у польска-нямецкім збліжэнні.

Адным з кірункаў гістарычнага дыялогу было стварэнне яшчэ ў 1972 г. спецыяльнай змешанай польска-германскай камісіі па падручніках. Гэтая камісія была закліканая распрацаваць падручнікі, якія б спрыялі паляпшэнню ўзаемаразумення паміж дзвюма краінамі і забяспечвалі больш збалансаванае прадстаўленне гістарычных падзей у адукацыйных матэрыялах.

У 2008 г. кіраўнікі МЗС Польшчы і Германіі даручылі камісіі распрацаваць агульны падручнік гісторыі. Праектная група сумесна з выдавецтвамі стварыла канцэпцыю зборніка кніг «Еўропа – наша гісторыя», які ў тым жа годзе прэзентавалі Франк-Вальтэр Штайнмаер і Вітольд Вашчыкоўскі. У 2020 г. праект падручніка быў завершаны выданнем чатырох тамоў падручніка на польскай і нямецкай мовах [5]. Падручнік быў створаны на аснове інавацыйных канцэпцый навучання, якія сталі вынікам польска-германскага дыялогу ў сферы адукацыі, у тым ліку: адкрытае бачанне гісторыі, супярэчлівасць і шматпланавасць. Падручнік не паўтарае ні польскую, ні нямецкую традыцыю выкладання, але задае новы спосаб напісання еўрапейскіх гісторый.

Цягам апошніх 30 гадоў палякі працягвалі займацца гістарызацыяй польска-нямецкіх адносін. Гісторыя заставалася істотным фактарам германскага вектара знешняй палітыкі Польшчы. Падзеі ўзаемных дачыненняў па-ранейшаму разглядаюцца праз прызму гісторыі. Напрыклад, будова газаводу Nord Stream у польскім публічным дыскурсе атрымала характарыстыку «новага» пакту Рыбентропа – Молатава.

Згаданая раней сустрэча ў Кшыжове прэм'ер-міністраў Т. Мазавецкага і Х. Коля параўноўваецца з пацісканнем рук Конрада Адэнаўэра і Шарля дэ Голя ў 1963 г. перад саборам у Рэймсе.

Падчас святкавання чарговых угодкаў падпісання Дамовы аб добрасуседстве і сяброўскім супрацоўніцтве ад 17 чэрвеня 1991 г. польскія палітыкі падкрэслівалі, што 17 чэрвеня таксама з'яўляецца днём выбуху паўстання рабочых у 1953 г. у ГДР, якое было падаўлена ўсходнянямецкай народнай паліцыяй і арміяй пры дапамозе Савецкай Арміі.

Абавязковымі з’яўляюцца сімвалічныя акцыі, напрыклад, падчас візітаў афіцыйных асоб кожны афіцыйны візіт нямецкіх палітыкаў у Польшчу, незалежна яго мэты, спалучаецца з абавязковымі наведваннямі і ўскладаннем кветак на мемарыялах у музеі Аўшвіц-Біркенаў, пад Помнік Героям гета ў Варшаве, або наведванне Музея Варшаўскага паўстання.

Польскія ўлады не спяшаліся выдаць агрэман новаму паслу ФРГ у Польшчы. Калі нямецкі пасол Рольф Нікель завяршыў сваю дыпламатычную місію у Варшаве і нямецкі бок прапанаваў на яго месца Арндта Фрэйтаг фон Лорынгховена, выдача згоды на яго кандыдатуру зацягнулася на тры месяцы. Прычынай стала мінулае бацькі пасла – афіцэра вермахта часоў Другой сусветнай вайны, які сярод іншых служыў у бункеры Гітлера [6].

У польскім публічным дыскурсе часта гучыць лозунг, што «гісторыя ўсё яшчэ раздзяляе палякаў і немцаў». Яны абвінавачваюць немцаў у сур’ёзным дэфіцыце ведаў пра нацысцкі перыяд, у прыватнасці пра злачынствы, учыненыя ў Польшчы падчас Другой сусветнай вайны, у тым ліку, напрыклад, перасяленне польскага насельніцтва ў 1939 г. або паўстанні, якія адбыліся падчас акупацыі Польшчы. У гэтым кантэксце згадваюцца словы прэзідэнта Германіі Рамана Герцага, які ў інтэрв’ю нямецкім СМІ да святкавання 50-годдзя выбуху Варшаўскага паўстання ў 1994 г. пераблытаў яго з паўстаннем у Варшаўскім гета ў красавіку 1943 г.

Розным з’яўляецца падыход да гісторыі. У Польшчы мінулае ўспрымаецца з перспектывы народу – ахвяры, у той час як ў Германіі праз прызму лёсаў асобных людзей, у тым ліку выселеных з заходніх і паўночных зямель.

На працягу апошніх трыццаці гадоў у польскай палітыцы адносна Германіі дамінаваў тэзіс «разліку і ўпарадкавання» адносінаў да мінулага. Большасць палякаў па-ранейшаму лічыць, што галоўнай праблемай у польска-нямецкіх адносінах застаюцца гістарычныя пытанні і без іх вырашэння не магчыма будаваць будучыню. У свядомасці значнай часткі польскага грамадства застаецца стэрэатып нямецкага нацыста, а немцы і Германская дзяржава па-ранейшаму ўспрымаюцца з пункту гледжання траўмы вайны. Антынямецкія стэрэатыпы яшчэ жывыя, іх інструменталізацыя стала адной з рыс цяперашняй польскай гістарычнай палітыкі.

У Германіі раней існаваў прапагандысцкі лозунг «polnische Wirtschaft», пад якім мелася на ўвазе скрайняя безгаспадарчасць, адсутнасць планавання і манер, але на сённяшні дзень некарысны вобраз Польшчы ў Германіі сышоў у мінулае.

Напружанне ў польска-германскіх адносінах выклікала дзейнасць Саюза выгнанцаў, нашчадкаў немцаў выселеных з тэрыторый перададзеных Польшчы па выніках Другой сусветнай вайны. Саюз планаваў будаўніцтва Цэнтра супраць выгнання ў Берліне. Адназначна крытычную пазіцыю да гэтага практу заняла Польшча. Акрамя таго, нямецкія арганізацыі выгнанцаў

патрабавалі ад Польшчы кампенсцыі за пакінутую на яе тэрыторыі маёмасць.

Адначасова працягваліся перамовы аб кампенсациях ахвярам фашысцкіх лагераў і прымусовых работ. Вызначаныя памеры выплат у Польшчы называлі сімвалічнымі. У 2001–2006 гг. «Польска-германскае прымірэнне» выплаціла 483 тысячам асоб каля 1 млрд еўра.

10 верасня 2004 г. Сейм Рэспублікі Польшча прыняў пастанову, у якой заклікаў польскі ўрад звярнуцца з патрабаваннямі рэпарацый ад Германіі за шкоду, прычыненую падчас Другой сусветнай вайны. Маёмасныя прэтэнзіі нямецкіх арганізацый да Польшчы і польскіх грамадзян называліся беспадстаўнымі.

Адным з важных пытанняў быў статус польскай абшчыны ў Германіі. Размова ішла пра атрыманне правоў нацыянальнай меншасці. У гэтым кантэксце гучалі спасылкі на дэкрэт Германа Гёрынга ад 27 лютага 1940 г. Тады Саюз палякаў у Германіі быў забаронены, а яго маёмасць канфіскавана. 27 кастрычніка 2017 г. Сейм Польшчы прыняў пастанову аб ушанаванні памяці 95-й гадавіны стварэння Саюзу палякаў у Германіі, дзе было заяўлена аб падтрымцы польскім парламентам намаганняў атрымаць для нямецкай палоніі статус нацыянальнай меншасці.

У сярэдзіне лістапада 2017 г. група з больш чым 80 нямецкіх дзеячаў выступіла з ідэяй пабудаваньня помнік забітым польскім грамадзянам, які планавалася размясціць у цэнтры Берліна. Быў накіраваны зварот у Бундэстаг [7]. У дыскусіі, што пачалася, СМІ нагадвалі, што ўжо ёсць іншая ініцыятыва па ўшанаванні памяці ахвяр нацысцкай акупацыі на Ёсходзе, а помнік ахвярам Халакосту ўключае таксама значную частку польскіх ахвяраў [8].

У верасні 2017 г. па ініцыятыве польскай партыі Права і справядлівасць была створана Парламенцкая група для ацэнкі сумы кампенсцыі, належнай Польшчы ад Германіі за шкоду, прычыненую падчас Другой сусветнай вайны, старшынёй якой быў дэпутат Аркадзіюш Мулярчук. Ацэнка гэтых патрабаванняў складала тады прыкладна 880 млрд долараў.

Польскі ўрад, каб задаволіць сацыяльныя патрэбы і пачуццё невыпраўленай несправядлівасці ў адносінах з Германіяй, 1 верасня 2022 г. апублікаваў «Даклад аб страатах, панесеных Польшчай у выніку нямецкай агрэсіі і акупацыі падчас Другой сусветнай вайны 1939–1945 гг.» [10].

У дакладзе ўдакладняецца сума польскіх страт, якія ахопліваюць усе аспекты: чалавечыя, фінансавыя, матэрыяльныя, страты культурнай спадчыны і страты ад вайны. Агульны кошт страт ацэньваецца ў 6,22 трлн злотых, гэта значыць у эквіваленце 1,53 трлн даляраў па курсе на 31 снежня 2021 г.

18 красавіка 1923 г. польскі ўрад прыняў пастанову аб неабходнасці ўрэгулявання пытанняў рэпарацый і кампенсаций у польска-нямецкіх

адносінах у сувязі з нападам Германіі на Польшчу ў 1939 г. і наступнай нямецкай акупацыяй. «Пастанова Рады міністраў фармальна пацвярджае, што ні ў часы Польскай Народнай Рэспублікі, ні пасля аднаўлення суверэнітэту ў 1989 г. пытанне рэпарацый, кампенсацый і іншых формаў выплат за шкоды, нанесенай Польшчы і палякам падчас Другой сусветнай вайны, не выраслася» [9].

У дыскусіі аб рэпарацыях узгадваецца пытанне юрыдычнай сілы дэкларацыі ўрада ПНР на чале з Баляславам Берутам ад 23 жніўня 1953 г. аб адмове ад германскіх выплат. Тагачасныя ўлады ПНР выдалі яго пад ціскам СССР, што было звязана з новым палітычным курсам Савецкага Саюза ў дачыненні да ГДР.

Такім чынам, супярэчнасці памяці аб Другой сусветнай вайне ў Польшчы і Германіі аказалі вялізарны ўплыў на іх адносіны пасля падзення 1991 г. Ранняя палітыка прымірэння Польшчы дасягнула пэўнага прагрэсу ў прызнанні ўзаемных пакут і пераадоленні працяглай варожасці. Аднак у наступныя дзесяцігоддзі аднавіліся рознагалосці наконт ваенных страт, інтэрпрэтацый ахвяр і патрабаванняў гістарычнай справядлівасці.

У той час як пазітыўныя ініцыятывы накіраваны на сумесных гістарычных камісій прывялі да дыялогу, напружанне часта ўзнікала, калі польскія наратывы траўмы сутыкаліся з выбарчай памяццю Германіі. Нявырашаныя патрабаванні рэпарацый і большага прызнання польскіх ахвяр выявілі межы ў прымірэнні фундаментальных рознагалосцяў вакол адказнасці. Рознагалосці вакол тэрміналогіі Халакоста, мемарыялаў і памежжа яшчэ больш дэманстравалі нявырашаныя крыўды. Кіраванне складанай спадчынай мінулага застанецца галоўным у пераасэнсаванні польска-нямецкіх сувязей.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Żerko, S. 1965: A letter of Polish Bishops to their German counterparts // S. Żerko // Instytut Zachodni [Electronic resource]. – 2025. – URL: <https://www.iz.poznan.pl/en/publications/polska-niemcy-kontrowersje/1965-a-letter-of-polish-bishops-to-their-german-counterparts> (date of access: 01.02.2025).
2. Tekst orędzia biskupów polskich do niemieckich z 1965 r. // Dzieje.pl. – 2025. – URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/tekst-oredzia-biskupow-polskich-do-niemieckich-z-1965-r> (date of access: 01.02.2025).
3. Mija 27 lat od polsko-niemieckiej Mszy Pojednania w Krzyżowej // Dzieje.pl. – 2025. – URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/rocznica-polsko-niemieckiej-mszy-pojednania-w-krzyzowej> (date of access: 01.02.2025).
4. 25. rocznica polsko-niemieckiego traktatu o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy // Dzieje.pl. – 2025. – URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/25-rocznica-polsko-niemieckiego-traktatu-o-dobrym-sasiedztwie-i-przyjaznej-wspolpracy> (date of access: 01.02.2025).

5. Europa Nasza Historia // Europa Nasza Historia. – 2023. – URL: <https://europa-nasza-historia.org/> (date of access: 01.02.2025).

6. Trzcielińska-Polus, A. Trzydzieści lat stosunków polsko-niemieckich w cieniu historii (1990–2020) / A. Trzcielińska-Polus // Krakowskie Studia Międzynarodowe. – 2020. – № 2. – P. 113–127.

7. Wieliński, B. T. Niemcy chcą postawić pomnik Polakom zamordowanym podczas drugiej wojny światowej // B. T. Wieliński // Gazeta Wyborcza. – 2020. – URL: <http://wyborcza.pl/7,75399,22612024,niemcy-chca-postawic-pomnik-polakom-zamordowanym-podczas-drugiej.html> (date of access: 01.02.2025).

8. Ruchniewicz, K. Yet Another Memorial in Berlin? // K. Ruchniewicz // Gazeta Wyborcza. – 2018. – URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/6-2018-20/polish-victims-memorial-in-berlin/> (date of access: 01.02.2025).

9. Reparacje od Niemiec. Rząd przyjął uchwałę // Gazeta Prawna. – 2022. – URL: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8701231,reparacje-od-niemiec-rzad-przyjal-uchwale.html> (date of access: 01.02.2025).

10. Raport o stratach poniesionych przez Polskę w wyniku agresji i okupacji niemieckiej w czasie II wojny światowej 1939–1945 // Instytut strat wojennych. – 2022. – URL: <https://instytutstratwojennych.pl/strona/186-raport-pl-broszura-skrocony> (date of access: 01.02.2025).

(Дата падачы: 26.02.2025 г.)

A. K. Шымак

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Shymak

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(47)

ПАПА АЛЯКСАНДР VI БОРДЖЫА І ЎСХОДНЯЯ ЕЎРОПА

POPE ALEXANDER VI BORGIA AND EASTERN EUROPE

У артыкуле разглядаецца пантыфікат папы Аляксандра VI (1492–1503 гг.) і асаблівасці яго палітыкі ва Усходняй Еўропе. Аб'ектам даследавання сталі міждзяржаўныя адносіны, якія разгарнуліся на фоне вайны Лівоніі і Пскова ў 1480–1481 гг., а таксама на фоне войнаў 1492–1494 гг, 1500–1503 гг. Маскоўскай дзяржавы і Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: апостальская Сталіца; Рымская курія; Вялікае Княства Літоўскае; Маскоўскае княства; насольства; легат; брэвэ.

The article examines the pontificate of Pope Alexander VI (1492–1503) and the features of his policy in Eastern Europe. The object of the study was interstate relations that developed against the background of the Livonian-Pskov War in 1480–1481, as well as against the background of the wars of 1492–1494 and 1500–1503 between the Moscow State and the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Apostolic Capital; Roman Curia; Grand Duchy of Lithuania; Moscow Principality; embassy; legate; breve.

Імя папы Аляксандра VI Борджы атаясамліваецца, у першую чаргу, з часам заняпаду папства, стратай яго аўтарытэту, надмерным захапленнем багаццем і разгульным вобразам жыцця. Кажуць, што святыя найбольш пацярпелі ад аўтараў сваіх жыццёапісанняў. Канешне, гэтага пантыфіка святым ні ў якім разе назваць нельга, але не кожная публічная асоба здольная пахваліцца такой колькасцю міфаў і стэрэатыпаў пра свой жыццёвы шлях.

Радрыга Борджы паходзіў са знакамітага роду, прадстаўнікі якога былі і кардыналамі, і рымскімі папамі. Нарадзіўся ў 1431 г. у Іспаніі, скончыў юрыдычны факультэт Балонскага ўніверсітэта і першымі крокамі будучай бліскучай духоўнай кар’еры быў абавязаны свайму дзядзьку – папе рымскаму Каліксту III. У 1456 г. Радрыга Борджы стаў кардыналам, а ў 1457 г. – віцэ-канслерам Рымскай курыі. Функцыі кардыналаў у тую эпоху былі звязаныя пераважна з адміністрацыйнымі і палітычнымі справамі. Яны датычыліся больш касцёльнага права, чым душпастырскай службы. Таму сярод кардыналаў было шмат свецкіх. Іспанцу Радрыга Борджы было наканава на займацца вайскавай ці юрыдычнай справай, да духоўнага стану яго ніхто не рыхтаваў.

Асноўныя скандальныя факты біяграфіі папы Борджы звязаныя з магчымым атручваннем апанентаў, наяўнасцю дзяцей і іх лабіраваннем. Дакладнага пацвярджэння абвінавачванняў у забойствах да сённяшняга часу ніхто не прадставіў. Асноўнай крыніцай інфармацыі пра штодзённасць гэтага пантыфіка стаў дзённік Ёгана Бурхарда, які выконваў абавязкі цэрэманімайстра пры папскім двары [1]. Бурхард быў немцам па паходжанні, меў непрыязнасць да італьянцаў і іспанцаў, таму яго погляд даследчыкі лічаць вельмі прадурэтым [2]. Калі чытаць і цалкам давяраць гэтаму аўтару, то атрымаецца, што папа быў такім амаль вар’ятам, які, нягледзячы на акаляючы яго свет, тварыў і дзівацтвы, і страшныя рэчы.

Калі пакінуць па-за ўвагай скандальную частку яго жыцця і паглядзець на Аляксандра VI як на палітыка, то можна заўважыць, што ён быў таленавітым адміністратарам, сёння б яго назвалі выдатным мэнэджарам. Гэтыя якасці паўплывалі і на выбар, які быў зроблены на канклаве 1492 г. У Радрыга Борджы быў вопыт працы ў Рымскай курыі пры папярэдніх пантыфіках, яго ведалі, з ім лічыліся, і ён меў уплыў.

Аляксандр VI быў дастаткова памяркоўным у адносінах да сваіх падданных, зменшыў падаткі, падтрымаў габрэяў, якія пасля іспанскага закону 1492 г. павінны былі пакінуць краіну, калі не прымуць хрост. Ён дазволіў ім знаходзіцца ў Папскай дзяржаве і ўзяў іх пад сваю апеку. Папа не жадаў распачаць судовы працэс у адносінах да насельніцтва Дафіна, Савой і П’емонту, якіх абвінавачвалі ў падтрымцы вальдэнскай ерасі.

На пантыфікат папы Аляксандра VI прыпадае першы перыяд Італьянскіх войнаў – барацьба за Неапалітанскае каралеўства. Французскі кароль Карл VIII быў супраць абрання Радрыга Борджыя папам рымскім. Яго непрыязнасць узрасла таксама з-за таго, што папа ў 1494 г. падтрымаў неапалітанскага караля Альфонса II з арагонскай дынастыі. Ваенны паход французкай арміі скончыўся перамогай над аб'яднанымі папскімі, неапалітанскімі і фларэнтыйскімі войскамі. Карл VIII здолеў захапіць Неапаль, а таксама каранавацца візантыйскім імператарам, выкупіўшы тытул у апошняга з братоў Палеалагаў. Але ў 1495 г. быў разбіты і вярнуўся ў Францыю. Ад новага паходу папу выратавала толькі нечаканая смерць Карла VIII у 1498 г. [3].

Аляксандр VI жадаў умацаваць Касцёльную дзяржаву. Была створана рэгулярная армія, развіваўся адміністрацыйны апарат. Папа выступаў як сапраўдны манарх таго часу, калі вялікая ўвага надзялялася дыпламатыі. Пасля падарожжа Х. Калумба булламі 1493–1494 гг. папа рымскі падзяліў Новы Свет паміж Іспаніяй і Партугаліяй.

Пантыфік звяртаў увагу і на неабходнасць унутраных рэформаў у Касцёле. І галоўную мэту бачыў у тым, каб выключыць з жыцця кардыналаў раскошу, выкараніць сіманію¹ і ўвесці штрафы за канкубінат² духавенства. У 1500 г. быў абвешчаны Юбілейны год, у Рым накіраваліся шматлікія пілігрымы. Можна сустрэць меркаванне, што гэта было зроблена дзеля прытоку матэрыяльных рэсурсаў. Але трэба падкрэсліць, што абвешчэнне Юбілейнага году ў гісторыі Касцёла заўсёды суправаджалася ўздымам рэлігійнасці, адновай духоўнага жыцця вернікаў.

Такім чынам, перад намі папа манарх, палітык, дыпламат, мецэнат і апіякун мастацтва. Чалавек, які любіў і карыстаўся напоўню выгодамі жыцця, забываючыся аб сваім духоўным стане. Але зараз звернем увагу на іншы аспект пантыфікату папы Борджы – знешнюю палітыку ў адносінах да Усходняй Еўропы.

Пасля падзення Канстантынопаля і захопу балканскага рэгіёну Асманскай імперыяй ўсходнехрысціянскі свет згубіў адчуванне адзінства. Маскоўскае княства ў часы Івана III зрабіла першую спробу заявіць аб сабе, як аб спадкаемцы Візантыі. Апостальская Сталіца становіцца ставілася да таго, каб шлюб маскоўскага князя і пляменніцы візантыйскага імператара ўспрымаўся ў такім ракурсе. У перыяд з 1492 па 1503 г. папская дыпламатыя судакраналася з усходнееўрапейскім рэгіёнам у двух вузлавых пытаннях: вайна Лівонскага ордэна і Масквы, прэтэнзіі Івана III на «землі Русі» і яго канфрантацыя з Вялікім Княствам Літоўскім.

Перманентныя памежныя канфлікты Лівонскага ордэна і Пскова выбухнулі ў 1480 г. вайной. Яна завяршылася праз год 10-гадовым пера-

¹ Сіманія – продаж і купля касцёльных пасадаў.

² Канкубінат – трывалая сувязь паміж мужчынам і жанчынай, непацверджаная заключэннем сужэнскага саюзу.

мір'єм. Але было відавочным, што канфлікт замарожаны толькі на час. Лівонскі магістр Бернгард фон дэр Борх, а пазней Вальтэр фон Плеттэнберг спадзяваліся кансалідаваць арцыбіскупства, Рыгу і ганзейскія гарады і пры падтрымцы Рыма застрахаваць сябе ад небяспекі з усходу. Распачаліся мерапрыемствы па стварэнні антымаскоўскай кааліцыі, не апошнім удзельнікам каторай павінен быў стаць і папа рымскі [4, № 405, 411]. З гэтай мэтай у Рым рэгулярна накіроўваліся лісты, якія павінны былі запэўніць папу, што «Масковія» з'яўляецца пагрозай не толькі для Лівоніі, але і для ўсяго каталіцкага Захаду.

Але нягледзячы на шматлікія заклікі з боку і Лівоніі, і Тэўтонскага ордэна, папа рымскі не рабіў рэзкіх крокаў, каб змяніць расклад сіл ва Усходняй Еўропе. У 1495 г. Іван III распачаў вайну са Швецыяй, жадаючы захапіць Заходнюю Карэлію. У першай палове 1496 г. быў здзейснены ваенны паход углыб Фінлянды. І толькі пасля таго, як войскі Івана III пачалі атрымліваць перавагу, летам 1496 г. у Рыме была абвешчана була, якая дазваляла прапаведаваць крыжовы паход супраць «рускіх» у Швецыі і Лівоніі [4, № 56]. Гэтае рашэнне Рымскай курыі было больш гучным, чым здольным прынесці адчувальную дапамогу. Папа рымскі падрыхтаваў брэвэ да Івана III, у якім пераконваў вялікага князя маскоўскага не нападаць на Лівонію. Папа Аляксандр VI звярнуўся таксама да дацкага караля, вялікага князя літоўскага, да ганзейскіх гарадоў, просячы аказаць дапамогу Лівоніі і не ўступаць у саюзнаыя адносіны з Іванам III [4, № 747, 752].

Ордэн жа чакаў зусім іншых дзеянняў. Па-першае, абвяшчэння крыжовага паходу ў шэрагу еўрапейскіх краін, а не толькі ў Швецыі і Лівоніі. Па-другое, дазволу на продаж індальгенцый, каб атрыманыя грошы выкарыстаць у вайне з Масквой. Без згоды Курыі Ордэн не мог адмовіцца ад удзелу ў агульнахрысціянскай справе – антыасманскім паходзе [4, № 1077; 5, № 918].

Абвешчаны ў 1500 г. Юбілейны год павінен быў стаць не толькі годам навяртання вернікаў Касцёла, але і спрыяць міру і супакою ў свеце. У кастрычніку 1500 г. папа Аляксандр VI накіраваў свайго легата да Ягелонаў, каб заключыць перамір'і там, дзе ідуць войны, і пачаць сумесную барацьбу з асманамі [195, s. 35–36; 274, s. 32]. Перашкодай на гэтым шляху сталі адносіны Маскоўскага княства і Вялікага княства Літоўскага. З канца 80-х гг. XV ст. паміж імі трывала памежная вайна, якая абвастрылася ў 1492 г. Ішла актыўная падрыхтоўка да ваенных дзеянняў. Маскоўскія пасольствы накіроўваліся ў Крым, а таксама да Конрада Мазавецкага і магістра Тэўтонскага ордэна, каб арганізаваць антыягелонскі саюз [6, s. 123–150]. У 1494 г. была падпісана дамова паміж Іванам III і Аляксандрам Ягелончыкам. Яна ўмацоўвалася шлюбам Аляксандра і Алены Іванаўны. Але ўсім было зразумела, што вайна прыпынілася часова. Абодва бакі мелі намер аднавіць ваенныя дзеянні. Новы канфлікт разгарэўся ў 1500 г.

У сакавіку 1501 г. Лівонскі ордэн таксама ўступіў у вайну і некалькі разоў паўтарыў просьбы арганізаваць крыжовы паход супраць «маскавітаў» [243, № 214–216, 290–292]. У студзені 1501 г. Аляксандр Ягелончык накіраваў у Рым свайго сакратара Эразма Цёлка, які паведаміў пра небяспеку, якая навісла над княствам з боку «няверных» і заклікаў еўрапейскія дзяржавы да барацьбы [7, s. 22–50]. Яшчэ крыху раней, у 1500 г., у лісце польскага караля Яна Альбрэхта да папы Аляксандра VI з’явілася вызначэнне Польшчы як «бастыёна» (*antemuralia*) заходняга свету ў барацьбе з «нявернымі». Гэтая ж палітыка знайшла сваё адлюстраванне і ў дыпламатыі Аляксандра Ягелончыка. У 1502 г. ужо не толькі Карона Польская, але і Вялікае княства Літоўскае стала называць сябе «*antemuralia*». Узяты тытул павінен быў аказаць садзейнічанне не толькі ўмацаванню цесных узаемаадносін з Апостальскім Прастолам, але і дапамагчы вырашыць літоўска-маскоўскія супярэчнасці [8, s. 33–34].

У адказ на шматлікія заклікі папа Аляксандр VI накіраваў у Маскву спецыяльную грамату, дзе заклікаў Івана III, па прыкладзе польскага караля, змагацца з Асманскай імперыяй [9, № 192]. Але на абвешчэнне крыжовага паходу Рым так і не пайшоў. Магчыма, што на пазіцыю Курый паўплывала пасольства Дзмітрыя Ралева і Мануіла Карачарава. Маскоўскія паслы маглі распаўсюдзіць звесткі аб тым, што Іван III зацікаўлены ў царкоўнай уніі і жадае весці антыасманскую вайну. У падзеях пачатку XVI ст. ва Усходняй Еўропе можна ўбачыць, як рэлігійнае пытанне становілася падобным на кубік настольнай гульні. Іван III распачаў гэту гульню з Рымам і паварочваў кубік то праваслаўным, то каталіцкім бокам – як яму было больш выгодна.

У хуткім часе ў Маскву прыбыў венгерскі пасол Жыгімонт Сантай. Ён прывёз таксама грамату ад папы і кардынала Ісвальеза з дзяццэзі Рэджыя (у рускіх летапісах – кардынал Рэгнус). Гэты кардынал быў прызначаны надзвычайным паслом (а *latere*) да Ягелонаў і ў Маскоўскае княства [6, s. 147] «Того же лета приходил к великому князю Ивану Васильевичу от угорского короля от Владислава посол Сигизмунт Сантай. А правил благословение и поздравление от папы Римского да от Регнуса кардинала» [10, с. 84]. Папа Аляксандр VI выражаў жаданне весці барацьбу за вызваленне ўсяго «Канстанцінопальскага царства» і для гэтага прапанаваў Івану III далучыцца да венгерскага, польскага, чэшскага каралеўстваў, да Вялікага Княства Літоўскага, Прускіх княстваў, Лівонскага ордэна. Пантыфік звярнуў увагу, што вайна паміж Іванам III і Аляксандрам Казіміравічам перашкаджае стварэнню такога саюза. Але Іван III адказаў, што каралі Уладзіслаў і Аляксандр змагаюцца не за свае землі, а за тэрыторыю, якой здаўна валодалі яго продкі [11, с. 341–361]. Даследчык адносін Масквы і Рымскай курый Я. Ф. Шмурла ўдала заўважыў, што, трэба думаць, не без ганарлівага пачуцця задавальнення выслухоўваў маскоўскі князь усе гэтыя прамовы [12, с. 95].

Іван III меў «добрае апраўданне», каб адмовіць у перамір'і, – яго дачку прымушаюць здрадзіць сваёй веры. Справа была ў тым, што папа Аляксандр VI быў уцягнуты ў вырашэнне яшчэ адной праблемы, якая ўзнікла ва Усходняй Еўропе – праблемы з веравызнаннем жонкі Аляксандра Ягелончыка. Актыўным удзельнікам перамоваў з Рымскай курыяй выступіў родны брат Аляксандра польскі прымас, гнезненскі арцыбіскуп і кардынал кракаўскі Фрэдэрык. Папа Аляксандр VI звяртаўся да віленскага біскупа Войцэха, вызваляючы Аляксандра ад дадзеных Івану III абавязальстваў не прымушаць Алену пераходзіць у каталіцтва. Адначасова біскуп павінен быў весці размовы з Аленай, а калі яна не падпарадкуецца, то адлучыць яе ад мужа, выгнаць з дому і маёмасць канфіскаваць (але ануляваць шлюб не дазваляў). Пантыфік пісаў, што Аляксандр можа пакінуць сваю жонку, заражаную «*Ruthenorum maculis*» (рускім брудам) [13, s. 85]. Папа сказаў абвясціць Алене, што ў выпадку нязгоды да яе будуць ставіцца паводле нормаў касцёльнага права, і яна будзе пакараная [14, s. 303, 310–312]. Пазіцыя Курый змянілася, калі пачаўся пантыфікат папы Юлія II (1503–1513). Папа дазволіў Аляксандру не адлучаць ад сябе Алену, але пры ўмове, што пасля смерці Івана III зноў неабходна настойваць на яе пераходзе ў каталіцтва.

Прадстаўнікі Вялікага Княства Літоўскага пераконвалі Івана III, што «Святы папа не того хочет, чтобы она свой греческий закон оставила, а к римскому закону приступила; хочет, господине, того, чтобы она ему послушество сотворила, в соединение была подле осмаго Фролентийского Собора» [11, с. 407]. Івану III было прапанавана паслаць свайго прадстаўніка да папы ці даручыць весці гэтую справу таму, хто паедзе ў Рым ад імя вялікага князя літоўскага. Вялікі князь маскоўскі адмовіўся: «[...] и Папа бы положил то на свой разум, гораздо ли то короли чинят, что не за свою отчину с нами хотят воячити»). Іван III запэўніваў папу ў сваёй адданасці «хрысціянскаму делу»: «[...] Ино мы с Божьею волею, как наперед тог за христианство стояли, так и ныне стоим, и впредь аж даст Бог, уповаю на Бога, хотим за христианство противу поганства стояти, как нам Бог поможет, и просим у Бога того, чтобы дал Бог, христианская рука высока была над поганством» [10, с. 85–86].

Пасля доўгіх перамоваў вялікі князь маскоўскі пагадзіўся на шасцігадовае перамір'е. У красавіку 1503 г. адбылося крыжацалаванне на перамірных граматах паміж Вялікім княствам Маскоўскім і Вялікім княствам Літоўскім. У ліпені 1503 г. у Ноўгарадзе была зацверджана дамова з Лівонскім ордэнам.

18 жніўня 1503 г. памёр папа Аляксандр VI. Падчас яго пантыфікату адбываліся значныя змены ва Усходняй Еўропе. Маскоўскі князь Іван III распачаў барацьбу за «землі Русі», памежныя канфлікты перарасталі ў сапраўдныя войны. Лівонскі ордэн, Вялікае Княства Літоўскае, Маскоўскае княства імкнуліся дасягнуць сваіх мэтаў, спадзеючыся на падтрым-

ку Апостальской Сталіцы. Папа Аляксандр VI, нягледзячы на яго бурную біяграфію, прытрымліваўся стрыманай палітыкі. Падтрымліваў, у першую чаргу, каталіцкія дзяржавы, але з ахвотай згаджаўся і на «зялянні» Івана III. Праблемы Усходняй Еўропы хоць і не былі на першым месцы папскай дыпламатыі, у параўнанні з пытаннем антыасманскай кааліцыі, але ніколі не заставаліся па-за ўвагай Рымскай курыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Burchard, J. Diarium* / J. Burchard. – Paris: Librerie de la Societe Asiatique, 1885. – Т. III: 1500–1506. – 578 p.
2. Źródła historyczne do życiorysu Papieża Alexandra VI // Przegląd Katolicki. – 1872.12.19 – R.10 nr 51. – URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/286598/edition/253403/content> (дата обращения: 25.02.2025).
3. *Banaszak, M. Historia Kościoła katolickiego* / M. Banaszak. – URL: https://www.kosciolgarnizonowy.pl/histora_kosciola_katolickiego.pdf (дата обращения: 20.02.2025).
4. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch / Begründet von F. G. v. Bunge, im Auftrage der baltischen Rittenschaften und Städte fortgesetzt von Hermann Hildebrand, Phillipp Schwartz und Leonid Arbusow; herausgegeben von Arbusow. – Riga-Moskau: «Kommissions-Verlag von J. Deubner», 1900. – Zweite Abteilung, Band 1: 1494, Ende Mai – 1500. – 900 s.
5. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch / Begründet von F. G. v. Bunge, im Auftrage der baltischen Rittenschaften und Städte fortgesetzt von Hermann Hildebrand, Phillipp Schwartz und Leonid Arbusow; herausgegeben von Arbusow. – Riga-Moskau: «Kommissions-Verlag von J. Deubner», 1914. – Zweite Abteilung, Band 3: 1505–1510. – 827 s.
6. *Bojko, K. Stosunki dyplomatyczne Moskwy z Europą Zachodnią w czasach Iwana III* / K. Bojko. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. – 221 s.
7. *Folwarski, H. Erazm Ciołek, Biskup i Dyplomata* / H. Folwarski. – Varsoviae: Dom Książki Polskiej, 1935. – 220 s.
8. Chynczewska-Hennel T. *Stolica Apostolska i Rzeczpospolita w czasach nowożytnych* // *Polska i Stolica Apostolska X–XXI wiek* / red. D. Gales. – Warszawa: ARGRAF, 2006. – S. 32–42.
9. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – Санкт-Петербург: Тип. II Отдел. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. – Т. I: 1340–1506. – 419 с.
10. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / сост. Б. Н. Морозов; под ред. С. О. Шмидта. – Москва-Варшава: Археографический центр, 1997. – 330 с.
11. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством // Сб. Императорского русского исторического общества. – 1882. – Т. 35. – 870 с.

12. Шмурло, Е. Ф. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с Папским престолом (1462–1528) / Е. Ф. Шмурло // Записки Русского исторического Общества в Праге. – Прага Чешская-Нарва, 1937. – Кн. 3. – С. 91–136.

13. Kopiarz Rzymski Erazma Ciołka / opracowali Stanisław Kutrzeba i X. Jan Fijałek // Archiwum Komisji Historycznej. Serja 2. – Kraków: Akad. Umiejętności, 1923. – Т. I. – С. 66–113.

14. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis vaticanis deprompta, collecta ac serie chronologica deposita ab Augustino Theiner. – Т. I. – IV. – Romae: Typis vaticanis, 1861. – Т. II. – 782 s.

(Дата падачы: 28.02.2025 г.)

С. А. Юрис

Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого, Гомель

Е. П. Нарижная

Республиканский институт высшей школы, Минск

Т. А. Юрис

Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации, Гомель

S. A. Juris

Sukhoi State Technical University of Gomel, Gomel

H. P. Narizhnaya

National Institute for Higher Education, Minsk

T. A. Juris

Belarusian Trade and Economics University
of Consumer Cooperatives of Gomel, Gomel

УДК 271.2-786:94(476)"16/18"

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (XVI–XVII ВВ.)

ORTHODOX FRATERNITIES IN URBAN SPACE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (XVI–XVII CENTURIES)

В статье предпринята попытка рассмотрения деятельности православных братств на белорусских землях в динамике их развития от узкословесных корпоративных объединений до всеобщих крупных городских религиозных организаций, создававших социокультурный ландшафт городской среды конца XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Православные братства; благотворительная деятельность; братские школы и книгоиздательство; церковная уния; культура Беларуси конца XVI–XVII вв.

The article attempts to examine the activities of Orthodox fraternities on Belarusian lands in the dynamics of their development from narrow-class corporate associations to all-class large urban religious organizations that created the socio-cultural landscape of the urban environment of the late 16th – 17th centuries.

Keywords: Orthodox fraternities (brotherhoods); charitable activities; brotherhood schools and book publishing; church union; the Belarus culture in the late 16th – 17th centuries.

Исследования церковной истории и векового стремления православной церкви к соборности сегодня особенно актуальны, исходя из непрекращающихся попыток различных политических сил расколоть единство Русской

православной церкви, навязать идеи автокефалии с недооценкой угроз возможных социально-политических потрясений, а также недостаточной актуализации постреформенной истории общества на восточнославянских землях Речи Посполитой с конца XVI–XVII вв. вследствие принятия Брестской унии 1596 г.

Наиболее важный вклад в разработку истории взаимоотношений церкви и православных братств периода Великого Княжества Литовского внесли в дореволюционной историографии А. А. Миловидов, К. В. Харлампович, Ф. А. Жудро, М. О. Коялович, А. А. Папков [1–2]. В советский период данная проблематика стояла в центре внимания Е. Н. Медынского, М. В. Дмитриева, Я. Д. Исаевича, В. П. Мещерякова, А. П. Грицкевича и др. [3–4]. Все это позволило собрать и проанализировать огромный фактический материал по белорусским и украинским землям в рамках различных конфессий периода XV–XVIII вв. и состоянию братских организаций в различные периоды их существования, взаимодействию государства и церкви. Современные труды Ф. А. Дорофеева, С. С. Лукашовой, О. А. Фефеловой, Ю. Э. Шустовой, С. В. Брича (Сергия), Н. В. Гарковича, Г. Я. Голенченко, Е. Е. Барсук, А. А. Скепьян [5–11] позволяют уже более взвешенно и без советских идеологических штампов подойти к осмыслению столь многогранного явления как корпоративная культура братских религиозных общественных организаций в социально-экономической, социально политической и духовной жизни городов.

Под братствами в наиболее общем смысле понимаются «самоуправляющиеся организации мирян в рамках какой-либо религии, созданные вокруг своего храма с религиозными, политическими, социально-бытовыми и иными целями, закрепленными в уставе или традиции» [7, с. 29]. На протяжении становления и развития христианства братские организации играли более или менее заметную роль в духовной и социально-экономической жизни общества, в зависимости от политического контекста. Первое, известное нам на белорусской земле братство, было создано в Полоцке. В Ипатьевской летописи под 1159 г. сообщается, что жители Полоцка приглашали князя своего Ростислава к церкви Пресвятой Богородицы на Покров день [7, с. 54] на братчину (вариант агапы, пира). Подготовка к христианскому празднеству предполагала совместный вклад представителей местной общины в общее застолье после литургии и содействовала развитию тех местных промыслов и ремесел, продукция которых была в первую очередь востребована в ходе богослужений, иной обрядности церкви, возведения храмово-монастырских комплексов и пр. Неудивительно, что первичная кооперация братчиков, постоянная взаимопомощь членам религиозной общины помогла им на протяжении веков поддерживать свое существование и сохранять те или иные ремесленные и промысловые традиции поселений вплоть до XIX в.

Примером могут служить религиозные братства, известные на восточных землях Речи Посполитой, прежде всего, как медовые. Сам термин «медовые» братства также стал в XIX в. активно употребляться в российской исторической науке. Обычай ритуального употребления хмельных напитков столь древний и устойчивый пролонгировал бытование «медовых» объединений. Изготавливалась большая свеча, распевались молебны и устраивалась общая в складчину трапеза, к которой варили пиво, сытили мед, а воск, приношения и полученную прибыль отдавали на церковные нужды. Ряд привилеев великих князей Великого Княжества Литовского свидетельствует о стародавности обычая сыщения прихожанами меда, варения пива с целью получения средств для приходской церкви. Однако заметной роли в жизни общества к концу XVIII в. эти братства уже не играли.

Помимо «медовых» в позднем Средневековье на белорусских землях функционировали и другие однословно-профессиональные учреждения корпоративного характера: братства кушнерские (скорняжные), братства ноговичников (чулочников), братства купеческие и т. п. В этот период достаточно сложно разделить братства (ремесленные цехи) и собственно религиозные братства, так как еще в XVI в. термин «братство» употреблялся для обозначения и тех, и других. Под братствами могла пониматься просто группа мирян, что следует из королевских грамот Сигизмунда II Августа мещанам Дисны 1569 г., позволявшим братствам кануны, праздники годовые устраивать два раза в год [12, с. 167].

При всей преемственности «медовых», ремесленных, общинных братств, их различия с церковными братствами к последней четверти XVI в. становились все более заметны. В это время последние развиваются в русле общих тенденций братского движения и как большинство союзов мирян пытаются создать собственную богадельню – «шпиталь». Однако специфической чертой религиозных братств данного периода является стремление к основанию школ и контролю над образовательной сферой, а у более обеспеченных из них даже к основанию типографий. Все это происходило на фоне тенденции усиления вмешательства церковных братств в обрядово-богослужебную практику церкви, накала конфликтов с церковной иерархией и, как следствие, необходимости разработки аргументации для обоснования собственных взглядов, что, собственно, и делалось в полемических произведениях, выходивших из братских типографий [8, с. 68].

Подобная активизация самоуправления, деятельности братств по повышению уровня религиозного самосознания и просвещения была вызвана внешней причиной. До реализации унионных планов отношения между православными и католическими братствами носили относительно спокойный характер, мещане-братчики были сосредоточены на получении некоторых функций управления общественной жизнью как сословные организации на праве патроната, что позволяло им расширять собственное

влияние в городской среде, зачастую регулируемой магдебургским правом. Во второй половине XVI в. положение православной церкви на белорусских землях изменилось в худшую сторону. Католичество закрепились, как поддерживаемая государством конфессия, реформационное движение привело к распространению протестантских церквей, набиравшая силу униатская церковь, также опираясь на государство, перетягивала верующих на свою сторону. После подписания Брестской унии 1596 г. начались конфликты Виленского Троицкого и Брестского Никольского православных братств с католиками и униатами. Следовательно, хотя православные братства конца XVI в. создавались не для защиты веры [8, с. 105], однако, именно ответный протестный аспект деятельности братств привел к развитию их миссионерского служения церкви, что сделало церковные братства заметным феноменом городской среды Великого Княжества Литовского при протекции сочувствующих им представителей иных сословий – духовенства и шляхты. Как отмечено в Баркулабовской хронике, «пачалі ў Львове, у Берасці і ў Вільні ў школах вучыць і кнігі друкаваць, нейкае брацтва ўсталёўваць і тым самым закон ды веру ўмацоўваць» [13, с. 224].

При попытке рассмотрения деятельности одного из первых братств Киевской православной митрополии Константинопольского патриархата – Виленского ставропигиального при Троицком монастыре (1584) [9, с. 16] – выявляется проблема ограниченного круга источников по данному вопросу. Конечно, Виленское Троицкое братство не было единственным в городе, там уже существовали кушнерское (1458 г. основания) и купеческое (ранее 1582 г.) братства, а также Пречистенское (1582 г. в руссоком предместье) [8, с. 150]. Тем не менее, именно Троицкое стало самым влиятельным на протяжении двух столетий. Известно, что в пожертвованных и приобретенных домах братство уже в 1584 г. смогло открыть собственную школу, а в 1588 г. его деятельность благословил Константинопольский патриарх Иеремия, приезжавший в Вильну.

Как подчеркивает О. А. Фефелова, только архивы Львовского Успенского, Луцкого Крестовоздвиженского и Киевского Богоявленского братств были изданы компактно, остальные находятся в разрозненном состоянии в различных архивных коллекциях. Так, документы по Виленскому Троицкому братству содержатся в актовых материалах, опубликованных Археографическими комиссиями в Вильне и Санкт-Петербурге. Например, там присутствует привилей короля Сигизмунда III от 21 июня 1589 г., привилеи 1592 г. от 9 октября, освобождающие братчиков от всех городских повинностей, закрепляющие за ними право на открытие школы и типографии [6, с. 87–88].

В 1593 г. Виленское Святоотроицкое братство пригласило к себе Стефана Зизания, который стал дидакалом Виленской братской школы. Долгое время считалось, что теологические труды Стефана Зизания не сохранились. Однако в исследовании Н. В. Гаркович (Минск, 2019) отмечается,

что до наших дней дошли четыре его произведения [10, с. 5]. Основным сохранившимся трудом, позволяющим раскрыть общественную позицию и богословские взгляды Стефана Зизания является «Объяснение Изложения Никейского, и Константинопольского Символу, двенадцати артыкулов Веры Христианское» (Вильна, 1595), который также считался утерянным. В полемику с ним вступали Мелетий Смотрицкий, иезуит Ф. Жебровский [11, с. 61.], можно сказать, что где бы ни преподавал Стефан Зизаний, его деятельность становилась заметным явлением в местной духовной и культурной жизни.

В начале XVII в. политическая составляющая в деятельности братства усилилась, что было вызвано необходимостью борьбы за сохранение братства и православия в Вильне. Король Сигизмунд III оставил за братством дом по результатам тяжбы от 10 февраля 1596 г. [6, с. 88], однако после смерти в 1599 г. униатского митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Михаила Рогозы его сменил активный православный диссидент Ипатий Потей, который сконцентрировал свои усилия на попытках вытеснения братства из Троицкого монастыря. Преемник повел столь ожесточенную борьбу с православием в Вильне, что виленское братство опротестовало назначение Потей и внесло 14 декабря 1599 г. свой протест в городские книги [2, с. 33]. До этого в 1598 г. на праздник Пасхи случилось нападение студентов Виленского иезуитского коллегіума на Свято-Духовский православный монастырь [6, с. 88], что не снижало градус противостояния в городской общине. Ипатию Потейу все же удалось постепенно расколоть Виленский магистрат, часть членов которого перешла на сторону униатов. В 1605 г. Троицкий монастырь был отнят у православных в пользу униатов, а братство вынуждено перенесло свою деятельность в монастырь Святого Духа.

С этого времени прежнее Виленское православное Троицкое братство надлежит именовать Свято-Духовским братством [2, с. 37]. Братчики продолжали заниматься активной издательской деятельностью, печатая свои книги то в Евье, принадлежавшем в то время князьям Огинским, то в типографиях Вильны. Помимо этого, Виленское православное духовенство опираясь на Свято-Духовское братство, в начале XVII в. предпринимало юридические усилия по защите своего имущества (домов, фольварков), православной веры, говоря о чинимых обидах и принося жалобы в главный Виленский суд (30 ноября 1608 г.), Виленскому королевскому наместнику (16 декабря 1608 г.) и др. [2, с. 44–45]. Эти выступления заканчивались поражением для православной Вильны, что все же не останавливало сопротивление братства, особенно после появления в 1608 г. при монастыре униатского братства, предъявившего претензии на типографию. Нужно отметить, что данная борьба выявляла полемический талант у противников и сторонников Брестской унии, активизировала общественно-политическую мысль того времени.

Так, к числу выдающихся учителей Виленской братской школы принадлежит Мелетий Смотрицкий, православный церковный деятель в Речи Посполитой, филолог, публицист (к концу жизни принял униатство). Его наиболее известное учебное издание «Грамматика словенская» (1619). Она была настолько совершенна, что стала основой церковнославянской грамматической науки на двести лет вперед, выдержала множество переизданий и переводов.

Стоит отдельно сказать и об одном из учеников Виленской братской школы – Сильвестре Косове (около 1597–1600 – 13.04.1657). Дальнейшее образование он продолжил в Киевской братской школе, затем в Люблинском иезуитском коллегиуме и Замойской академии. В 1631 г. Сильвестр Косов стал преподавателем риторики и философии высшего Киевского училища, называемого «Гимназиумом», впоследствии соединившегося с Богоявленской Братской школой. В Беларуси он вновь появился в 1633 г., когда был назначен, а в 1635 г. хиротонисан во епископа Мстиславского, Оршанского и Могилевского с поручением ему управления Полоцкой епархией. Сильвестр Косов стал известен как автор произведений «Апология школам киевским» (Elegesis, изд. лаврское, 1635) и «Патерик Печерский». Они представляют собой очерки истории православия на белорусских и украинских землях [11, с. 87]. С 1647 г. Сильвестр Косов возглавил Киевскую митрополию, стал митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси, экзархом Константинопольского престола.

Вслед за Виленской братской школой возникают другие: Брестская, Могилевская, Минская, Бельская, Пинская, Оршанская, Слуцкая, Ельненская, Шкловская, в Евье, при Боркулабовском монастыре в Кутейно [4, с. 18; 14].

Братство в Бресте оформилось при церкви св. Николая, его устав давался по образцу Виленского Троицкого и Львовского Успенского братств. Интересно, что ему покровительствовал среди других сановных лиц каштелян Адам Потей (будущий униатский епископ Ипатий). 28 января 1591 г. была издана подтверждательная королевская грамота Сигизмунда III брестским православным мещанам иметь братство и русскую школу при нем: «...Позволяем мещанам Берестейским закону Греческого... школу Рускую при церкви соборной... мети» [15, с. 38]. Учителями братских школ, как правило, становились после испытания, необходимо было провести пробный урок. Здесь просматривается некая аналогия: чтобы стать мастером ремесленного цеха нужно изготовить шедевр, чтобы стать учителем – хорошо провести урок.

Одним из знаменитейших учителей Брестской братской школы был Лаврентий Зизаний (с 1592 г.), а с 1595 г. до 1600 г. он преподавал в Виленской братской школе, причем в 1595–1596 гг. был ее ректором [4, с. 25–26]. Именно в Вильне в 1596 г. Лаврентий Зизаний издал «Азбуку» и «Грамматику словенскую», книги, принесшие ему широкую известность.

Могилевское братство в конце XVI в. оставалось заметной силой в городе, так как все должностные лица магистрата входили в состав Спасского братства, существовавшего при одноименном монастыре и имевшего школу. В ней в 1601 г. преподавали трое учителей (бывших в то же время и братскими проповедниками), а именно Котковский, Фома Тоборович и Радка [16, с. 337]. Полоцкий униатский епископ Гедеон Брольницкий смог вытеснить Спасское братство из одноименного монастыря, и братчики перенесли свою деятельность в церковь Входа Господня в Иерусалим. Король Речи Посполитой Сигизмунд III утвердил в Могилеве братство при церкви Входа Господня в Иерусалим в 1602 г. вместе с училищем [16, с. 338].

Могилевское братство активно взаимодействовало с другими православными братствами, прежде всего со Львовским Успенским братством, так как устав давался по его подобию. В письме от 6 июля 1605 г. Львовское Успенское братство, отмечая, что могилевские братчики «стали лицом к светозарному Востоку солнца, Иисусу Христу, как одно тело и члены одной главы – Христа», приглашало Могилевское братство к совместной посылке послов в апреле 1606 г. к Константинопольскому патриарху [16, с. 338].

Центром православия в Полоцке на долгое время стал братский Богоявленский монастырь [17, с. 235], после того как была ликвидирована Полоцкая православная епархия (1596). Начало Полоцкой братской школы было положено в 1633 г., когда brasлавский земский судья Севастьян Мирский подарил Богоявленской церкви половину плаца с правом постройки «школы для науки детям христианским» [17, с. 499].

В условиях межконфессиональной борьбы православные братства разрабатывали и распространяли идею православного восточнославянского единства как одного из средств укрепления церкви. В 1655 г. игуменом Богоявленского монастыря в Полоцке стал приверженец этой идеи Игнатий Иевлевич, педагог-просветитель, ранее преподававший в Киево-Могилянской академии. Он собрал вокруг себя кружок бывших преподавателей и студентов из академии. Одним из них был Самуил Ситнятович-Петровский, который 8 июня 1656 г. принял постриг в Богоявленском монастыре под именем Симеон и до 1664 г. являлся дидакском (учителем) православной братской школы при монастыре. Симеон Полоцкий как просветитель, философ, литератор и переводчик оставил яркий след в культуре Беларуси и России, прославив родной Полоцк.

Пинское братство было создано по подобию Киевского и также пользовалось правом ставропигии, полученным от Константинопольского патриарха [11, с. 23]. В 1614 г. на средства шляхтянки Янины Галабурдиной и Пинского православного братства в городе была возведена Богоявленская церковь. Согласно собственного устава, члены братства должны были регулярно посещать богослужения, содержать приют для больных и престарелых (шпиталь), школу, заботиться о детях и вдовах умерших братчиков.

Игумены монастыря духовно опекали православные приходы, находящиеся на территории Пинской униатской епархии. Богоявленский монастырь оставался православным и в XVII в., являясь в это время одним из немногих центров православия в Беларуси.

Непродолжительное упрочение позиций православной церкви в Речи Посполитой отмечено в XVII в. благодаря универсалу короля Владислава IV. Так привилеией от 1633 г. подтверждал существование Виленского Свято-Духовского братства со школой и типографией [14], тем не менее его влияние и позиции в целом в городской жизни существенно ослабевают. В 1633 г. Пинское братство добилось у короля Владислава IV разрешения на строительство при храме монастыря, школы и больницы.

Также на основании привилея от 24 марта 1633 г. о возвращении православным отнятых униатами церковей было возрождено Брестское братство при православной церкви Рождества Богородицы с прежними правами, шпиталем и школой. В 1635 г. основывается Могилевское Богоявленское братство, монастырю которого особо покровительствовал могилевский бурмистр Тимофей Гапонович Козел [6, с. 89–90].

Братские школы находились на содержании братств, которое контролировали все стороны их деятельности. Зарплата учителей, предоставление помещения, его поддержание в порядке составляли обязанность братства. Братские школы, как правило, возглавлялись ректором. Плата за обучение была дифференцированной, богатые родители платили больше, а дети бедняков могли освобождаться от оплаты. Нередко оплата носила натуральный характер, могла вноситься хлебом, сеном, дровами и т. п. Полностью бесплатным было обучение в Виленской и Могилевской школах. В грамоте короля Речи Посполитой Сигизмунда III к могилевским мещанам за 1602 г. говорится: «В школе теж брацкой дети братьи уписное и убогих сирот, языка Русского, Греческого, Латинского и Полского, накладом брацким, даром учити повинны...» [4, с. 20]. «В грамоте патриарха Феофана (1620 г.) отмечено, что Минское Петропавловское братство «яко и иные братства старати же бы размножение хвалы Божей чрез науку в школе, которые мати мети на кгрунтах своих, языка грецкого, славенскаго и латинскаго было» [6, с. 89].

Можно предположить, что обучение в братских школах начиналось на старобелорусском языке с постепенным переходом к церковнославянскому и греческому, а в старших классах изучался латинский и польский языки. В крупных школах (Виленской, Брестской, Могилевской) сразу были введены латинский и польский языки, постепенно их стали изучать и в остальных братских школах, что, с нашей точки зрения, явилось негативным последствием Брестской унии и привело к постепенному сужению сферы привычного «русского языка» местного извода. В Виленской школе обучали чтению, письму, грамматике, риторике, арифметике, церковному уставу с пением, священному писанию, географии, диалектике, астрономии и пяти

языкам, что сегодня может быть соотнесено с уровнем среднего школьного образования.

Сложная конфессиональная обстановка на белорусских и украинских землях привела к тому, что важным аспектом деятельности православных братств и характерной чертой городской культуры в XVI–XVII вв. стало создание произведений полемической литературы, ее обсуждение в братских школах, издание в братских типографиях. Полемические произведения определялись конфессиональными особенностями и не сводись к богословским спорам и разногласиям в понимании догматов и учений святых отцов. Основными дискуссионными вопросами были: кризис Церкви и необходимость нравственного восстановления священства, соотношение полномочий духовной и светской власти, роли братств в восстановлении авторитета церкви, права на участие в соборах и выборах духовных иерархов. Можно привести показательный факт об издании в 1610 г. «Фриноса» М. Смотрицкого в Виленской Святодуховской братской типографии, вызвавшего столь бурную дискуссию в обществе, что понадобилось издание королевских листов с приказом не только сжечь книги братской типографии, запретом продавать и покупать русские книги типографии под угрозой штрафа в 5000 золотых, но и наказанием автора, корректора и наборщиков заключением в тюрьму [6, с. 88]. Тем не менее полемика продолжала развиваться и способствовала обсуждению проблем места человека в мире и определила два основных пути «истинного существования»: первый – в монашеском смирении и аскезе, второй – в активной общественной жизни человека [19, с. 86–87]. Таким образом, собирая видных педагогов, теологов и философов, учебные заведения, принадлежащие разным христианским конфессиям способствовали развитию школьного образования и книгоиздательского дела, просвещения. Поэтому подавляющее число восточнославянских книг, напечатанных в XVI – первой четверти XVII в., приходится на столичную виленскую территорию и белорусские земли [4, с. 27]. Однако духовенство стремилось вернуть себе контроль над издательской деятельностью городских братств.

Особенностью новой волны возникновения братств было то, что до XVI в. братские организации создавались собственно мирянами. Но в течение XVI в. ситуация изменилась: духовенство, священники все чаще выступали инициаторами создания братств. Братства объединяли людей разных сословий духовного и светского звания. При этом в них преобладали мещане – ремесленники и торговцы. Многие братства обзаводятся богадельнями, приютами, госпиталями.

Благотворительность становится составной частью деятельности братств. О ее действительных размерах исследователям неизвестно, не сохранилось полноценных документальных источников. Но в предисловии к уставу виленского братства, утвержденного иерусалимским патриархом

Феофаном в 1620 г., обосновывается необходимость раздачи милостыни: «Подадите убо в вере вашей добродетель, в добродетели же разум, в разуме же воздержание, в воздержании же терпение, в терпении же благочестие, во благочестии же братолюбие, во братолюбии же любовь» [18, с. 238].

Виленское братство стремилось максимально расширить количество братчиков, поэтому не устанавливало фиксированный взнос, величина которого могла явиться препятствием для новых членов: «може кто по силе з доброй воле и больше дати; бо не от скорби, не от нужды: доброхотна, бо дателя любит Бог» [18, с. 240].

Устав Виленского Троицкого братства обязывал братчиков оказывать помощь неимущим. Ни одно из братств не ставило своей целью содействовать ликвидации нищеты и бедности, помощь понималась как забота о «шпитале». Могилевское братство в уставе 1602 г. предусматривало материальную поддержку для больных и бедных братчиков, даровое обучение в братской школе детей братчиков и сирот, содержание ученых людей, духовных и светских, способных к проповедованию слова Божия и к обучению детей. Для оказания помощи вне круга братчиков предусматривалась раздача милостыни по госпиталям и тюрьмам, перед праздниками Рождества Христова и Пасхи [16, с. 339–340].

Функционирование сети братских школ приводило к развитию книгопечатания, типографского дела. Благодаря деятельности Ф. Скорины, Брестских типографий, Виленской, Несвижской типографий в Беларуси и Литве был приобретен значительный технический опыт типографской печати, в том числе мастерства гравюры. Гравирование стало относительно доступной отраслью ремесленного производства. Возникновение ряда частных типографий в 1590-е гг. было свидетельством формирования книжного рынка, увеличения спроса на печатное слово [20, с. 73].

Обилие литературных произведений нужно было донести до более широкого круга людей, и эта задача решалась с развитием книгопечатания, начало которому у восточных славян также связано с Беларусью. В 1517–1519 гг. Франциск Скорина напечатал в Праге «Библию Руску» и отдельно «Псалтирь». В 1525 г. он же в Вильне при поддержке Луки Мамонича (могилевчанин) и братьев Зарецких издал «Апостол» и «Подорожную книжицу» [4, с. 13]. Самые первые и сравнительно многочисленные типографии открылись в Вильне, Бресте, Евье (ныне Вевис – Литва), Заблудове (ныне Заблудув – Польша), Кутейно, Лоске, Буйничах, Несвиже, Гродно, Минске, Полоцке и др. Несколько позже появляются типографии в Москве и в Украине.

Виленская типография в 1595–1596 гг. (когда Виленское братство возглавлял С. Зизаний) напечатала не менее 11 изданий (более 2200 страниц).

Общую жанровую структуру братского книгопечатания XVI – первой половины XVII в. можно представить следующим образом: литургика, ста-

туты, догматическое богословие – 33 издания; Новый завет и Евангелия – 7; произведения древних писателей, Четья книга – 11; беллетристика, полемическая литература, панегирики – 8; учебники – 12; издания, которые использовались в литургии и книжном деле – 16 [20, с. 73]. Одну треть братских изданий составляли литургические тексты, что объяснялось преобладанием религиозного мировоззрения, необходимостью упорядочения системы богослужения и стремлением донесения религиозных постулатов до более широкого круга читателей.

Для братских изданий характерно проникновение в канонические тексты полемических или просветительских сюжетов. Такие включения отбрасывали как расширение круга сословно-профессионального читателей, так и стремление придать большую значимость мещанскому сословию. Впервые в церковно-религиозной литературе отмечалось, что немало «святых» и «мучеников» были «з купцов», «мытников», «жолнеров» [20, с. 74].

Краткой характеристики заслуживает и деятельность по заказу братств XVII в. белорусских мастеров-иконописцев, резчиков по дереву. Они создавали иконы и иконостасы для храмов обеих действующих тогда ответвлений белорусской церкви восточного обряда – православных и униатов. Принципиальных отличий между православными и униатскими иконами в Беларуси тогда не было. Можно лишь констатировать, что усилиями всех белорусских художественных центров – городов и местечек, православных и униатских монастырей, церковных братств Бреста, Пинска, Дисны, Друи, православных Могилева, Слуцка, Давид-Городка, а также усилиями белорусских педагогов, мыслителей, поэтов, писателей-теологов, талантливых иконописцев, мастеров резьбы по дереву, золочению, соломоплетению было сформировано то глубокое духовное начало и собственное художественное понимание гармонии и красоты узорчатости и объемной пластики белорусской иконы, иконостасов. Их самобытность является неотъемлемой частью национального историко-культурного наследия.

Мятущийся в своих религиозных противоречиях, прошедший через страдания сражений многочисленных войн XVII в. действительно стал веком зрелости белорусской духовности. Деятельность братств как одних из органов самоуправления, их руководства, особенно выдающихся их представителей, была одним из ключевых факторов формирования городской культурной среды и повышения уровня образованности мещан. Возросла популярность богослужений с просветительским уклоном, полемическая литература наводнила рынок, дискуссии об истинности веры стали частью жизни горожан в церкви, ратушах и рынках, на городских улицах и в семье, понуждая включаться в процесс религиозной самоидентификации и борьбы за право свободно участвовать в отправлении религиозных обрядов, ритуалов, церемоний в соответствии со своими религиозными убеждениями.

Список использованных источников

1. *Коялович, М. О.* Литовская церковная уния / М. О. Коялович. – Санкт-Петербург, 1859. – Т. I. – С. 80–108.
2. *Папков, А. А.* Братства, как мощная защита Православия вплоть до восстановления православной иерархии и в 1620 году (1600–1620) / А. А. Папков // Богословский вестник. – 1898. – Т. 1, № 1. – С. 26–52.
3. *Медынский, Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией / Е. Н. Медынский. – Москва, 1954. – 172 с.
4. *Мещераков, В. П.* Братские школы Белоруссии (XVI – 1-я пол. XVII в.) / В. П. Мещераков. – Минск, 1977. – 57 с.
5. *Галенчанка, Г. Я.* Брацкае кнігадрукаванне / Г. Я. Галенчанка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.; рэдкал.: Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 72–75.
6. *Фефелова, О. А.* Исторические источники по истории православных братств на территории Беларуси во второй половине XVI – первой половине XVII века / О. А. Фефелова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Вып. 9 (99), 2010. – С. 87–90.
7. *Дорофеев, Ф. А.* Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние / Ф. А. Дорофеев. – Нижний Новгород: НГУ, 2006. – 250 с.
8. *Лукашова, С. С.* Миряне и церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI века / С. С. Лукашова. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2006. – 320 с.
9. *Брич, С. В.* История Виленского православного Свято-Духовского братства: 1584–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. богословия: История Церкви и церковно-исторические дисциплины / С. В. Брич; Минская духовная академия. – Минск, 2016. – 34 с.
10. *Гаркович, Н. В.* Деятельность Стефана Зизания в контексте православного братского движения в Речи Посполитой: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 03 / Н. В. Гаркович; БГУ. – Минск, 2019. – 24 с.
11. *Барсук, А. Я.* Беларуска-ўкраінскія ўзаемадачыненні ў Рэчы Паспалітай: гістарыяграфічная рэканструкцыя / А. Я. Барсук. – Мазыр: УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2017. – 190 с.
12. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. Эдуарда Праца, 1863. – 301 с.
13. Беларускія летапісы і хронікі: пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / уклад. У. Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1997. – 432 с.
14. Православие.by. – URL: http://www.pravoslavie.by/page_book (дата доступа: 16.01.2025).

15. Акты, относящиеся к истории западной России, собр. и изд. Археогр. Комиссией: в 5 т. – Санкт-Петербург: Тип. Э. Праца, 1846–1853. – Т. 4: 1588–1632. – 1851. – 584 с.

16. Папков, А. А. Братства, как мощная защита Православия вплоть до восстановления православной иерархии и в 1620 году (1600–1620) / А. А. Папков // Богословский вестник. – 1898. – Т. 1, № 3. – С. 335–364.

17. Древнейшие города Беларуси. Полоцк / редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.). – Минск: Беларус. наука, 2012. – С. 232–237; с. 488–501.

18. Голубев, С. Т. Устав виленского братства // Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. – Киев: тип. Корчак-Новицкого, 1883. – Т. 1: Приложение № 36. – С. 235–256.

19. Барсук, Е. Е. Историческое знание и историческая память белорусов в XV–XIX веках / Е. Е. Барсук. – Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2023. – 168 с.

20. Галенчанка, Г. Я. Брацкае кнігадрукаванне / Г. Я. Галенчанка // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Б. І. Сачанка [і інш.]. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 72–75.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)

С. С. Юрэцкі

Цэнтральная навуковая бібліятэка, Нацыянальная акадэмія
наук Беларусі, Мінск

S. S. Yuretski

The Central Scientific Library of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 903.02'1»634»: [902.01(476-14)»195/199»:930.1]

КУЛЬТУРЫ І КЕРАМІКА Ў АРХЕАЛОГІІ 1950–1990-Х ГГ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЭПОХІ НЕАЛІТУ БЕЛАРУСКАГА ПАНЯМОННЯ)

CULTURES AND CERAMICS IN 1950s–1990s ARCHEOLOGY (EXEMPLIFIED BY THE NEOLITHIC ERA OF THE BELARUSIAN NEMAN REGION)

Публікацыя прысвечана вывучэнню вызначэнняў «культура» і звязанага з ім «кераміка» ў даследаваннях па археалогіі, якія праводзіліся ў 1950–1990-я гг. Матэрыялам для аналізу сталі працы вучоных па тэматыцы эпохі неаліту з тэрыторыі Беларускага Панямоння. У артыкуле разглядаецца шчыльная ўзаемасувязь вывучэння вучонымі керамічнага матэрыяла з абгрунтаваннем вылучэння археалагічных культур ў гістарыяграфіі. Указваецца таксама на змены ў даследчых падыходах пры даследаванні

археалагічных культур эпохі неаліту і звязанай з імі этнічнай інтэрпрэтацыі. Пазначаныя змены адлюстраваны і ў вучэбнай літаратуры па археалогіі для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў.

Ключавыя словы: гісторыя археалагічнай навукі; археалагічная адукацыя; археалагічная культура; кераміка; Беларускае Панямонне; эпоха неаліту.

The publication highlights the learned "culture" and the "ceramics" associated with it in the archaeological research that was conducted between the 1950s and 1990s. The materials for the analysis were the fathers of the military and the subjects of the Neolite era from the territory of the Belarusian Panyamonnya. The article shows a school connection between the learning of ceramic materials and the abpriming of archaealgic cultures and history. This indicates the changes in the subsequent periods of the subsequent archaealgic cultures of the Neolite era and the ethnic interpretations associated with them. The noted changes are also reflected in archaeological textbooks for higher education students.

Keywords: History of archaeological science; archaeological education; archaeological culture; ceramics; Belarusian Panyamonne; Neolite era.

Гістарыяграфія па праблеме суадносінаў археалагічных культур і керамікі эпохі неаліту даволі шматлікая і змястоўная. Археалагічная навукa Беларусі таксама не з'яўляецца выключэннем. У айчынным гістарыяграфіі наогул кераміка разглядаецца ў якасці галоўнага маркёра пры вылучэнні эпохі неаліту сярод мясцовых старажытнасцей, а таксама асноўным паказчыкам пры ідэнтыфікацыі асобных культур.

Для вывучэння пазначанай праблематыкі абрана эпоха неаліту Беларускага Панямоння – рэгіёна, які з'яўляецца аб'ектам даследавання археолагаў з XIX ст. У перыяд 1920–1940-х гг. кераміка эпохі неаліту даследавалася ў межах так званай правуграфінскай культуры [1]. Дадзенае даследаванне прысвечана новаму перыяду ў гістарыяграфіі, які пачаўся ў 1950-я гг. і працягваўся да канца 1990-х гг.

Адзначым, што разгляд керамікі эпохі неаліту з тэрыторыі сучаснай Паўночна-Заходняй Беларусі ў межах канцэпцыі правуграфінскай культуры быў характэрны яшчэ і для некаторых публікацый першай паловы 1950-х гг. Сярод такіх прац адзначым манаграфію В. Галубовіча, якая прысвечана аналізу ганчарства на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Фактычна ў выданні падводзяцца вынікі міжваенных даследаванняў навукоўца ў азначаным рэгіёне. Між іншым, у працы згадвалася і кераміка, якую можна аднесці да эпохі неаліту [2, с. 43–44].

Такім чынам, даследаванні археолагаў 1940-х – першай паловы 1950-х гг., адметныя першымі спробамі культурнай ідэнтыфікацыі з этнічнай нагрукзай керамікі эпохі неаліту на тэрыторыі Верхняга Панямоння, а таксама больш падрабязным аналізам знаходак па трох важнейшых прыметах: тэхналогіі, марфалогіі і арнаментальнасці. У той жа час яшчэ не была праведзена тыпалогія мясцовай керамікі эпохі неаліту.

На працягу 1950-х гг. з'яўляецца шэраг публікацый, у якіх культурная ідэнтыфікацыя керамікі эпохі неаліту на тэрыторыі Беларускага Панямоння разглядалася ўжо з меншай этнічнай нагрукзай.

У гэты час некаторымі савецкімі навукоўцамі былі выказаны думкі наконт культурнай інтэрпрэтацыі помнікаў эпохі неаліту лясной зоны Усходняй Еўропы. Так М. Е. Фосс аднесла тэрыторыю сучаснай Беларусі да вобласці культуры з перавагай грабенчата-ямачнай керамікі [3, с. 168]. А. Я. Брусаў разглядаў гэтыя землі як тэрыторыю, якую ў эпоху неаліту займалі носьбіты паўночна-заходняй (беларускай) культуры з так званай зубчастай керамікай [4, с. 254]. А. А. Формазаў прапанаваў аднесці старажытнасці эпохі неаліту Беларусі да вобласці грабенчата-ямачнай керамікі Захаду СССР [5, с. 105].

У другой палове 1950-х гг. выйшла публікацыя А. Гардаўскага, якая была прысвечана вылучэнню дняпроўска-эльбскай культуры. Даследчык аднёс басейн Нёмана да тэрыторыі распаўсюджвання згаданай культуры, вызначальная рыса якой звязвалася з адсутнасцю панавання грабенчатой керамікі. Таксама А. Гардаўскі вялікую ўвагу надаў вылучэнню пэўных тыпаў керамікі, якія сведчаць пра ўплывы з боку цэнтральнаеўрапейскіх культур аграрнага неаліту [6, с. 290–301, 312].

Неабходна дадаць, што ўсе пералічаныя вышэй высновы былі зроблены на падставе вельмі беднай крыніцзнаўчай базы, якая ў тыя часы папаўнялася шляхам паверхневых збораў.

Ф. Д. Гурэвіч у працы 1962 г. разгледзела публікацыі археолагаў даваеннай пары і неапублікаваныя матэрыялы разведак Л. С. Клейна і палявых прац Н. М. Гурынай. Пры гэтым даследчыца зрабіла папярэднія высновы аб тым, што на тэрыторыі Панямоння ў часы неаліту існавалі плямёны паляўнічых і збіральнікаў, блізкіх па сваёй культуры да неалітычнага насельніцтва лясной зоны Усходняй Еўропы [7, с. 14].

П. М. Трацякоў у сваёй манаграфіі, якая выйшла ў 1966 г., не пагадзіўся з А. Гардаўскім наконт вылучэння дняпроўска-эльбскай культуры. Археолог выказаў меркаванне аб тым, што тэрыторыю Літвы і Паўночна-Заходняй Беларусі ў неаліце насялялі плямёны паляўнічых і збіральнікаў са спецыфічнай матэрыяльнай культурай. Навуковец звярнуўся да вынікаў палявых прац Р. Рыманцэне і прыйшоў да высновы, што адной з асаблівасцей мясцовага неаліту з’яўляюцца параўнальна нешматлікія па колькасці знаходкі старажытнай керамікі [8, с. 45].

У пачатку 1960-х гг. Р. Рыманцэне вылучыла асобную дубічайскую кераміку на тэрыторыі Літвы і пачала разглядаць яе ў якасці своеасаблівага тыпу паміж традыцыямі культуры Эртэбэле, нарвенскай культурай і паўночнымі варыянтамі днепра-данецкай керамікі [9, с. 62].

Н. М. Гурына ў сярэдзіне 1960-х гг. абагуліла вынікі палявых даследаванняў на тэрыторыі Верхняга Панямоння. Даследчыца прыйшла да высновы, што дадзеная тэрыторыя не ўваходзіла ў рэгіён распаўсюджвання ямачна-грабенчатой керамікі. Пры гэтым археолог выказала гіпотэзу аб тым, што Паўночна-Заходняя Беларусь, Літва і Усходняя Польшча ў неаліце ўяўлялі сабой «этнакультурнае» адзінства [10, с. 203].

Д. Я. Цялегін у 1960-х гг. разглядаў матэрыялы ранняга неаліту Верхняга Панямоння ў межах тыпу Дубічай, а познія – у межах тыпу Добры Бор [11, с. 223].

Далейшае вырашэнне праблемы культурнай ідэнтыфікацыі згаданых старажытнасцей наогул, і керамікі ў прыватнасці, на тэрыторыі Беларускага Панямоння звязана з дзейнасцю М. М. Чарняўскага. Менавіта гэты археолог на працягу 1960–70-х гг. абгрунтаваў вылучэнне асобнай нёманскай неалітычнай культуры [12, с. 94; 13, с. 84–87; 14, с. 47–67].

Асноўныя рысы нёманскай культуры вызначаліся М. М. Чарняўскім на падставе вывучэння керамікі. Было вылучана тры групы керамікі [12, с. 87–93], якія і з’явіліся асновай для перыядызацыі культуры [14, с. 50–64].

Адметнасці нёманскай культуры на падставе керамічных калекцый былі вызначаны наступным чынам: да ранняга этапу культуры (тып Дубічай) М. М. Чарняўскі аднёс пасудзіны са злёгка адагнутай шыйкай, якія былі арнаментаваны наколамі, насечкамі, пракрэсленымі лініямі і інш. Вастрэдонныя пасудзіны з завужанай шыйкай, адагнутым ці лейкападобным венцам, малой колькасцю грабеньчатых узораў, пераважна гарызантальнай арнаментцыяй ў верхняй частцы пасудзін і інш. былі аднесены даследчыкам да сярэдняга (тып Лысая Гара) і позняга (тып Добры Бор) этапу нёманскай культуры [14, с. 47–48, 50–67].

Яшчэ ў 1960-я гг. М. М. Чарняўскі адзначаў праблематычны характар вызначэння храналогіі неаліту Паўночна-Заходняй Беларусі. У той час пачатак неалітычнай эпохі быў ім аднесены да першай паловы 3 тысячагоддзя да н. э., а яе канец да пачатку 2 тысячагоддзя да н. э. [12, с. 96]. Далейшае вырашэнне пытанняў храналогіі і перыядызацыі нёманскай культуры было звязана пераважна з вывучэннем керамікі.

У сваім аўтарэфераце дысертацыі (1971 г.) М. М. Чарняўскі падзяліў неаліт на тэрыторыі Беларускага Панямоння на ранні і позні, што суадносілася з раннім і познім этапамі нёманскай культуры [15, с. 15–16].

Перыядызацыя неаліту Беларускага Панямоння была ўдакладнена М. М. Чарняўскім у манаграфіі (1979 г.). Замест былых двух этапаў нёманскай культуры было вылучана тры: помнікі тыпу Дубічай, Лысая Гара і Добры Бор, якія суадносіліся з адпаведнымі ім тыпамі керамікі [14, с. 50–65]. М. М. Чарняўскі аднёс пачатак існавання нёманскай культуры да першай паловы 4 тысячагоддзя да н. э. Даследчык таксама зрабіў выснову аб тым, што на Беларускім Панямонні падобныя ўплывы маглі назірацца з пачатку 3 тысячагоддзя да н. э. Менавіта гэтым часам і быў датаваны сярэдні этап нёманскай культуры. Храналогія позняга этапа нёманскай культуры (дабраборскага) была акрэслена ад канца 3 тысячагоддзя да н. э. і па сярэдзіну 2 тысячагоддзя да н. э. [14, с. 78].

Згаданае вышэй датаванне было паўторана М. М. Чарняўскім у выданні “Археалогія Беларусі” 1997 г. У выніку былі зроблены наступныя высновы

па храналогіі і перыядызацыі нёманскай культуры ў Беларускім Панямонні: ранні неаліт (дубічайскі этап, кераміка тыпу Дубічай) – першая палова 4 тысячагоддзя да н. э., развіты неаліт (лысагорскі этап, кераміка тыпу Лысая Гара) – пачатак 3 тысячагоддзя да н. э., позні неаліт (дабраборскі этап, кераміка тыпу Добры Бор) – ад апошняй чвэрці 3 тысячагоддзя да н. э. і па сярэдзіну 2 тысячагоддзя да н. э. [16, с. 153–154].

У першай канцэпцыі нёманскай культуры значнае месца займалі пытанні ўплыву з боку суседніх культур на прыкладзе керамічных матэрыялаў. Сярод уплываў верхнедняпроўскай культуры на кераміку нёманскай культуры разглядаўся арнамент у выглядзе лапчастых адбіткаў. Як магчымы ўплыў носьбітаў нарвенскай культуры бачылася з’яўленне вусеневых узораў [14, с. 60]. Знаходкі шырокаадкрытых, крыху звужаных, вастрадонных пасудзін без шыек разглядаліся М. М. Чарняўскім як уплывы з боку познанеалітычнай культуры ніжняй Прыпяці [14, с. 64].

Пад уплывам культуры лейкападобных кубкаў, на думку даследчыка, і адбылося станаўленне лысагорскага этапу (форма керамічных пасудзін з прыметамі вылучэння шыякі і адагнутымі венцамі, неарганічныя дамешкі ў фармовачным цесце пасудзін, загладжванне паверхняў сценак, наяўнасць глыбокіх наколаў пад венцамі, насычанасць арнаменту, з якога знікаюць адбіткі грэбня, але з’яўляецца лінейны штамп і інш.) [14, с. 57–60]. На фарміраванне добраборскага этапу нёманскай культуры, на думку М. М. Чарняўскага, аказвалі ўплыў супольнасці культур шарападобных амфар і шнуравой керамікі (заштрыхоўка сценак посуду і з’яўленне шнуравога арнаменту) [14, с. 63, 86].

Больш разгорнута тэма культурнага ўзаемадзеяння на тэрыторыі Беларускага Панямоння прагучала ў энцыклапедычным выданні 1997 г. Уплывы культуры лейкападобных кубкаў пачалі разглядацца ў якасці апасродкаваных праз носьбітаў старажытнасцей эпохі неаліту з тэрыторыі сучаснай Польшчы [16, с. 151]. Атрымала пэўную карэктыроўку і пазіцыя наконт уплыву культур шарападобных амфар і шнуравой керамікі [16, с. 151, 153].

Вялікае значэнне для вывучэння керамікі нёманскай культуры ва Усходняй Польшчы мелі даследаванні Э. Кемпісты, якая генетычна звязала згаданую супольнасць з тэрыторыяй Заходняй Беларусі. У справе вывучэння керамікі Э. Кемпісты шмат увагі надавала наяўнасці і характару ўплываў з боку культур цэнтральнаеўрапейскага аграрнага неаліту. Даследчыца вылучыла наступныя тыпы керамікі нёманскай культуры на тэрыторыі Усходняй: тып Сакалувэк, тып Дубічай і Сосненскую фазу (з рысамі керамікі тыпу Лысая Гара і Добры Бор). Таксама даследчыца абгрунтавала наяўнасць на згаданай тэрыторыі матэрыялаў тыпу Лінін [17, с. 316; 18, с. 58–62; 19, с. 175–199].

Першая канцэпцыя нёманскай культуры была прадстаўлена М. М. Чарняўскім як развіццё трох яе этапаў (дубічайскага, лысагорскага і добраборскага). Галоўнай падставай для дадзенай перыядызацыі стала эвалюцыя

керамікі. Фарміраванне культуры бачылася даследчыкам на мясцовым субстраце (нёманская мезалітычная культура [14, с. 50], пасля яніславіцкая культура [20, с. 38]). М. М. Чарняўскі падкрэсліваў ролю культуры лейкападобных кубкаў пры ўтварэнні лысагорскага этапу на базе дубічайскага [14, с. 57]. Узнікненне ж дабраборскага этапу, на думку археолага, ішло на базе лысагорскага этапу пад ўплывам культур шарападобных амфар і шнуравой керамікі [14, с. 63]. Неабходна дадаць, што дадзеныя высновы на конт нёманскай культуры былі ў цэлым паўтораны Н. М. Гурынай у артыкуле, што быў змешчаны ў выданні «Неолит Северной Евразии» 1996 г. [21, с. 155–157].

Кераміка ў першай канцэпцыі нёманскай культуры мела цэнтральнае месца падчас абгрунтавання вылучэння дадзенай таксанамічнай адзінкі. У той жа час М. М. Чарняўскім асноўная ўвага была нададзена параўнанням матэрыялаў з тэрыторыі Літвы (дубічайскі этап, кераміка тыпу Дубічай). Была праведзена тыпалогія мясцовай керамікі. Вылучаныя тыпы Дубічай, Лысая Гара і Добры Бор былі прадстаўлены як паслядоўныя этапы развіцця нёманскай культуры ў рэгіёне.

Змена даследчых канцэпцый адлюстравана і ў спецыялізаванай вучэбнай літаратуры па археалогіі Беларусі для студэнтаў. У першым вучэбным падручніку па археалогіі Беларусі Э. М. Загарульскі адзначаў наяўнасць шэрагу культурных груп на падставе адрозненняў у керамічных знаходках. Да найбольш распаўсюджанай групы была аднесена этнакультурная вобласць грабенчатой і накольчатой керамікі. У дачынення да рэгіёна Беларускага Панямоння адметнымі з’яўляюцца сведчанні аўтара аб наяўнасці на захад ад Панямоння так званай «польскай» групы культуры грабенчатой керамікі, а таксама культуры лейкападобных кубкаў на тэрыторыі паўднёва-заходняй Беларусі. Пазначаныя даныя адпавядаюць узроўню ведаў і развіцця археалагічнай навукі на пачатак 1960-х гг. Дадзеная акалічнасць тычыцца перадусім даследаваннямі Дз Я. Цялегіна і вылучэннем ім днепра-данецкай культуры эпохі неаліту, а таксама этнічнай інтэрпрэтацыі яе носьбітаў у якасці яшчэ адзіных балтаславян [22, с. 31–34].

Апісанне адметнасцей нёманскай культуры ў айчынным спецыялізаванай вучэбнай літаратуры для вышэйшых навучальных устаноў было зроблена ў 1990-я гг. С. П. Піваварчыкам і Г. М. Семянчуком. Нёманская культура была апісана адпаведна вынікам яе даследавання перадусім М. М. Чарняўскім [23, с. 44–45]. Аўтарамі вучэбнага дапаможніка адзначалася складанасць вызначэння этнічнай прыналежнасці насельніцтва эпохі неаліту на тэрыторыі Беларусі. Пры гэтым імі была зроблена агаворка, што ў неаліце праходзілі працэсу па складанню буйных этнічных супольнасцей, якія з’яўляюцца пробкамі сучасных беларусаў [23, с. 54–55].

Такім чынам на працягу 1950-х–1990-х гг. у гістарыяграфіі археалогіі на прыкладзе эпохі неаліту Беларускага Панямоння прасочваюцца зме-

ны асноўных даследчых канцэпцый. Дадзеныя змены былі выкліканы павелічэннем крыніцавай базы і звязаных з ёй новым падыходам да культурнай ідэнтыфікацыі керамікі ў межах нёманскай культуры.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Юрэцкі, С. С.* Кераміка эпохі неаліту Беларускага Панямоння: вынікі даслед. / С. С. Юрэцкі // Молодежь в науке – 2016: сб. материалов Междунар. конф. молодых ученых, (Минск, 22–25 нояб. 2016 г.): в 2 ч. / НАН Беларуси, Совет молодых ученых; [редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) и др.]. – Минск, 2017. – Ч. 2: Биологические, гуманитарные, медицинские, физико-математические, физико-технические, химические науки. – С. 224–231.

2. *Hołubowicz, W.* Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi / W. Hołubowicz. – Toruń: T-wo Nauk. w Toruniu, 1950. – 284 s.

3. *Фосс, М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР / М. Е. Фосс. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 280 с. – (Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР; № 29).

4. *Брюсов, А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху / А. Я. Брюсов; Акад. наук СССР, Ин-т истории материал. культуры. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 263 с.

5. *Формозов, А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке / А. А. Формозов; Акад. наук СССР. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 126 с.

6. *Gardawski, A.* Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce / A. Gardawski // Wiadom. Archeol. – 1958. – Т. 25, з. 4. – С. 287–313.

7. *Гуревич, Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья / Ф. Д. Гуревич; Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 222 с.

8. *Третьяков, П. П.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. П. Третьяков. – Москва; Ленинград: Наука, 1966. – 309 с.

9. *Римантене, Р.* Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве / Р. Римантене // Древности Белоруссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.) / АН БССР, Отд-ние обществ. наук, Ин-т истории; под ред. В. Ф. Исаенко, А. Г. Митрофанова, Г. В. Штыхова. – Минск, 1966. – С. 54–62.

10. *Гурина, Н. Н.* Новые данные по каменному веку Северо-Западной Белоруссии / Н. Н. Гурина // Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – Москва, 1965. – № 131. – С. 141–203.

11. *Телегін, Д. Я.* Дніпро-донецька культура: до історії населення епохи неоліту раннього металу півдня Східної Європи / Д. Я. Телегін. – Київ: Наук. думка, 1968. – 258 с.

12. *Чернявский, М. М.* Некоторые итоги изучения неолитических поселений Белорусского Понеманья / М. М. Чернявский // Древности Бело-

руссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.) / АН БССР, Отд-ние обществ. наук, Ин-т истории; под ред. В. Ф. Исаенко, А. Г. Митрофанова, Г. В. Штыхова. – Минск, 1966. – С. 83–97.

13. *Чернявский, М. М.* Неманская культура / М. М. Чернявский // Очерки по археологии Белоруссии / АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1970. – С. 84–87.

14. *Чарняўскі, М. М.* Неаліт Беларускага Панямоння / М. М. Чарняўскі / АН БССР, Ін-т гісторыі; нав. рэд. Д. Я. Цялегін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 142 с.

15. *Чернявский, М. М.* Неолит Северо-Западной Белоруссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / М. М. Чернявский. – Минск, 1971. – 20 с.

16. *Чарняўскі, М. М.* Нёманская культура / М. М. Чарняўскі, У. Ф. Ісаенка // Археалогія Беларусі: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; [рэдкал.: М. В. Біч (старш.) і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / навук. рэд.: М. М. Чарняўскі, А. Г. Калечыц. – С. 145–170.

17. *Kempisty, A.* Kultury paraneolityczne / A. Kempisty // Pradzieje ziem Polskich / pod red. J. Kmiecińskiego. – Warszawa; Łódź, 1989. – Т. 1: Od paleolitu do środkowego okresu lateńskiego, cz. 1: Epoka kamienia. – S. 301–326.

18. *Kempisty, E.* Kultura ceramiki «grzebykowo-dółkowej» na Mazowszu i Podlasiu / E. Kempisty // Wiadom. Archeol. – 1973. – Vol. 38, z. 1. – S. 3–76.

19. *Kempisty, E.* Neolityczne kultury strefy leśnej w północnej Polsce / E. Kempisty // Problemy epoki kamienia na Pomorzu / red. T. Malinowski. – Słupsk, 1983. – S. 175–200.

20. *Чернявский М. М.* Каменный и бронзовый века Белорусского Понеманья и Подвинья / М. М. Чернявский // Белорусская археология: достижения археологов за годы советской власти / редкол.: В. Ф. Исаенко [и др.]. – Минск, 1987. – С. 37–49.

21. *Гурина, Н. Н.* Неманская культура / Н. Н. Гурина // Неолит Северной Евразии / Т. Д. Белановская [и др.]. – Москва, 1996. – С. 155–162.

22. *Загоруйский, Э. М.* Археология Белоруссии: учебное пособие для исторических факультетов вузов БССР / Э. М. Загоруйский / под ред. Б. А. Рыбакова. – Минск: Высшая школа, 1965. – 221 с.

23. *Піваварчык, С.* Археалогія Беларусі: навучальны дапаможнік для спецыяльнасці Г0506 «Гісторыя»: у 2 ч. Ч. 1: Ад палеаліту да ранняга сярэднявечча / С. Піваварчык, Г. Семянчук / Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы. – Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт, 1996. – 137 с.

(Дата падачы: 26.02.2025 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Мигун Д. А.</i> ПОЖАР В РЕЙХСТАГЕ 27 ФЕВРАЛЯ 1933 Г. НА СТРАНИЦАХ БЕЛОРУССКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ	3
<i>Миксюк А. С.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС В АВЕСТЕ: КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ.....	12
<i>Мікалаева Л. В.</i> ПОГЛЯД НА ПРАБЛЕМАТЫКУ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў КАНЦЫ XIV – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVI СТ. У ПРАЦАХ РАСІЙСКІХ САВЕЦКІХ ГІСТОРЫКАЎ	20
<i>Мосейчук Л. И.</i> БИОГРАФИЯ ЛЕОНА ЛЮДВИКА САПЕГИ, ВОССТАНОВЛЕННАЯ ПО ЕГО ВОСПОМИНАНИЯМ	27
<i>Моторова Н. С.</i> УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	33
<i>Мох А. М.</i> РЭСПУБЛІКАНСКІ З’ЕЗД НАСТАЎНІКАЎ У БССР: ПРАКТЫЧНАЕ ПРЫМЯНЕННЕ ЗАКОНА «АБ УМАЦАВАННІ СУВЯЗІ ШКОЛЫ З ЖЫЦЦЁМ», 1960	41
<i>Нарижная Е. П.</i> РЕЦЕПЦИЯ САДОВЫХ СТИЛЕЙ И КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.	47
<i>Некрашевич Ф. А.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРУТСКОЙ ОЧЕРЕДИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1794–1874 ГГ.).....	57
<i>Олесик Е. Я.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И РАЗВИТИЕ СФЕРЫ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БССР (1944–1991 ГГ.)	65
<i>Перзашкевич О. В.</i> ТРАДИЦИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДА В ИНДОИРАНСКОМ МИРЕ И ИХ ПОНИМАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ	74
<i>Приборович А. А.</i> ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА В БССР: ОРГАНИЗАЦИЯ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ	80
<i>Раховская Е. А.</i> ЖЕНЩИНЫ В ФРАНЦИСКАНСКОМ ДВИЖЕНИИ: ДУХОВНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ XIII–XV ВВ.	86
<i>Рубисов Д. О.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ МИТРОПОЛИТОВ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.	94

<i>Рутіч Г. М.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ	102
<i>Самусік А. Ф.</i> АДЛЮСТРАВАННЕ ГІСТОРЫІ АЙЧЫННАЙ АДУКАЦЫІ Ў МЕМУАРНАЙ ЛІТАРАТУРЫ XVI–XVIII СТАГОДДЗЯЎ	112
<i>Свилас С. Ф., Певзнер В. А.</i> СОТРУДНИЧЕСТВО ИСПАНИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В XXI В.	119
<i>Сидорова С. О.</i> УСЛУГИ И ТАРИФЫ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	127
<i>Сидорович Е. А.</i> «КАНТИГИ О СВЯТОЙ МАРИИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА ЧУЖОГО В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОРОЛЕВСТВА КАСТИЛИИ И ЛЕОН	134
<i>Стволыгин К. В.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	143
<i>Сузько М. А.</i> ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	150
<i>Сун Юйхун.</i> СТРАТЕГИЯ КНР ПО РАЗВИТИЮ ОТНОШЕНИЙ С КАНАДОЙ В 1970–1989 ГГ.	156
<i>Тимофеев Р. В.</i> КАДРОВАЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА НА БЕЛОРУССКОМ АВТОМОБИЛЬНОМ ТРАНСПОРТЕ В 1956–1964 ГГ.	165
<i>Уваров И. Ю.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК КАК НАРРАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК О СОБЫТИЯХ ОККУПАЦИИ ГОМЕЛЯ ГЕРМАНСКИМИ ВОЙСКАМИ ВЕСНОЙ 1918 Г.	171
<i>Хэ Бицзюань.</i> АФГАНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР В 2001–2021 ГГ.	179
<i>Чеченев И. О.</i> БОЛИВАРИАНСКИЕ МИССИИ КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ БОЛИВАРИЗМА	187
<i>Цымбал А. Г.</i> ПОЛЬШЧА І ГЕРМАНИЯ: КАНФЛІКТЫ ПАМЯЦІ ПРА ДРУГУЮ СУСВЕТНУЮ ВАЙНУ Ў КАНТЭКСЦЕ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАЛІТЫКІ	195
<i>Шымак А. К.</i> ПАПА АЛЯКСАНДР VI БОРДЖЫА І УСХОДНЯЯ ЕЎРОПА	202
<i>Юрис С. А., Нарижная Е. П., Юрис Т. А.</i> ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (XVI–XVII ВВ.)	210
<i>Юрэцкі С. С.</i> КУЛЬТУРЫ І КЕРАМІКА Ў АРХЕАЛОГІІ 1950–1990-Х ГГ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЭПОХІ НЕАЛІТУ БЕЛАРУСКАГА ПАНЯМОННЯ)	222

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 25

В 4 частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Компьютерная верстка *Я. И. Былинович*

Корректор *И. М. Подоматько*

Подписано в печать 04.08.2025. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 35 экз. Заказ 66.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.